

Slovak international scientific journal

№87, 2024

Slovak international scientific journal

The journal has a certificate of registration at the International Centre in Paris – ISSN 5782-5319.

The frequency of publication – 12 times per year.

Reception of articles in the journal – on the daily basis.

The output of journal is monthly scheduled.

Languages: all articles are published in the language of writing by the author.

The format of the journal is A4, coated paper, matte laminated cover.

Articles published in the journal have the status of international publication.

The Editorial Board of the journal:

Editor in chief – Boleslav Motko (Bratislava) Slovakia

The secretary of the journal – Milica Kovacova (Bratislava) Slovakia

- Lucia Janicka – (Bratislava) Slovakia
- Stanislav Čerňák – (Bratislava) Slovakia
- Miroslav Výtisk – (Nitra) Slovakia
- Dušan Igaz – (Nitra) Slovakia
- Terézia Mészáros – (Banská Bystrica) Slovakia
- Peter Masaryk – (Rzeszów) Poland
- Filip Kocisov – (Wrocław) Poland
- Andrej Bujalski – (Košice) Slovakia
- Jaroslav Kovac – (Trnava) Slovakia
- Paweł Miklo – (Bratislava) Slovakia
- Jozef Molnár – (Bratislava) Slovakia
- Tomajko Milaslavski – (Nitra) Slovakia
- Natália Jurková – (Bratislava) Slovakia
- Jan Adamczyk – (Prague) Czech Republic
- Boris Belier – (Bratislava) Slovakia
- Stefan Fišan – (Bratislava) Slovakia
- Terézia Majercakova – (Wien) Austria
- Ekaterina Semko (Kyiv) Ukraine

1000 copies

Slovak international scientific journal

Partizanska, 1248/2

Bratislava, Slovakia 811 03

email: info@sis-journal.com

site: <http://sis-journal.com>

CONTENT

HISTORY

Huseynova S.

PROTECTION OF HISTORICAL MONUMENTS AS THE
BASIS OF HAYDER ALIYEV'S AZERBAIJAN IDEOLOGY...3

Kravchuk I.

PREREQUISITES FOR IMPLEMENTING THE UNION OF
UKRAINIAN ORGANIZATIONS IN AMERICA7

MATERIALS SCIENCE AND MECHANICS OF MACHINES

Soubhik K.B.

ADVANCING SUSTAINABILITY IN FOOD PACKAGING:
AN OVERVIEW OF BUSINESS STRATEGIES AND
TRENDS.....11

Suleymanova K.

COMPARISONS BY MODULA AND INVESTIGATION OF
THEIR PROPERTIES METHODOLOGICAL SYSTEM OF
EXPERIENCE APPROVAL.....18

PEDAGOGY

Abdujabbarova Z.

THE ROLE OF CULTURE WITH HIGH AND LOW
CONTEXT IN THE ECONOMY OF SPEECH IN ENGLISH
AND UZBEK LANGUAGES.....22

Khikmatova D.

THE CONCEPT OF CHILDHOOD IN THE SCIENTIFIC AND
ARTISTIC TRADITIONS OF THE XX CENTURY29

Begmatova L.

THE METHODOLOGY OF FORMATION OF SPEECH
CULTURE26

Makhkamova G., Safarova M.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE OFFLINE AND
ONLINE APPROACHES TO DEVELOPMENT OF
PEDAGOGICAL STRATEGIES IN TRAINING ENGLISH
TEACHERS32

PHILOLOGY

Akhvlediani M.

TRENDS IN THE ACQUISITION OF THE GEORGIAN
VOCABULARY BY THE RUSSIAN LANGUAGE (THE CASE
OF THE RUSSIAN TRAVELLERS))35

Penah N., Sarzhayev O.

THE PROBLEM OF THE READER'S IMAGE IN THE
TURKIC MONUMENT OF THE XIV CENTURY –
"MUKHABBAT-NAME"39

PHILOSOPHY

Bogdan A.

THE CONCEPT OF PERSONHOOD: PHILOSOPHICAL
AND THEOLOGICAL IMPLICATIONS FOR HUMAN
DIGNITY IN THE AGE OF TECHNOLOGY44

Salmanova K., Salmanov V.

ROLES PERFORMED BY PERSONALITY IN
COMMUNICATIVE ACTIVITY53

Vasilieva O.

ECUMENICAL VIEWS OF JOSYF SLIPYJ OF 1918-196358

POLITICAL SCIENCES

Koshelnyk V.

FEATURES OF INFORMATION SECURITY OF UKRAINE,
THE USA AND THE PRC.....62

ZOOLOGY

Guliyeva S., Mammadov K., Aliyeva E.

APPLICATION OF DUCKWEED AS AN ALTERNATIVE IN
POULTRY FEEDING67

HISTORY

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАК ОСНОВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ГЕЙДАРА АЛИЕВА

Гусейнова С.Р.

*Заведующий/преподаватель кафедры истории Азербайджана
Азербайджанского Государственного Педагогического Университета*

PROTECTION OF HISTORICAL MONUMENTS AS THE BASIS OF HAYDER ALIYEV'S AZERBAIJAN IDEOLOGY

Huseynova S.

*Head/Lecturer of the Department of History of Azerbaijan,
Azerbaijan State Pedagogical University*

DOI: [10.5281/zenodo.13756272](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756272)

Аннотация

Среди ведущих качеств, которые ценят Гейдара Алиева как личность, государственного деятеля и лидера, всегда на первом месте были национальность и привязанность к национальным корням. Он продемонстрировал, что является национальным лидером до самых глубин своего сердца, за все время своего руководства Азербайджаном. Восстановление национальных ценностей нашего народа, сложившихся на протяжении истории, поднятие национальной культуры Азербайджана было одним из аспектов, определивших стиль руководства Гейдара Алиева. Как в 1969-1982, так и в 1993-2003 годах главной причиной достижения успешных результатов в области археологических исследований в Азербайджане были политическая воля Гейдара Алиева, большой организаторский талант и высокая ценность, которую он придавал материальным и культурным ценностям. людей. Гейдар Алиев, обладающий богатыми и глубокими историко-философскими знаниями, уделял большое внимание исследованию и пропаганде материальных и культурных памятников, принадлежащих нашему народу, и в целом очистке от искажений всех страниц истории. Выдвинутые Гейдаром Алиевым ценные мнения и предложения относительно древней истории нашего народа всегда принимаются археологами как программа будущей деятельности, и в этом направлении постоянно ведется работа.

Abstract

Among the leading qualities that value Heydar Aliyev as a personality, statesman and leader, nationality and attachment to national roots have always been at the forefront. He has demonstrated that he is a national leader to the deepest layers of his heart during all the times he led Azerbaijan. Restoring the national values of our people established throughout history, raising the national culture of Azerbaijan was one of the aspects that determined Heydar Aliyev's leadership style. Both in 1969-1982 and in 1993-2003, the main reason for achieving successful results in the field of archaeological research in Azerbaijan was the result of Heydar Aliyev's political will, great organizational talent and the high value he gave to the material and cultural values of the people. Heydar Aliyev, who has a rich and deep historical and philosophical knowledge, paid great attention to the research and promotion of material and cultural monuments belonging to our people, and in general, to cleaning all pages of history from distortions. The valuable opinions and proposals put forward by Heydar Aliyev regarding the ancient history of our nation are always accepted by archaeologists as a program of future activities, and work is constantly being carried out in this direction.

Ключевые слова: Гейдар Алиев, основы идеологии азербайджанства, материальные и культурные памятники, охрана археологического наследия, указы.

Keywords: Heydar Aliyev, the basis of the ideology of Azerbaijaniism, material and cultural monuments, protection of archaeological heritage, decrees.

С приходом к политической власти в Азербайджане общенационального лидера Гейдара Алиева закончилось равнодушное отношение к нашим историческим, археологическим и архитектурным памятникам, возросла вера нашего народа с древней и богатой историей в будущее. Изменилось отношение к исследованию наших исторических истин, наших природных ресурсов, наших материальных и культурных памятников. За годы руководства страной великий лидер Гейдар Алиев защита и популяризация нашего материального и культурного наследия достигли высокого уровня развития.

В 70-80-е годы прошлого века были проведены многочисленные археологические и этнографические экспедиции, обнаружены и собраны тысячи древних образцов материального и культурного наследия нашего народа. Помимо крупных городов, практически во всех регионах Азербайджана созданы историко-краеведческие музеи, созданы археологические базы для дальнейшего повышения эффективности археологических раскопок. Общенациональный лидер имеет множество ролей и заслуг в жизни предприятий и организаций, научных и образовательных учреждений, регионов и сел

Азербайджана. Те же слова относятся и к материальным памятникам культуры Азербайджана-археологическим, архитектурным, художественным и т.д. можно сказать и о поиске, охране и научном исследовании памятников. Великий лидер Гейдар Алиев лично посетил исторические памятники и места археологических раскопок и неоднократно отмечал необходимость их исследования и пропаганды (7, с. 1).

Одним из главных столпов идеологической базы идеологии азербайджанства Гейдара Алиева являются именно наши исторические памятники и их защита. Поэтому защита исторических памятников на фоне всестороннего и непрерывного развития Азербайджана в современное время считается одной из важных предстоящих задач. Благодаря вниманию и заботе Гейдара Алиева достижения археологов 1970-х и 1980-х годов позволили исследовать древние периоды истории и культуры азербайджанского народа. Эти материалы стали важным инструментом, широко используемым при подготовке многотомной истории Азербайджана, учебников для высших и средних школ. (2, с. 219).

Когда Гейдар Алиев пришел к руководству республики в 1969 году, одной из мер, которые он первоначально предпринял, было уточнение учета исторических и архитектурных памятников на территории Азербайджана и их перерегистрация. Для этого в регионы были направлены рабочие группы, состоящие из ученых Академии и сотрудников Министерства культуры. В результате было обнаружено и зарегистрировано множество новых памятников, ранее не зарегистрированных. В то же время стало известно, что некоторые памятники, ранее состоявшие на государственном учете, исчезли по неизвестным причинам в 50-60-х годах прошлого века. Выявлено, что надписи на некоторых памятниках были вновь удалены, их надписи уничтожены или к ним были намеренно сделаны фальшивые дополнения. Стало известно, что армяне, злоупотребляя человеческими отношениями, украли эти исторические памятники и вывезли их в Армению, либо занимались их разрушением и разрушением (6, л.1).

Равнодушное отношение к нашим историческим, археологическим и архитектурным памятникам изменилось в конце 60-х годов 20 века. Отношения с нашими природными ресурсами и историческими памятниками вышли на новый уровень. С этого времени перед исследователями, занимающимися исследованием древних пластов нашей истории, в соответствии с национальными интересами азербайджанского народа были выдвинуты конкретные требования и созданы все необходимые условия для реализации этих требований. В 1969 году, с приходом Гейдара Алиева к руководству Азербайджана, в результате возросшей государственной заботы об охране и изучении памятников истории и культуры, случаи халатности, произвола, безразличия и некомпетентности, наблюдавшиеся в отдельных местах, были весьма многочисленны. серьезно предотвращено.

Доклады и выступления национального лидера, заявления и письма, архивные материалы

важны как ценнейшие первоисточники. Гейдар Алиев, как правило, дает подробное объяснение и анализ исторических событий, подробно излагает причины и последствия. Событиям и фактам дана достаточно объективная и справедливая научно-историческая и политическая оценка. Следует отметить, что все это представляет собой научно-методологическую и политическую основу, которая будет считаться чрезвычайно ценной как для современного, так и для будущих поколений историков.

Благодаря дальновидным мерам Гейдара Алиева охрана исторических и архитектурных памятников, принадлежащих нашему народу, стала более серьезной, изменилось отношение к их пропаганде. Ряд мероприятий был проведен под руководством великого лидера, который уделял большое внимание и заботу нашей истории и историко-культурным памятникам. Прежде всего состоялись обсуждения, определившие направления предстоящей работы на высшем уровне, были приняты законы и решения. Включение и обсуждение вопроса о состоянии памятников культуры в районе и мерах по их охране в повестку дня сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР в сентябре 1973 года было очень важным событием (8, с. 2).

Гейдар Алиев, уделявший особое внимание охране, реставрации и пропаганде национально-культурного наследия и исторических памятников азербайджанского народа, лично руководил расширением музейной сети, которая считается важным инструментом в этой области. По его инициативе 30 сентября 1970 года Бюро ЦК Компартии Азербайджана приняло специальное решение о повышении роли музеев в пропаганде истории и культуры Азербайджана. Одним из первых мероприятий в этом направлении стало празднование 50-летия Азербайджанского музея истории ЭА в 1970 году. Принято немало важных решений по укреплению материально-технической базы этого научно-пропагандистского учреждения, играющего важную роль в пропаганде нашей национальной истории, увеличению и обогащению количества выставленных там экспонатов.

В годы независимости в Азербайджанской Республике начался новый этап развития археологии. В первые дни своего возвращения на политическую арену Х.А. Алиев ни на минуту не забывал о проблеме исследования истории нашей страны даже в самые беспокойные времена. Решением Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 8 июля 1993 года № 386 на базе сектора Археологии и этнографии в составе Института истории Академии наук Азербайджана был создан самостоятельный Институт археологии и этнографии. . Перед институтом была поставлена задача исследования основных проблем древней и средневековой истории и культуры Азербайджана на основе требований современной мировой науки (3, с. 85).

В период после восстановления нашей государственной независимости под руководством Гейдара Алиева развитие азербайджанской культуры вступило в новый этап. В этот период особое вни-

мание уделялось вопросам, которым в силу определенных политических и идеологических причин в годы советской власти уделялось внимание, а кроме сохранения и развития национального наследия были достигнуты успехи и в области внедрения это миру. Впервые в истории национальный политический курс Азербайджана стал реализовываться как часть независимой государственной политики.

После возвращения к власти великого лидера Гейдара Алиева в 1993 году ситуация в нашей республике постепенно стабилизировалась, были созданы благоприятные условия для возобновления научных исследований. Встреча Гейдара Алиева с учёными академии, задача переписать историю Азербайджана, которую он поставил перед историками и учёными, стала своего рода призывом к археологам вновь с большой решимостью приступить к работе. С этого времени отдельные археологические экспедиции постепенно вновь начали действовать и комплексовались в соответствии с новыми условиями. В годы независимости в Азербайджанской Республике начался новый этап развития археологии. В первые дни своего второго возвращения на политическую арену, даже в самые беспокойные времена, Гейдар Алиев ни на минуту не забывал вопрос исследования истории нашей страны. Решением Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 8 июля 1993 года № 386 на базе сектора археологии и этнографии Института истории Академии наук Азербайджана был создан самостоятельный Институт археологии и этнографии. Перед институтом была поставлена задача исследования основных проблем древней и средневековой истории и культуры Азербайджана на основе требований современной мировой науки.

Благодаря личной инициативе и непосредственному руководству Гейдара Алиева сохранение материального и культурного наследия Азербайджана, создание совершенной правовой базы для научных исследований имели большое значение для государства, только что обретшего независимость. Так, за подписью общенационального лидера были приняты республиканские законы от 10 апреля 1998 года «Об охране памятников истории и культуры» и «О присоединении Азербайджанской Республики к Европейской конвенции об охране археологического наследия». 20 октября 1999 года были приняты. В этих Законах были разъяснены правовые основы сохранения, исследования и использования памятников и показано, что все это имеет государственное значение. При этом в включенных в специальные статьи о состоянии памятников в оккупированных регионах отражалась необходимость постановки вопроса перед международными организациями по контролю за охраной памятников на этих территориях (5, с. 7).

По рекомендации Гейдара Алиева началась интеграция азербайджанских археологов в мировую археологию Грузии и т.д. научное сотрудничество с такими странами, как Первые международные экспедиции были созданы во время руководства Гейдара Алиева в Азербайджане. Наши археологи принимали непосредственное участие в программах ЮНЕСКО «Великий шелковый путь»

и «ИНТАС-2000». Национальный лидер подписал Указ от 26 октября 1998 года «О мерах, связанных с выполнением решений Международной Бакинской конференции по восстановлению «Исторического Шелкового пути» (9, с. 47). Гейдар Алиев во всей своей деятельности высоко оценивал труд ученых и интеллектуалов, время от времени встречался с ними и обменивался идеями. 21 сентября 1993 года на встрече с интеллектуалами в Академии наук Азербайджанской Республики он сказал: "Если мы хотим представить Азербайджан миру как независимое государство, нам необходимо поделить древней историей Азербайджана, путь, пройденный ею за столетия, как наших граждан, так и ученых всех стран, нашей республики. Мы знакомим людей, проявляющих интерес. В этой области перед нашими историками стоят огромные задачи, и на них ложится большая ответственность. Я говорил тогда, когда работал в Азербайджане, и сейчас придерживаюсь этих слов, что готов создать все условия для наших историков. При условии, что в обмен на эти условия мы сможем получить от наших историков произведения, хорошо отражающие историю Азербайджана для сегодняшнего дня, для будущих поколений и для всего будущего. Поэтому с этой точки зрения я хочу затронуть один вопрос: историю нельзя искажать.

Ильхам Алиев с большим успехом продолжает политику исследования, защиты и популяризации материальных и культурных памятников, заложенных великим лидером Гейдаром Алиевым. Благодаря многочисленным распоряжениям главы государства археологические и этнографические науки Азербайджана достигли уровня ведущих научных учреждений мира в этой области, был реформирован Институт археологии, этнографии и антропологии. Ярким примером тому является указ Ильхама Алиева от 11 июня 2007 года «Об охране историко-культурных ресурсов, расположенных на территории Гобустанского государственного историко-художественного заповедника», 19 декабря 2007 года «Историческая территория села Хыналыг». Губинского района Азербайджанской Республики» от 19 декабря 2007 года. «Об объявлении Государственного историко-архитектурного и этнографического заповедника «Хыналыг» и комплекса пещер, охватывающего часть хребта Кешикчидаг на территории Агстафинского района, «Государственный историко-культурный заповедник Азербайджанской Республики «Кешикчидаг»» от 5 февраля 2008 года «Азербайджан» из Резервного фонда Президента Азербайджанской Республики Выделение одного миллиона манатных средств Институту археологии и этнографии Национальной академии наук», от 04 2009 года «Национальная стратегия развития науки в Азербайджанской Республике в 2009-2015 годах» и «Национальная стратегия развития науки в Азербайджанской Республике в 2009-2015 годах» «О утверждении Государственной программы по реализации стратегии», от 18 апреля 2012 года, «О некоторых мерах, связанных с созданием Гётепинского археологического парка», от 26 апреля 2012 года, «Материальный документ Института археологии и этнографии Национальной академии наук

Азербайджана» - об укреплении технической базы», от 31 октября 2018 года, «О дополнительных мерах, связанных с охраной исторической части города Шеки», от 22 октября 2019 года, «Чираггала-Шабран». территории исторических заповедников «Чираггала» и «Город Шабран» Об объявлении Государственного историко-культурного заповедника», «Об объявлении исторической территории Шамкирского района «Древний Шамкирский город» Государственной историко-культурной Заповедник», «Об объявлении исторической территории района Агсу «Средневековый город Агсу» Государственным историко-культурным заповедником и 8 декабря 2020 года Фонд Гейдара Алиева приступил к реализации проекта по восстановлению материальных и культурных памятников. памятники и мечети на территориях, освобожденных от оккупации.

Список литературы

1. Гейдар Алиев на страже нашего культурного наследия (Фонд Гейдара Алиева) Баку 2001. С. 336.

2. Гейдар Алиев и культура (авторский коллектив) Баку 2008. 520 с., 219. Издательство «Нурлар».
3. Гейдар Алиев Общенациональный лидер (Редакция) Аппарата Президента Азербайджанской Республики. Президентская библиотека. Баку 2004. 122 с., с. 85. Издательство Преслиб.
4. Газета «Азербайджан», 3 июня 2014 г. Вопрос 3.
5. Газета «Халг», 28 августа 2018 г., стр. 3.
6. Газета «Республика», 22 января 2014 г. С 1-2
7. Газета «Халг», 28 апреля 2013. С 3.
8. Память 12 июля 2006 г. Стр. 2.
9. Хазарский университет «Археология Азербайджана». Баку 2018. Том 21 № 2.132 с., стр. 47.
10. Гейдар Алиев-100 «Сборник статей Республиканской научной конференции по приоритетным вопросам археологии, этнографии и антропологии в Азербайджане». Баку 2023. 416 с. Аббас Сеидов «Гейдар Алиев-100: Азербайджан на пути к подъему науки и образования» с.

Кравчук І.

здобувач відділу новітньої історії

Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1513-7624>**PREREQUISITES FOR IMPLEMENTING THE UNION OF UKRAINIAN ORGANIZATIONS IN AMERICA****Kravchuk I.***Applicant of the Department of Contemporary History**I. Krypiakievych Institute of Ukrainian Studies of NAS of Ukraine*ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1513-7624>DOI: [10.5281/zenodo.13756276](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756276)**Анотація**

Розглянуто передумов утворення Об'єднання українських організацій в Америці. Відзначено, що ви-токи громадської інституції необхідно шукати на початку XX ст. Констатовано, що події Першої світової війни та Української революції 1917–1921 рр. значно вплинули на формування національної свідомості українців у США, сприяли розбудові українських громадських, культурних та політичних організацій, а також призвели до ідеологічної диференціації серед діаспори. Зазначено, що важливу роль у цих процесах відігравав Український Народний Союз (УНС) та інші організації, які намагалися консолідувати українську громаду для підтримки національно-визвольних змагань на батьківщині, що згодом привело до утворення Об'єднання українських організацій в Америці (1922 р.).

Abstract

The prerequisites for the formation of the Association of Ukrainian Organizations in America were considered. It is noted that the origins of the public institution must be sought at the beginning of the 20th century. It was established that the events of the First World War and the Ukrainian Revolution of 1917–1921 significantly influenced the formation of the national consciousness of Ukrainians in the USA, contributed to the development of Ukrainian public, cultural and political organizations, and also led to ideological differentiation among the diaspora. It is noted that an important role in these processes was played by the Ukrainian People's Union (UNS) and other organizations that tried to consolidate the Ukrainian community to support national liberation struggles in the homeland, which later led to the formation of the Association of Ukrainian Organizations in America (1922).

Ключові слова: Об'єднання українських організацій Америки, США, Українська революція 1917–1921 рр., Перша світова війна, громадська організація, національна свідомість.

Keywords: Association of Ukrainian Organizations of America, USA, Ukrainian Revolution of 1917–1921, First World War, public organization, national consciousness.

У другій половині XX ст. відомий громадсько-політичний діяч І. Кедрин слушно зазначав, що «нинішня густа (може аж занадто густа) мережа організацій в ЗСА не народилась із пустки» [3, с. 98]. Особливого розмаху розбудова українських національно-культурних та політичних інституцій у США, що згодом привело до утворення Об'єднання українських організацій Америки, набула у роки Першої світової війни та роки Української революції 1917 – 1921 рр.

Перша світова війна, фронт якої пролягав через українські землі, слугувала потужним чинником формування в українців у США національної самосвідомості та специфічного сильного ментального зв'язку з батьківщиною [10, с. 114]. Водночас масштабний воєнний конфлікт, події Української революції 1917 – 1921 рр. сприяв поширенню негативних тенденцій у середовищі української діаспори – дав поштовх «до розмежування в імміграції згідно з критерієм етнічного самовисвідомлення – на прихильників української національної ідеї, окремішності «руських» («русинів», «карпаторусів») як етносу, захисників ідеї «єдиного російського народу» [4]. На думку М. Лендбел ці

події можна вважати етапом ідеологічної диференціації серед українців США [4].

У цей період провідною українською організацією на американському континенті залишався УНС, який на початку 1914 р. нараховував бл. 25 000 членів [5, с. 26] (за переписом 1910 року, в США проживало бл. 250 000 осіб українського походження). За словами членів товариства, «діяльностеві рекорди підтвердили в дальшому факт, що виховні, релігійні, культурні і патріотичні завдання розгорнено і здійснювано з видатним успіхом на широкому національному рівні» [5, с. 27].

Однак на тлі поетапного занепаду УНС постала нагальна необхідність «заложити в Америці національну політичну організацію» [6, с. 70–73], яка б об'єднала більшість національно-свідомих українських американців. З ініціативи головного уряду УНС у вересні 1914 р. утворено комітет, який мав здійснити організаційні кроки щодо створення Української Народної Ради (УНРада), яка мала завдання об'єднати усі українські громади у США. «Гадка про основанє такої загальної Української Народної Ради у Злучених Державах товчється у нас вже від року, але годі було приступити до її

здійснення через посторонні роздори, однак тепер з уваги на великі події в нашій рідній країні, гадаємо, ті роздори повинні притихнути і нашу добру гадку повинен загальний прийняти!» [11, с. 2], – повідомила газета.

На конференції УНС 15 вересня 1914 р. в Буффало (округ Ері штату Нью-Йорк) було схвалено стратегічні напрями діяльності товариства. Учасники заходу прихильно оцінили перспективу створення нової політичної структури. Як результат – відповідно рішення конференції постала Українська Народна Рада [10, с. 114]. «Ся організація опиралася передівсім на членах У. Н. Союзу, а інші групи не пристали до неї» [10, с. 114], – відзначали члени товариства. Одне з перших рішень Ради – виділення 1 000 доларів до Фонду Визволення України [3, с. 98].

Наступним кроком на шляху до ідеологічної диференціації серед українців США стало проведення 30-31 жовтня 1915 р. у Нью-Йорку Першого Українського Сейму (235 делегатів від 457 товариств) [3, с. 98]. Його організатори та ідейні натхненники – найвпливовіші українські громадські організації США – УНС, Український робітничий союз, Об'єднання українців-католиків «Провидіння» та ін. товариства [1, с. 3].

Напередодні, 9 вересня 1915 р. М. Січинський, як секретар Тимчасового Комітету, повідомив, що «Греко-католицька церква й церковно-запомогові організації не візьмуть участі ані в соймі, ані у виборах до Загального Українського Комітету, тому, що мають змогу розвивати свою діяльність у своїй Американській Руській Раді, яка має релігійно-політичний характер». У відповідь Тимчасовий Комітет зазначив у своїй відозві, що «Український Сойм і Український Загальний Комітет опиратиметься лише на світських організаціях, але кожна Група могла вибрати священика своїм представником» [1, с. 3]. До передсеймового комітету увійшли: Д. Капітула, І. Артимович, І. Бородайкевич, М. Байдук, С. Ядловський, М. Січинський, П. Задорецький, О. Ревюк, І. Ардан, С. Гладкий, Ю. Луців, Ж. Бифчинський, В. Кузів, О. Стеткевич [1, с. 3].

Передсеймовий Комітет розіслав інструкції-поради щодо вибору делегатів Сейму і списки щодо вибору Загального Українського Комітету у США. Їх направлено до центральних організацій, які мали якнайшвидше ознайомити з ними свої відділи, а відділи повинні їх виконати на найближчих мітингах (у т. ч. й надзвичайних). Передусім, кожний відділ з кожної української центральної організації повинен був вибрати делегата на Сейм, надати йому відповідні повноваження та оплатити транспортні витрати. Кожний відділ з кожної української центральної організації повинен був на найближчому мітингу провести вибори Загального Українського Комітету у США (на основі надісланого списку). Обраних повинно було бути 15 осіб [1, с. 3]. Зважаючи на те, що в США діяла велика кількість українських просвітних, політичних і т. зв. «допомогових» товариств, які не належали до центральних організацій, вони повинні були «зголоситися» до секретаря Передсеймового Комітету

М. Січинського для отримання необхідних інструкцій [1, с. 3].

О. Сухобокова відзначала, що «проведення Першого українського сейму стало важливою віхою становлення української діаспори як організованої спільноти, об'єднаної спільною метою – визволення Батьківщини. Сейм поклав початок консолідації українців США та координації їх діяльності через центральну загальноамериканську українську організацію. Українська громада набувала рис згуртованої та організованої національної діаспори, що могла відстоювати інтереси своєї Батьківщини» [10, с. 178].

1916 рік відзначився, за словами редакції «Ювілейного альманаху УНС», низькою активністю українців у Сполучених Штатах Америки у порівнянні з попередніми роками. Все ж, у цей час УНС та «Провидіння» створили альтернативну до Федерації українців у Злучених Державах організацію – «Українську раду». Обидві організації, за словами сучасних науковців, діяли в інтересах України, привертаючи увагу до «українського питання» [13].

Почин до створення нової громадсько-політичної інституції було покладено 10 жовтня 1916 р. відбувся з'їзд українського духовенства США, на якому ухвалено резолюцію, в якій йдеться про вихід товариства зі складу Федерації Українців у Сполучених Штатах Америки. У документі відзначено: «З огляду на те, що теперішнє політичне положення вимагає з'єднання всіх народних сил до поважної і солідної праці, а Федерація Українців у Злучених Державах веде вузкопартійну політику, ворожу Церкві і народові, загальний з'їзд українських священиків рішив оснувати Українську Раду в Америці» [6, с. 70–73].

У порозумінні з УНС було обрано Комітет (п'ять членів), який вирішував організаційні питання щодо створення нової громадської інституції. На першому спільному засіданні 1 листопада 1916 р. «порішено заснувати загально-національну організацію під назвою «Українська Рада» [6, с. 73]. Згодом обрано спільний комітет (9 осіб). 25-26 грудня 1916 р. відбулися загальні збори Української Ради.

На установчі збори прибули делегати греко-католицької дієцезії, Українського Народного Союзу, товариства «Провидіння» та «Згоди Братств». До виконавчого комітету були обрані: о. В. Довгович (голова), Д. Капітула, П. Кирилюк (заступники голови), о. Є. Сидоряк (фінансовий секретар), Г. Заячківський, К. Кирчів, о. А. Павляк, о. В. Держирука та С. Ядловський. До контрольної комісії увійшли: А. Гавриляк, І. Боросевич, А. Савка [6, с. 73].

Члени УНС зауважували, що «на зборах переведено багато корисних ухвал, а найважливішою з них, бо на часі, було завізане всіх місцевих організацій в Америці вислати дня 14 січня 1917 р. до австрійської і німецької амбасад у Вашингтоні протести проти наміреного влучення Східної Галичини до польського королівства. Сі протести внесені дійсно від яких 300 товариств, а крім сього головний відділ «Української Ради» вніс від себе дня 10

січня 1917 р. обширно умотивований меморіал до обох амбасад. Обі амбасади відповіли, що телеграфічно повідомили свої правительства про протест Українців. Дня 25 січня 1917 р. прийшли урядові телеграми з Берліна, що справу Галичини поладиться аж по війні» [6, с. 73].

Також при товаристві були створені фонди: народний фонд (для забезпечення діяльності адміністрації та видавничу діяльність); фонд вдів і сиріт (для жертв війни в «старім краю»); фонд переселених до Сибіру; фонд Січових Стрільців; фонд імені Івана Франка. Діяльність Української Ради охоплювала усі поточні справи української еміграції та справи українського народу загалом, а засідання відбувалися «досить часто, за потреби, але не менше одного разу на місяць» [6, с. 73].

Значну увагу у своїй діяльності Українська Рада приділяла виокремленню окремого «Українського дня» на державному рівні для привертання уваги американських громадсько-політичних діячів до «українського питання». Члени УНС констатували, що «введення Українського Дня – се головна заслуга адміністратора української грецько-католицької дієцезії, о. Петра Понятишина, котрий для сеї справи посвятив багато праці, заходів і коштів. Вкінці ці заходи увінчалися успіхом і дня 16 марта 1917 р. президент Вілсон видав проклямацію, якою проголосив день 21 цвітня 1917 р. Днем Українським для збірки на жертви війни в старім краю по всіх місцевостях Злучених Держав» [12, с. 38–43].

Відзначення на державному рівні «Українського дня» дозволило зібрати значні кошти. «З тої суми вислано вже 100.000 рублів, небаром по вибуху революції в Росії, до Києва, на адресу проф. Михайла Грушевського, на поміч для галицьких і буковинських вигнанців на Сибірі, в Московщині і на Україні, – зауважували члени УНС. – Одержане тих грошей проф. Грушевський потвердив на однім із засідань Української Центральної Ради в Києві. Решта грошей остає в американських банках» [12, с. 38–43].

Видавнича діяльність Української Ради – не менш важливий напрям праці товариства. «Видавнича діяльність Української Ради в Америці полягає доси у виданню поважної наукової праці проф. Степана Рудницького п. з. «Ukraine» в англійській мові і журналу, також під назвою «Ukraine», – зауважували члени Ради. – Оба ці видання дають чужинцєви основні інформації про український нарід, про його край, його історію, культуру і стремління та про теперішню боротьбу за волю. Сі видавництва розширено в Злучених Державах, в Канаді і в Європі і вони певно сповнили свою інформаційну місію» [12, с. 38–43].

Політичні дискусії серед членів товариства у досліджуваний період точилися навколо трьох блоків питань: «українська політика в Злучених Державах; становище української іміграції в Злучених Державах до української політики в Європі; відношене української іміграції в Злучених Державах до політики американської і міжнародної» [12, с. 38–43].

У 1918 р. було засновано ще дві доволі впливові політичні структури – Український Народний

Комітет (УНК) та Український Робітничий Союз (УРС). Останній був створений з метою покращення соціально-економічного становища українських робітників у Сполучених Штатах Америки. Союз прагнув об'єднати українських робітників, захищати їхні права, надавати соціальну та правову допомогу, а також сприяти їхньому культурному та освітньому розвитку [9, с. 56].

Основні завдання та мета діяльності УРС:

- захист прав робітників (Союз виступав за захист трудових прав українських робітників, забезпечення їм гідних умов праці, справедливої оплати праці та соціальних гарантій);

- соціальна допомога (УРС надавав своїм членам різноманітні види допомоги, включаючи фінансову підтримку у випадках хвороби, нещасних випадків або безробіття);

- освітня та культурна діяльність (Союз організовував курси для підвищення кваліфікації, лекції, видавав літературу українською мовою, сприяв збереженню української культури та традицій серед діаспори).

- підтримка національного руху (незважаючи на те, що основна увага УРС була зосереджена на соціально-економічних питаннях, Союз підтримував ідеї національного визволення України та активно співпрацював з іншими українськими організаціями, які прагнули незалежності України) [9, с. 56].

Останній напрям діяльності був надзвичайно важливий у роки Української революції. Товариство та його друкований орган – «Народна Воля» відкрито виступали проти «австрійського імперіалізму, який хотів використати вбивство престолонаслідника Фердинанда для знищення сербської незалежності» [9, с. 56]. За словами М. Стахів, «Народна Воля» тоді проголосила «поруч з першим братським гаслом «Всі за одного, один за всіх» також патріотичний національний клич «За Самостійність – За Соборність!» [9, с. 56].

УРС, «Народна Воля» підтримували Січових Стрільців «морально і матеріально, зокрема збірками на інвалідів» [9, с. 56]. «Ця позиція Українського Робітничого Союзу і «Народної Воли» спричинилася до великого перелому серед української іміграції за океаном. У той час заліза і крові на українських землях, рух УРС довів до завершення національного світогляду серед іміграції і до посилення протидії москвофільству», – зауважував М. Стахів [9, с. 56].

Якщо діяльність УРС мала виражений соціально-економічний підтекст, то діяльність УНК у 1918 – 1919 рр. спрямовувалася на захист Української революції та допомогу українським військово-політичним формуванням у боротьбі проти червоноармійців та денікінців. Важливе значення у житті товариства відіграв з'їзд 1920 р., який підсумував перші роки діяльності організації. 15-16 січня 1920 р. у готелі «Пенсільванія» (Нью-Йорк) відбувся річний з'їзд Українського Народного Комітету під керівництвом С. Слободяна. У вступній доповіді секретар товариства В. Лотоцький повідомив про діяльність організації, зокрема зауважив, що упродовж першого року своєї діяльності

УНК організував понад 150 місцевих комітетів, які об'єднали понад 300,000 українців. Організовувано масові віча, протести й маніфестації. Водночас було надіслано 8000 протестних телеграм «проти польського нападу на Галицьку Україну та проти 25-річного польського мандату над нею» [8, с. 2].

Констатовано, що УНК займався пропагандистською діяльністю через пресове й інформаційне бюро в Нью-Йорку та Вашингтоні. З ініціативи та коштом УНК, зокрема, було видано дві книги «Ukraine on the Road to Freedom» та «Polish Atrocities in Ukrainian East Galicia». За участі товариства Ліга Націй видала об'ємний меморіал та книгу під назвою «The Case of New Republics», які були розіслані безкоштовно «в тисячах примірниках». Також підготовлено нову книгу, в якій «будуть зібрані всі насильства поляків у Галицькій Україні, а також велика книга про історію та страждання Галицької України під польською шляхтою за Польщі, за Австрії та тепер» [8, с. 2].

Своїм найбільшим досягненням члени УНК вважали відправлення делегата на Паризьку мирну конференцію. Зважаючи на те, що «американським урядовим колам ще важливо зберегти принцип федерації, можливо тому, що Америка сама як федеральна спілка вірить у велике значення цього принципу, і тому кажуть, що уряд Сполучених Штатів скоріше визнає би народні республіки колишньої російської імперії, якби вони між собою дійшли до якогось міжнародного порозуміння», УНК вступив до Ліги Українців, Литовців, Латишів і Естонців у США, яка з жовтня 1919 р. «веде свою ідейну працю й пропаганду у Сполучених Штатах» [8, с. 2].

Таким чином, станом на 1921 рік у Сполучених Штатах Америки діяли декілька впливових українських громадсько-політичних організацій, які представляли інтереси української діаспори та підтримували боротьбу за незалежність України. Базові з них: Українська Народна Рада (УНРада), Український Допомоговий Комітет, Український Народний Союз (УНС) та ін. Вищезазначені організації відігравали ключову роль у «підтримці української справи» на міжнародному рівні, об'єднували

українську діаспору в США та заклали фундамент Об'єднання українських організацій в Америці.

Список літератури

1. В справі Українського союму в Нью Йорку. *Свобода*. 1915. 2 жовтня. С. 3.
2. З часів руїни на еміграції. *Календар Українського Народного Союзу на рік звичайний 1918*. Джерзі Сіті, 1917. С. 64–69.
3. Кедрин І. УНС і громада. *Ювілейний альманах у 75-річчя Українського народного союзу*. 1894 – 1969. Джерзі Сіті – Нью Йорк, 1969. С. 96–98.
4. Лендшел М. Досвід самоорганізації української етнічної групи в США. URL: <https://dspace.uzhnu.edu.ua/jspui/bitstream/lib/41748/1/>
5. Лисогір Й. Зорганізувались, щоб служити. *Ювілейний альманах у 75-річчя Українського народного союзу*. 1894 – 1969. Джерзі Сіті – Нью Йорк, 1969. С. 23–26.
6. Національна політична організація. *Календар Українського Народного Союзу на рік звичайний 1918*. Джерзі Сіті, 1917. С. 70–73.
7. Падох Я. УНС у невинному змаганні за ріст і розвиток. *Ювілейний альманах у 75-річчя Українського народного союзу*. 1894 – 1969. Джерзі Сіті – Нью Йорк, 1969. С. 64–69.
8. По річному зїзду У.Н. Комітету. *Свобода*. 1920. 20 січня. С. 2.
9. Стахів М. Наше минуле і майбутнє в Америці: з історії української імміграції в З'єднаних Державах Америки та її організаційних змагань. Скрентон, 1950. 98 с.
10. Сухобокова О. Створення Українського конгресового комітету та його діяльність у період «холодної війни». *Проблеми всесвітньої історії*. 2023. Вип. 1. С. 114–119.
11. Українська Народна Рада. *Свобода*. 1914. 20 серпня. С. 1.
12. Українська рада в Америці. *Календар Українського Народного Союзу на рік звичайний 1919*. Джерзі Сіті, 1918. С. 38–43.
13. 30-31 жовтня 1915 р. у Нью-Йорку відбувся Перший український сейм в Америці. URL: <http://www.diaspora.ua>

MATERIALS SCIENCE AND MECHANICS OF MACHINES

ADVANCING SUSTAINABILITY IN FOOD PACKAGING: AN OVERVIEW OF BUSINESS STRATEGIES AND TRENDS

Soubhik K.B.

Associate, McKinsey & Company
MBA (Kellogg School of Management)

DOI: [10.5281/zenodo.13756384](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756384)

Abstract

This research paper provides an in-depth analysis of the evolving landscape of sustainable food packaging, driven by increasing consumer demand and stringent regulatory requirements. It explores key trends in sustainable packaging, including the adoption of recycling initiatives, innovative materials, and advanced design techniques. Additionally, the paper discusses the emerging circular bioeconomy approach, which emphasizes a cradle-to-cradle model to optimize sustainability at every stage of the packaging lifecycle. Certifications and standards are also addressed as essential tools for ensuring transparency and promoting environmentally responsible practices in the packaging industry. By analyzing the strategies employed by leading companies, this paper sheds light on the current state of sustainable food packaging and offers insights into future developments in this crucial area.

Keywords: Sustainable food packaging, Sustainable business strategies, Renewable materials, Circular bioeconomy, Sustainable Packaging.

1. Introduction:

Food packaging has always been essential for ensuring the safe distribution of products throughout modern supply chains. It plays a vital role in society by safeguarding food and food products from potential damage and degradation, maintaining safety and hygiene, and actively reducing food waste. With over 30% of food produced ending up in landfills due to spoilage during transportation or harvesting, effective food packaging is crucial for minimizing and preventing food waste [1]. As sustainability becomes a central

concern, the food industry must prioritize investments in areas like food packaging. When choosing packaging materials, it is important to select those that do not compromise human health, contribute to landfill waste, are recyclable or reusable, and do not emit greenhouse gases [2]. The packaging material must also resist moisture changes, microbial contamination, and gas permeability [3,4]. The Sustainable Packaging Coalition (SPC) lists eight criteria for Sustainable Packaging as shown in Table 1 [5].

Table 1.

Criteria defined by SPC for Sustainable Packaging

Criteria	Criteria Description
1	Beneficial, safe, and healthy for individuals and communities throughout its life cycle.
2	Meets performance and cost criteria in the market.
3	Sourced, manufactured, transported, and recycled using renewable energy.
4	Utilizes renewable or recycled source materials.
5	Manufactured with clean production technologies and best practices.
6	Made from materials that are healthy throughout their life cycle.
7	Designed to optimize the use of materials and energy.
8	Effectively recovered and utilized in biological or industrial closed-loop cycles.

1.1 Types of Food Packaging:

Packaging materials are crucial for product quality, presentation, and preservation, as they influence customer confidence and effectively communicate information. In this section, we discuss the types of most popular food packaging materials:

I. **Plastics:** Petroleum-based polymers like polyethylene, polypropylene, and polyester are widely used in packaging due to their good barrier properties, lightweight nature, and low cost, making plastics the most common packaging material [6]. However, their extensive use poses significant environmental challenges, including CO₂ emissions during production and pollution from improper disposal, leading to plastic waste in landfills and oceans. The European Union aims to re-

duce plastic waste by 55% by 2025 and ensure all materials are 100% recyclable or reusable by 2030, prompting a shift towards sustainable alternatives like biodegradable materials [7]. Biodegradable polymers, derived from natural, microbial, or chemical sources, are being explored to address these environmental concerns [8].

II. **Paper and Paperboard:** Paper and paperboard are widely used in packaging across various industries due to their sustainability and cost advantages over plastics, metals, and glass [9]. However, they have limitations, such as low resistance to water, chemicals, and strength. To overcome these issues, coatings like plastic or aluminum are often applied to enhance moisture resistance and durability. Despite these limitations, pa-

per-based packaging is gaining popularity as a more environmentally friendly alternative to plastics, especially with ongoing improvements and growing environmental concerns [10]. Coated paperboard is commonly used for packaging products, including those that may be microwaved, with careful selection of coatings to prevent harmful chemical reactions during heating [11].

III. Glass: Glass remains an important material in packaging, particularly in the food and pharmaceutical industries, due to its advantages in safety, preservation, and resistance to chemical attacks [12]. Despite other industries shifting to plastics and metals, glass continues to be favored for maintaining the quality and sensorial attributes of products. Glass containers, made either from recycled glass or by melting a mix of silica, sodium carbonate, and limestone, can be molded into various shapes and sizes, often used to convey messages to consumers [13–15]. Although the use of glass in packaging is declining, it remains one of the safest and most reliable materials, especially in the food and beverage sectors.

IV. Metal: Metal-based packaging materials, particularly aluminum, are widely used due to their properties like low cost, lightweight, recyclability, and high heat resistance [16]. However, safety concerns arise from the potential interaction between the packaging and its contents, requiring regular risk assessments to ensure consumer safety. Aluminum is the most commonly used metal for packaging, often in the form of cans and foil, though it can sometimes leach trace metals into the content if corroded [17]. Other metals like tin, lead, and chromium are also used in packaging, but each comes with specific health risks, particularly lead and chromium, which are toxic at high levels. Regulations, especially in the EU, limit the amount of these metals in food packaging to protect consumers from potential harm [18].

2. Key drivers of Sustainable Food Packaging in Businesses:

This section explores the driving forces behind the adoption of sustainable packaging, focusing on consumer demand and regulatory requirements. It highlights how growing environmental awareness and evolving regulations are influencing companies to embrace eco-friendly packaging solutions, while also addressing the complexities and variations in consumer perceptions and legislative frameworks across different regions:

I. Consumer demand: The growing awareness of environmentally friendly packaging, driven by media influence, has led to a positive reception of socially responsible companies by most consumers [19]. Research indicates that consumer pressure plays a significant role in encouraging large companies to adopt sustainable packaging practices [20]. Factors influencing the purchase of sustainable packaged products include lifestyle, retailer reputation, product origin, price, and packaging type. However, consumer perceptions of

sustainable packaging, particularly in emerging markets, remain unclear, suggesting a need for companies to better understand and communicate these perceptions [21]. Studies show that consumers' environmental concerns, packaging design, and end-of-life attributes like recyclability and biodegradability are critical factors in purchase decisions [22]. Younger consumers, especially in Europe, prioritize the sustainability of packaging materials [23,24]. Willingness to pay more for sustainable packaging varies, influenced by factors such as altruistic and egoistic values, environmental commitment, and budget constraints [25]. Different regions, including Romania, China, and India, show diverse factors driving consumer interest in green packaging, with economic and functional values playing key roles [26–28].

II. Regulatory requirements: Numerous countries have implemented regulations that promote and mandate environmentally sustainable packaging while aligning with local cultural contexts. The maturity of these regulations varies widely across nations. These laws typically address comprehensive issues, including packaging requirements, recyclability, principal uses of packaging, and the entire packaging chain, from collection and sorting to setting reuse or recycling goals. In recent years, regulations have increasingly targeted plastic packaging due to challenges like the need for adequate barriers in food packaging, the economic viability of composting systems, and the limited economic value of compostable packaging. A detailed overview of sustainable food packaging regulations across different countries in [29] highlights diverse approaches to environmental conservation, including bans on single-use plastics, recyclability regulations, and extended producer responsibility (EPR) mandates.

3. Incorporating Sustainability in Business Strategies:

In recent years, the drive toward sustainability has significantly influenced the food packaging industry, leading to the emergence of innovative solutions aimed at reducing environmental impact. In this section, we review few key trends in sustainable food packaging:

I. Recycling: Recycling is a key component of sustainable packaging, but challenges persist in improving recycling rates and efficiency. Paper and paperboard have relatively high recycling rates, though each cycle reduces fiber length and material strength, necessitating improvements in processes like deinking [30]. In contrast, plastic packaging recycling is more complex due to difficulties in separating different materials and components. Future trends in sustainable packaging will likely focus on designing plastics for better recyclability, such as using fewer materials, avoiding pigments, and ensuring all components of a package are recyclable [30]. Additionally, innovations like plastic-digesting bacteria and chemical recycling may further contribute to more sustainable packaging solutions.

Table 2

Examples of companies actively investing in recycling

Company	Recycled food packaging initiatives
Nestlé	Uses recycled PET (rPET) in the packaging of several bottled water brands.
Unilever	Implements 100% recyclable packaging for its ice cream brands, including using rPET.
Coca-Cola	Has committed to using 50% recycled material in its bottles by 2030, already using rPET in many products.
PepsiCo	Utilizes rPET in beverage bottles and is transitioning to 100% rPET packaging in certain markets.
McDonald's	Introduced packaging made from recycled content, including recycled paper and fiber-based materials.
Danone	Uses rPET in the packaging of its water brands and dairy products.
Mars, Inc.	Committed to using 100% recyclable, reusable, or compostable packaging by 2025, including recycled content in food wrappers.
Starbucks	Uses recycled paper for coffee cup sleeves and is exploring options for recyclable cups.
Kraft Heinz	Introduced recycled plastic packaging in some of its ketchup bottles and is working on expanding it to other products.
General Mills	Uses recycled paperboard in its cereal boxes and is working towards more sustainable packaging across its brands.

II. Innovative Materials: New and higher-performing bioplastics are emerging as disruptive technologies in sustainable packaging, with ongoing research and development in this field. Innovations include bioplastics derived from bacteria and cellulose-based feedstocks like agricultural waste, as well as polycarbonate made from orange peel extracts and carbon dioxide [31]. Cellulose nanomaterials (CNs) are particularly

promising, offering versatility as barrier films, coatings, or reinforcement for plastics. PLA/CNC nanocomposite films have shown potential for extending the shelf life of water-sensitive foods [32]. Additionally, edible packaging is being explored, such as casein-based oxygen barriers and edible films reinforced with cellulose whiskers, offering innovative solutions for sustainable packaging [33,34].

Table 3

Examples of companies actively using innovative materials

Company	Sustainable food packaging materials
Tetra Pak	Uses plant-based polymers and paperboard to create fully renewable packaging solutions.
Amcor	Develops high-barrier films made from bio-based materials for food packaging.
Mondi	Produces sustainable paper-based packaging that is 100% recyclable and biodegradable.
Sealed Air	Innovates with plant-based food packaging that reduces carbon footprint and is fully compostable.
Smurfit Kappa	Utilizes renewable and recycled materials in corrugated packaging, focusing on sustainability.
Stora Enso	Develops fiber-based packaging solutions as alternatives to plastic, reducing environmental impact.
Ball Corporation	Uses metal packaging that is infinitely recyclable, with a focus on sustainability and innovation.
AptarGroup	Creates closures and dispensing systems using biodegradable and compostable materials.
Sonoco	Innovates with packaging made from recycled content and alternative fibers.
WestRock	Develops fiber-based packaging solutions, including paper-based food containers and trays.

III. Design: Active packaging, which uses sensors or indicators to monitor the condition of packaged food, is expected to grow significantly [35]. These systems can include tags or labels embedded in packaging that either have direct contact with the food or interact with the surrounding atmosphere to provide information about freshness, quality, and safety. Examples include indicators that change color to show ripeness or freshness, such as a bromophenol blue indicator for guavas

or a biosensor film for shrimp [36,37]. Additionally, active packaging that extends shelf life through moisture absorption, carbon dioxide scavengers, or antimicrobial agents is being developed [38]. Another trend is lightweighting packaging to reduce raw material use and shipping costs, while still maintaining packaging performance to ensure products reach consumers in prime condition.

Examples of companies investing in sustainable packaging designs

Company	Sustainable food packaging design
Avery Dennison	Develops smart labels and indicators that monitor freshness and quality in food packaging.
Mondi	Produces packaging with active properties like moisture control and antimicrobial agents to extend shelf life.
Amcor	Innovates with packaging that includes oxygen scavengers and light protection to preserve food quality.
Smurfit Kappa	Uses lightweight and sustainable materials in packaging to reduce environmental impact and transportation costs.
Stora Enso	Creates fiber-based packaging solutions with embedded sensors for monitoring food safety and quality.
Sealed Air	Develops active packaging that incorporates moisture absorbers and carbon dioxide scavengers for better preservation.
AptarGroup	Focuses on closures and dispensing systems that enhance product shelf life and reduce waste.
Sonoco	Innovates with recyclable and lightweight packaging that still maintains the performance needed for food safety.
WestRock	Produces packaging solutions that combine sustainability with smart features like freshness indicators.

IV. Circular bioeconomy: The circular bioeconomy is a new approach to sustainability, emphasizing a cradle-to-cradle model that optimizes each step of the process rather than focusing solely on materials. This concept impacts sustainable packaging by incorporating innovative materials, design improvements, and enhanced recycling methods. For cellulose-based packaging, this includes sustainable sourcing, using residues and waste, developing bio-based products, prolonging

product use, and ensuring energy recovery, composting, and recycling. The circular bioeconomy also aims to reduce reliance on petroleum-based plastics by promoting a closed-loop system where plastics are reused and recycled rather than discarded. The Ellen MacArthur Foundation suggests transitioning to this model by drastically reducing virgin plastic use and shifting remaining inputs to renewable, responsibly managed sources [39].

Table 5

Examples of companies actively incorporating Circular Bioeconomy principles

Name of Company	Details of How the Company is Using Circular Bioeconomy
Stora Enso	Produces fiber-based packaging from sustainably sourced wood, promoting recycling and energy recovery.
Smurfit Kappa	Utilizes circular bioeconomy principles by turning waste into resources and promoting closed-loop recycling in paper packaging.
Mondi	Creates packaging solutions using recycled materials and sustainable fibers, emphasizing waste reduction and recyclability.
Amcor	Incorporates circular economy principles in packaging by using recycled content and designing for recyclability.
Danone	Utilizes bio-based packaging materials and promotes closed-loop recycling in its product lines.
L'Oréal	Develops packaging that incorporates recycled plastics and promotes refillable packaging systems.
Ikea	Develops packaging using renewable and recycled materials, emphasizing circularity in product design.
Mars, Inc.	Focuses on using sustainable materials and promoting closed-loop recycling in packaging.
HP Inc.	Develops packaging using recycled plastics and promotes circularity in its supply chain.

V. Certifications: Certification in packaging is a key tool for informing consumers about the sustainability of the resources used in product production, while also helping industries differentiate their products. Various types of certifications exist, ranging from resource-based to end-product-based. For example, the Forest Stewardship Council [us.fs.org] offers a resource-based certification for packaging materials that use cellulose from forests managed under stringent ecological standards. Products meeting these standards can

display the Forest Stewardship Council logo. Similarly, the USDA Certified Biobased Products program [www.biopreferred.gov] promotes the use of biobased materials and allows certified products to display a special label, making it easier for consumers to identify environmentally friendly options. These certifications are crucial for both producers and consumers in making informed, sustainable choices.

Table 6

Examples of companies leveraging Certifications

Name of Company	Details of How the Company is Using Certifications
Tetra Pak	Uses Forest Stewardship Council (FSC) certification for its cellulose-based packaging materials.
Mondi	Holds FSC certification and promotes the use of certified sustainable packaging materials across its product lines.
Smurfit Kappa	Achieved FSC certification for its paper-based packaging and focuses on sustainable forest management.
Stora Enso	Uses FSC-certified wood for its packaging solutions, ensuring responsible sourcing of materials.
Amcor	Promotes the use of USDA Certified Biobased Products in its packaging to reduce reliance on fossil fuels.
Nestlé	Utilizes FSC-certified paper in its packaging and is committed to increasing the use of certified sustainable materials.
Unilever	Incorporates both FSC certification and USDA Certified Biobased Products in its packaging portfolio.
PepsiCo	Uses FSC-certified paper and cardboard in its packaging and promotes certified biobased materials.
Danone	Focuses on using USDA Certified Biobased Products and FSC-certified materials in its packaging.
Procter & Gamble	Promotes the use of certified sustainable materials, including FSC-certified paper and USDA biobased products, in its packaging.

4. Conclusion:

Sustainable food packaging is rapidly becoming a critical component of corporate responsibility and environmental stewardship. As consumer awareness of environmental issues grows and regulations become more stringent, companies are increasingly adopting innovative packaging solutions that prioritize sustainability. This research underscores the importance of recycling, the use of sustainable materials, and the integration of design innovations in creating environmentally friendly packaging. The shift towards a circular bioeconomy presents a promising pathway for reducing reliance on non-renewable resources and minimizing waste. Certifications play a vital role in guiding consumer choices and ensuring that products meet rigorous environmental standards. Moving forward, the continued collaboration between industry stakeholders, regulatory bodies, and consumers will be essential in advancing the development and adoption of sustainable packaging practices. The findings of this paper highlight the ongoing efforts and the significant potential for further innovation in the field of sustainable food packaging.

References

1. Aguirre-Joya, J.A.; De Leon-Zapata, M.A.; Alvarez-Perez, O.B.; Torres-León, C.; Nieto-Oropeza, D.E.; Ventura-Sobrevilla, J.M.; Aguilar, M.A.; Ruelas-Chacón, X.; Rojas, R.; Ramos-Aguñaga, M.E.; et al. Basic and Applied Concepts of Edible Packaging for Foods. *Food Packaging and Preservation* 2018, 1–61, doi:10.1016/B978-0-12-811516-9.00001-4.
2. Marsh, K.; Bugusu, B. Food Packaging-- Roles, Materials, and Environmental Issues. *J Food Sci* 2007, 72, doi:10.1111/J.1750-3841.2007.00301.X.
3. de Léis, C.M.; Nogueira, A.R.; Kulay, L.; Tadini, C.C. Environmental and Energy Analysis of Biopolymer Film Based on Cassava Starch in Brazil. *J Clean Prod* 2017, 143, 76–89, doi:10.1016/J.JCLEPRO.2016.12.147.
4. Bugnicourt, E.; Schmid, M.; Nerney, O.M.; Wildner, J.; Smykala, L.; Lazzeri, A.; Cinelli, P. Processing and Validation of Whey-Protein-Coated Films and Laminates at Semi-Industrial Scale as Novel Recyclable Food Packaging Materials with Excellent Barrier Properties. *Advances in Materials Science and Engineering* 2013, 2013, 496207, doi:10.1155/2013/496207.
5. Definition of Sustainable Packaging I.A Vision for Sustainable Packaging The Sustainable Packaging Coalition® (SPC), a Project of GreenBlue®.
6. Mendes, A.C.; Pedersen, G.A. Perspectives on Sustainable Food Packaging:– Is Bio-Based Plastics a Solution? *Trends Food Sci Technol* 2021, 112, 839–846, doi:10.1016/J.TIFS.2021.03.049.
7. Ibrahim, I.D.; Hamam, Y.; Sadiku, E.R.; Ndambuki, J.M.; Kupolati, W.K.; Jamiru, T.; Eze, A.A.; Snyman, J. Need for Sustainable Packaging: An Overview. *Polymers* 2022, Vol.14, Page 4430 2022, 14, 4430, doi:10.3390/POLYM14204430.
8. Gurunathan, T.; Mohanty, S.; Nayak, S.K. A Review of the Recent Developments in Biocomposites Based on Natural Fibres and Their Application Perspectives. *Compos Part A Appl Sci Manuf* 2015, 77, 1–25, doi:10.1016/J.COMPOSITESA.2015.06.007.
9. Chen, W.; Wang, X.; Tao, Q.; Wang, J.; Zheng, Z.; Wang, X. Lotus-like Paper/Paperboard Packaging Prepared with Nano-Modified Overprint Varnish. *Appl Surf Sci* 2013, 266, 319–325, doi:10.1016/J.APSUSC.2012.12.018.
10. Muller, J.; González-Martínez, C.; Chiralt, A. Combination of Poly(Lactic) Acid and Starch for Biodegradable Food Packaging. *Materials* 2017, Vol.10, Page 952 2017, 10, 952, doi:10.3390/MA10080952.
11. Schiffmann, R. Packaging for Microwave Foods. *The Microwave Processing of Foods: Second*

Edition 2017, 273–299, doi:10.1016/B978-0-08-100528-6.00013-9.

12. Kobayashi, M.L. Glass Packaging Properties and Attributes. Reference Module in Food Science 2016, doi:10.1016/B978-0-08-100596-5.03191-7.

13. Marsh, K.; Bugusu, B. Food Packaging—Roles, Materials, and Environmental Issues. *J Food Sci* 2007, 72, R39–R55, doi:10.1111/J.1750-3841.2007.00301.X.

14. Corso, M.P.; Benassi, M. de T. Packaging Attributes of Antioxidant-Rich Instant Coffee and Their Influence on the Purchase Intent. *Beverages* 2015, Vol.1, Pages 273–291 2015, 1, 273–291, doi:10.3390/BEVERAGES1040273.

15. Kobayashi, M.L.; Benassi, M. de T. Impact of Packaging Characteristics on Consumer Purchase Intention: Instant Coffee in Refill Packs and Glass Jars. *J Sens Stud* 2015, 30, 169–180, doi:10.1111/JOSS.12142.

16. Walsh, H.; Kerry, J.P. Packaging of Ready-to-Serve and Retail-Ready Meat, Poultry and Seafood Products. *Advances in Meat, Poultry and Seafood Packaging* 2012, 406–436, doi:10.1533/9780857095718.3.406.

17. Rodushkin, I.; Magnusson, A. Aluminium Migration to Orange Juice in Laminated Paperboard Packages. *Journal of Food Composition and Analysis* 2005, 18, 365–374, doi:10.1016/J.JFCA.2003.12.009.

18. Whitaker, R. Metal Packaging and Chemical Migration into Food. *Chemical Migration and Food Contact Materials* 2007, 251–270, doi:10.1533/9781845692094.3.251.

19. Gosselt, J.F.; van Rompay, T.; Haske, L. Won't Get Fooled Again: The Effects of Internal and External CSR ECO-Labeling. *Journal of Business Ethics* 2019, 155, 413–424, doi:10.1007/S10551-017-3512-8/FIGURES/4.

20. Wossen Kassaye, W. Green Dilemma. *Marketing Intelligence & Planning* 2001, 19, 444–455, doi:10.1108/EUM000000006112/FULL/XML.

21. Nguyen, A.T.; Parker, L.; Brennan, L.; Lockrey, S. A Consumer Definition of Eco-Friendly Packaging. *J Clean Prod* 2020, 252, 119792, doi:10.1016/J.JCLEPRO.2019.119792.

22. Wandosell, G.; Parra-Meroño, M.C.; Alcayde, A.; Baños, R. Green Packaging from Consumer and Business Perspectives. *Sustainability* 2021, Vol.13, Page 1356 2021, 13, 1356, doi:10.3390/SU13031356.

23. Jerzyk, E. Design and Communication of Ecological Content on Sustainable Packaging in Young Consumers' Opinions. *Journal of Food Products Marketing* 2016, 22, 707–716, doi:10.1080/10454446.2015.1121435.

24. Boesen, S.; Bey, N.; Niero, M. Environmental Sustainability of Liquid Food Packaging: Is There a Gap between Danish Consumers' Perception and Learnings from Life Cycle Assessment? *J Clean Prod* 2019, 210, 1193–1206, doi:10.1016/J.JCLEPRO.2018.11.055.

25. Prakash, G.; Choudhary, S.; Kumar, A.; Garza-Reyes, J.A.; Khan, S.A.R.; Panda, T.K. Do Altruistic and Egoistic Values Influence Consumers' Attitudes and Purchase Intentions towards Eco-Friendly

Packaged Products? An Empirical Investigation. *Journal of Retailing and Consumer Services* 2019, 50, 163–169, doi:10.1016/J.JRETCONSER.2019.05.011.

26. Singh, G.; Pandey, N. The Determinants of Green Packaging That Influence Buyers' Willingness to Pay a Price Premium. <https://doi.org/10.1016/j.ausmj.2018.06.001> 2018, 26, 221–230, doi:10.1016/J.AUSMJ.2018.06.001.

27. Hao, Y.; Liu, H.; Chen, H.; Sha, Y.; Ji, H.; Fan, J. What Affect Consumers' Willingness to Pay for Green Packaging? Evidence from China. *Resour Conserv Recycl* 2019, 141, 21–29, doi:10.1016/J.RESCONREC.2018.10.001.

28. Orzan, G.; Cruceru, A.F.; Balaceanu, C.T.; Chivu, R.G. Consumers' Behavior Concerning Sustainable Packaging: An Exploratory Study on Romanian Consumers. *Sustainability* 2018, Vol.10, Page 1787 2018, 10, 1787, doi:10.3390/SU10061787.

29. Thapliyal, D.; Karale, M.; Diwan, V.; Kumra, S.; Arya, R.K.; Verros, G.D. Current Status of Sustainable Food Packaging Regulations: Global Perspective. *Sustainability* 2024, Vol.16, Page 5554 2024, 16, 5554, doi:10.3390/SU16135554.

30. Deshwal, G.K.; Panjagari, N.R.; Alam, T. An Overview of Paper and Paper Based Food Packaging Materials: Health Safety and Environmental Concerns. *J Food Sci Technol* 2019, 56, 4391–4403, doi:10.1007/S13197-019-03950-Z/METRICS.

31. Queffelec, J.; Beraud, W.; Ferron, S.; Boustie, J.; Rodríguez-González, I.; Díaz-Reinoso, B.; Torres, M.D.; Domínguez, H. Alternatives for the Extraction of Bioactives and Biopolymers from *Evernia Prunastri* for the Formulation of Antimicrobial Bio-Based Films. *Green Chemistry* 2024, doi:10.1039/D4GC02741H.

32. Karkhanis, S.S.; Stark, N.M.; Sabo, R.C.; Matuana, L.M. Potential of Extrusion-Blown Poly(Lactic Acid)/Cellulose Nanocrystals Nanocomposite Films for Improving the Shelf-Life of a Dry Food Product. *Food Packag Shelf Life* 2021, 29, 100689, doi:10.1016/J.FPSL.2021.100689.

33. Azeredo, H.M.C.; Miranda, K.W.E.; Rosa, M.F.; Nascimento, D.M.; de Moura, M.R. Edible Films from Alginate-Acerola Puree Reinforced with Cellulose Whiskers. *LWT - Food Science and Technology* 2012, 46, 294–297, doi:10.1016/J.LWT.2011.09.016.

34. Edible Food Packaging Made from Milk Proteins (Video) - American Chemical Society Available online: <https://www.acs.org/pressroom/news-releases/2016/august/edible-food-packaging-made-from-milk-proteins-video.html> (accessed on 1 September 2024).

35. Han, J.W.; Ruiz-Garcia, L.; Qian, J.P.; Yang, X.T. Food Packaging: A Comprehensive Review and Future Trends. *Compr Rev Food Sci Food Saf* 2018, 17, 860–877, doi:10.1111/1541-4337.12343.

36. Zhang, J.; Huang, X.; Zou, X.; Shi, J.; Zhai, X.; Liu, L.; Li, Z.; Holmes, M.; Gong, Y.; Povey, M.; et al. A Visual Indicator Based on Curcumin with High Stability for Monitoring the Freshness of Freshwater Shrimp, *Macrobrachium Rosenbergii*. *J Food Eng* 2021, 292, 110290, doi:10.1016/J.JFOODENG.2020.110290.

37. Kuswandi, B.; Maryska, C.; Jayus; Abdullah, A.; Heng, L.Y. Real Time On-Package Freshness Indicator for Guavas Packaging. *Journal of Food Measurement and Characterization* 2013, 7, 29–39, doi:10.1007/S11694-013-9136-5/METRICS.

38. Al-Tayyar, N.A.; Youssef, A.M.; Al-hindi, R. Antimicrobial Food Packaging Based on Sustainable

Bio-Based Materials for Reducing Foodborne Pathogens: A Review. *Food Chem* 2020, 310, 125915, doi:10.1016/J.FOODCHEM.2019.125915.

39. Global Commitment 2020 Progress Report Available online: <https://archive.ellenmacarthurfoundation.org/resources/apply/global-commitment-progress-report> (accessed on 1 September 2024).

COMPARISONS BY MODULA AND INVESTIGATION OF THEIR PROPERTIES METHODOLOGICAL SYSTEM OF EXPERIENCE APPROVAL

Suleymanova K.

*Teacher of the Department of Natural
Sciences and their Teaching Technology
of the Sheki branch of ADPU*

DOI: [10.5281/zenodo.13756282](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756282)

Abstract

It is emphasized in the article that the students who have to study "Algebra" as a compulsory subject got acquainted with concepts such as "set of integers", "division" on this set, "residual division" and solved many tasks related to them. However, there are types of tasks that are difficult to solve. The article evaluates the role of the comparison relationship in the circle of integers, its properties and also the teaching of some related theorems in overcoming such difficulties, in the mental development of students and in the formation of their mathematical creative abilities, and some possibilities of their application in solving mathematical problems with an increasing level of complexity are investigated.

Keywords: comparison, modulus, division with remainder, remainder, comparisons by modulus, subtraction class.

Interpretation of generalizations on research materials. The theory of numbers, which is a source of infinite content and meaning, is the oldest science created by mankind. The brilliant mathematician Carl Friedrich Gauss called mathematics the king of sciences, and calculus its crown. The part of number theory that we will explain in this topic is called classical number theory. Interpreting the information given in this article with the language and terminology of modern mathematics brings not only modernity to the subject, but also clarity and integrity to mathematical facts that seem to be unrelated to each other until now. [5]

If we take any natural number m , then when we divide other integers by it, there will be m different remainders: $0, 1, 2, \dots, m-1$. Let's combine the numbers that give the same remainder when divided by m into one class. Thus, from the "numerical point of view m ", all integers are divided into m different classes. Obviously, the larger m is, the larger the class sets are. Thus, when $m = 1$, there is only one class – the class of integers; When $m = 2$, we get two classes - even and odd numbers, etc.

It should be brought to the attention of students that accounting for the "class structure of society" of integers is useful in solving a number of problems. For example, the expression $(n^3 - n)$ for an arbitrary integer n is divisible by 6.

In the expression of $n^3 - n$, let's take $n - i$ out of the parentheses, and separate the rest using the difference of squares formula:

$$n^3 - n = n(n^2 - 1) = n(n-1) \cdot (n+1) \text{ v } \forall \text{ ya } (n-1)n(n+1).$$

It is the product of three consecutive integers that give different remainders when divided by three. Therefore, one of them is necessarily divisible by 3 and at least one by 2. So, the whole product is divisible by $6 = 2 \cdot 3$. (after all, numbers 2 and 3 are mutually prime). If we had more information about the number n , for example if we knew that n is even, we could make more judgments, such as $n^3 - n$ is divisible by 12 or even 24.

It should be emphasized here: It is absolutely not necessary to take m consecutive integers to form a set of numbers from representatives of all the classes that

any number m gives rise to. For this purpose, successive terms of the numerical series $n, n+d, n+2d, n+(m-1)d$ (*) may be suitable, provided that d is prime to m . Indeed, let's look at the difference between the k and l numbers of the sequence (*): $d(k-l)$. Since d is reciprocally prime to m and $|k-l| < m$, $d(k-l)$ is not divisible by m . Therefore, between the terms of this sequence, there are no two that give the same remainder when divided by m .

From the proven theorem, in the special case, it follows that if the numbers m and n are mutually prime, then

$$n, 2n, 3n, \dots, (m-1)n, mn$$

the terms of the sequence give the complete set of remainders from 0 to $m-1$ when dividing by m . To be sure of this, it is enough to write $d=n$ in the sequence (*).

It is possible to illustrate this result geometrically, as the French mathematician Louis Poinson did. Let's number the vertices of the convex m -gon with numbers from 0 to $m-1$. Starting from any vertex, we will go to its other vertices not sequentially, but with n steps, that is, by skipping $n-1$ points. If the interaction with n m is simple, then all vertices: $0, 1, 2, \dots, m-1$ will be traversed until we reach the initial point. If n and m are not mutually prime, we will just pass them through m/D , where D is the greatest common divisor of m and n .

MODULO COMPARISONS AND THEIR PROPERTIES: German mathematician Carl Friedrich Gauss proposed to write the fact that numbers a and b have equal remainders when divided by a natural number m : $a \equiv b \pmod{m}$ (read: a and b are compared modulo m). This writing is called comparison. A few examples of comparisons: $-4 \equiv 3 \pmod{7}$; $1997 \equiv 1 \pmod{4}$; $8k+1 \equiv 1 \pmod{8}$, where k is an integer. [2]

To be sure that two numbers a and b are comparable modulo b , it is not necessary to find the remainders of dividing each of them by m . It is enough to look at their difference:

• **$A \equiv b \pmod{m}$ if and only if the difference $a-b$ is divisible by m .**

Comparisons reveal properties that are very similar to those of equalities. Equalities can be added to each other, multiplied, one subtracted from the other -

as a result, the correct equality is obtained. The same is true for comparisons:

• **If the arbitrary integers a, b, c, d are such that a is comparable to b and c to d on the modulo m , then the numbers $a+c$ and $b+d$, $a-c$ and $b-d$, ac and bd are also comparable on the same modulo m is done.**

This property can be easily proved if we take the corresponding differences instead of comparisons. For example, let's prove the last property. Suppose $a \equiv b \pmod{m}$ and $c \equiv d \pmod{m}$. Then $a-b$ is divisible by m and $c-d$ is divisible by m . But since $ac-bd \equiv a(c-d) + d(a-b)$, $ac-bd$ is divisible by m . Hence, $ac \equiv bd \pmod{m}$, which was also required to be proved.

Raising to a natural power leads to multiplication, therefore: If $a \equiv b \pmod{m}$, then $a^k \equiv b^k \pmod{m}$.

The left and right sides of the equation can be divided by the same non-zero quantity. This cannot usually be done with comparisons, but:

The left and right sides of the equation can be divided by the same non-zero quantity. This cannot usually be done with comparisons, but:

• **If c and m are mutually prime and $ac \equiv bc \pmod{m}$, then $a \equiv b \pmod{m}$.**

On the other hand, both sides of the comparison can be divided by the same number at the same time as the modulus:

• **If $ac \equiv bc \pmod{mc}$, then $a \equiv b \pmod{m}$.**

Learners should be told that, knowing the properties of comparisons, if we are interested only in the remainder of division by any number m , complex calculus expressions can be simplified. After all, in this case, the arbitrary algebraic expression obtained from integers with the help of addition, subtraction and multiplication can be replaced by the remainders of their division by m , without changing the result.

For example, suppose that when dividing 2^{1997} by 7, it is necessary to know the remainder. It is very difficult to solve this issue directly. The theory of comparisons saves:

$$2^{1997} \equiv (2^3)^{665} \cdot 2^2 \equiv 1^{665} \cdot 4 \equiv 4 \pmod{7}$$

$$10^{70} - 19^2 = 100^{35} - 19^2 \equiv (-8)^{35} - (-8)^2 = -8^{35} - 8^2 = -8^2 \cdot (8^{33} + 1) \pmod{27}.$$

$$8^{33} = (8^3)^{11} = 512^{11} \equiv (-1)^{11} = -1 \pmod{27}.$$

From here

$$10^{70} - 19^2 \equiv -8^2 \cdot (8^{33} + 1) \equiv -64 \cdot (-1 + 1) = 0 \pmod{27} \Rightarrow 10^{70} - 19^2 \div 27.$$

Thus, we proved that the given expression is completely divisible by 27.

Example: As we know, if the digits of the given number are divisible by 9, the number is divisible by 9. Now let's interpret the proof of this through comparison:

$$10^n \equiv 1^n = 1 \pmod{9};$$

$$a = a_n 10^n + a_{n-1} 10^{n-1} + \dots + a_1 10 + a_0 \equiv a_n + a_{n-1} + \dots + a_1 + a_0 \equiv 0 \pmod{9},$$

We have shown above that the relation of comparison is the relation of equivalence. So, this relationship will divide the set of integers into classes. I gave brief information about these classes above. Now let's give detailed information about these classes.

Answer: 4

Another issue: in integers x, y

$$7x - 23y = 1997$$

is required to solve the equation.

To get rid of the sum of $7x$, let's compare the left and right sides of this equation modulo 7:

$$-2y \equiv 2 \pmod{7},$$

Since $7x \equiv 0 \pmod{7}$ and $-23y \equiv -2y \pmod{7}$, $1997 \equiv 2 \pmod{7}$, 3 and 7 are mutually prime, we can multiply both sides of the resulting comparison by 3:

$$-6y \equiv 6 \pmod{7}$$

From here, taking into account $-6y \equiv y \pmod{7}$, we get:

$$y \equiv 6 \pmod{7}$$

So, $y = 6 + 7k$, where k is an arbitrary integer. We get the found value of y by writing in the original equation: $7x - 23(7k+6) = 1997$ and we find that $x = 305 + 23k$. Answer:

$$\begin{cases} x = 305 + 23k, \\ y = 6 + 7k, \end{cases}$$

k is an arbitrary integer.

The theory of comparisons can also be applied to the verification of complex calculations. Let's assume that $1997 \cdot 1999 = 3\,991\,003$ multiplications were made. Let's compare both sides of the obtained equation by 9 modules. This could easily be done using the fact that the number itself and its sum of digits are comparable modulo 9: $1997 \cdot 1999 \equiv 8 \cdot 1 \equiv 8 \pmod{9}$ and $3\,991\,003 \equiv 7 \pmod{9}$, but the comparison was not correct. So there is an error in the calculations. Indeed, the correct answer is $3\,992\,003$.

But in any case, you should take into account: although the background check allows you to detect the error in many cases, it does not guarantee its absence.

Example: Prove: $10^{70} - 19^2 \div 27$

Solution: $10^{70} = 10^{2 \cdot 35} = (10^2)^{35} = 100^{35}$
then

$$100 \equiv 19 \equiv -8 \pmod{27}$$

Suppose that

$$a = \overline{a_n a_{n-1} \dots a_1 a_0}.$$

given. We know that

$$\begin{aligned} A + B^{def} &= \{a + b : a \in A, b \in B\}, \\ A \cdot B^{def} &= \{a \cdot b : a \in A, b \in B\}, \end{aligned}$$

$$n + A^{def} = \{n + a : a \in A\},$$

$$n \cdot A^{def} = \{n \cdot a : a \in A\}.$$

Let us construct the set $[a]_n^{def} = a + n\mathbb{Z}$ for any integer $a \in \mathbb{Z}$. The set $[a]_n$ is called the class of subtractions (comparisons) of the number a modulo n . If $a' \in [a]_n$, then $[a']_n = [a]_n$. Indeed, according to the condition $a' \in [a]_n$, the equality $a' = a + n \cdot p$ must be satisfied for a certain integer p . On the other hand

$$[a']_n = a' + n\mathbb{Z} = a + np + n\mathbb{Z} = a + n(p + \mathbb{Z}) = a + n\mathbb{Z} = [a]_n \cdot [a]_n^{def} = a + n\mathbb{Z}$$

Therefore, each class of comparisons is defined in a one-valued way with any representative of it.

Suppose that the classes $[a]_n$ and $[b]_n$ intersect, that is, $c' \in [a]_n$ and $c' \in [b]_n$. Then $[c]_n = [a]_n$, $[c]_n = [b]_n$. Thus, we get that the intersection of different classes is an empty set. On the other hand, every a is in the class $[a]_n$ of which it is an integer representative. Therefore, the set of classes of fractions given modulo n is a division of the set of integers $\mathbb{Z}$. Let us denote this set by $\mathbb{Z}_n$:

$$\mathbb{Z}_n^{def} = \{[a]_n : a \in \mathbb{Z}\}.$$

Let us denote that the integers p and q are in the equivalence relation caused by this division as $p \equiv q \pmod{n}$. So there exists an integer $a \in \mathbb{Z}$ such that $p, q \in [a]_n$. That is, $p = a + nx$ and $q = a + ny$, hence $n \mid (p - q)$. Note that they usually use the relation $n \mid (p - q)$ to determine the equivalence of $p \equiv q \pmod{n}$.

Let's define addition and multiplication operations on the set $\mathbb{Z}_n$:

$$[a]_n + [b]_n^{def} = [a + b]_n,$$

$$[a]_n \cdot [b]_n^{def} = [a \cdot b]_n.$$

Showing that the determination of the sum and product does not depend on the selection of representatives. Suppose that, $a' \in [a]_n$ and $b' \in [b]_n$ from here $a' = a + np$, $b' = b + nq$, $[a']_n + [b']_n = [a' + b']_n$. By showing that, $[a' + b']_n = [a + b]_n$. Indeed, $[a' + b']_n = a' + b' + n\mathbb{Z} = a + np + b + nq + n\mathbb{Z} = a + b + n = (p + q + \mathbb{Z}) = a + b + n\mathbb{Z} = [a + b]_n$.

Likewise, $[a' \cdot b']_n = a' \cdot b' + n\mathbb{Z} = (a + np)(b + nq) + n\mathbb{Z} = ab + n(aq + bp + \mathbb{Z}) = ab + n\mathbb{Z} = [a \cdot b]_n$.

Therefore, both actions are correctly defined in the set $\mathbb{Z}_n$. $(\mathbb{Z}_n; +)$ is an Abelian group. The zero of this group is the set $n \cdot \mathbb{Z}$.

$$[a]_n + n\mathbb{Z} = a + n\mathbb{Z} + n\mathbb{Z} = a + n\mathbb{Z} = [a]_n.$$

It is clear that in the set $\mathbb{Z}_n$, the distributive conditions of multiplication with respect to addition are satisfied. So $(\mathbb{Z}_n; +)$ is a ring. The class $[1]_n = 1 + n \cdot \mathbb{Z}$ is the unit of this ring. The ring $\mathbb{Z}_n$ is commutative and associative. It can be said that the ring $\mathbb{Z}_n$ retains all the properties of the ring $\mathbb{Z}$ of integers. However, this ring has different characteristics than the rings we have seen so far. Let's get to know them. First of all, the elements of the rings $\mathbb{Z}$, $\mathbb{Q}$ and $\mathbb{R}$ are numbers, but the elements of the ring $\mathbb{Z}_n$ are not numbers, but sets (the class of outputs). Therefore, $\mathbb{Z}$, $\mathbb{Q}$ and $\mathbb{R}$ are called numerical rings. Hence, the number $\mathbb{Z}_n$ is not a ring. Then, while the rings $\mathbb{Z}$, $\mathbb{Q}$ and $\mathbb{R}$ have an infinite number of elements, the ring $\mathbb{Z}_n$ is finite, it has n -number of elements. Here

$[0]_n, [1]_n, \dots, [n - 1]_n$ classes are different, and any class $[a]_n$ is identical to one of these classes (check this). Another distinctive feature will become clear below. Note that if $n = p \cdot q$ is a complex number, this ring has

the following property: $[p]_n \neq 0$, $[q]_n \neq 0$ and $[p \cdot q]_n = [n]_n = 0$.

Therefore, the product of two non-zero elements in the ring $\mathbb{Z}_n$ is zero. Such a ring is called a ring with divisors of zero.

Theorem. $\mathbb{Z}_p$ is the square for an arbitrary prime number p .

Proof. Let p be a prime number. By showing that $\mathbb{Z}_p$ is a square. Let us take an arbitrary nonzero class $[t]_p$ and observe the following results:

$$[t]_p \cdot [1]_p, \dots, [t]_p \cdot [p - 1]_p.$$

Each of these classes is non-zero. Otherwise, an integer q would be found from the numbers $1, 2, \dots, p - 1$ such that $[t \cdot q]_p = [0]_p$. This contradicts the fact that the number p is prime. Obviously, these classes are different. Otherwise, among the numbers $1, 2, \dots, p - 1$, there would be such different q and l that

$$[t \cdot q]_p = [t \cdot l]_p \rightarrow [t(q - l)]_p = [0]_p.$$

Hence, $t \equiv 0 \pmod{p}$ or $q - l \equiv 0 \pmod{p}$. This is a contradiction. Therefore, the unit is located in one of these classes. So, there is a class $[s]_p$ such that $1 \in [t]_p \cdot [s]_p$, that is, $[t]_p \cdot [s]_p = [1]_p$. So every nonzero class has an inverse.

a and b are integers. the remainder obtained from the division of moment force by b is repeated periodically, starting from a^n certain number.

Since the remainders obtained in the division by b are finite, there are natural powers m and k ($k > m$) such that the equation, $a^m = a^k \pmod{b}$ is fulfilled. Let us accept the notation $t = k - m$. Every natural number n greater than k

$$n - m = qt + r, r < t$$

can be shown as. By showing that

$$a^n \equiv a^{m+rt} \pmod{b}$$

attitude is correct. We will carry out the proof by the method of induction, taking into account q at the stated value of the remainder r . Let's look at the case $q = 1$:

$$a^n \equiv a^{m+(k-m)+r} = a^{k+r} = a^k a^r \equiv a^{m+r} \pmod{b}.$$

So in this case the proposition is true. Suppose the given proposition is true for $q = i$. Let's prove the truth of the proposition for the case $q = i + 1$. Indeed,

$$a^n = a^{m+(i+1)(k-m)+r} = a^{m+i(k-m)+r} a^{k-m} \equiv a^{m+ir} a^{k-m} \pmod{b} \equiv a^{m+ir} \pmod{b}$$

relationships are true. (The fact that the proposition is true for the case $q = 1$ was used in the last passage). This is the required fact.

It is useful to draw up a table of balances in solving the examples.

Example. Find the last digit of 7^{2000} .

The solution. Since the last digit of the number is equal to the remainder obtained from dividing that number by 10, let's make a table of remainders of powers of 7 to 10. To find the remainder corresponding to the value of the next power, you need to multiply the previous remainder by 7 (the base of the power) and divide the result by 10 to find the new remainder:

N	1	2	3	4	5
7^n	7	9	3	1	7

The following is obtained from this table:

$7^n \equiv 1 \pmod{10}$ for numbers of the form $n = 4k$

For numbers of the form $n = 4k+1$ $7^n \equiv 7 \pmod{10}$

For numbers of the form $n = 4k+2$ $7^n \equiv 9 \pmod{10}$

For numbers of the form $n = 4k+3$ $7^n \equiv 3 \pmod{10}$

N	1	2	3	4	5	6	7	8
3^n	3	4	2	1	3	4	2	1
7^n	2	4	3	1	2	4	3	1
$3^n + 7^n$	0	3	0	2	0	3	0	2

In other words,

For numbers of the form $n = 4k$, $3^n + 7^n \equiv 2 \pmod{5}$

5)

For numbers of the form $n = 4k+1$, $3^n + 7^n \equiv 0 \pmod{5}$

For numbers of the form $n = 4k+2$ $3^n + 7^n \equiv 3 \pmod{5}$

For numbers of the form $n = 4k+3$, $3^n + 7^n \equiv 0 \pmod{5}$

In a special case, the relationship $3^{2005} + 7^{2005} \equiv 0 \pmod{5}$ is true for the power $n = 2005 = 4 \cdot 501 + 1$. That is, $3^{2005} + 7^{2005}$ is divisible by 5 without remainder.

In comparisons, the simple case of the module is especially distinguished. It is useful to begin the transfer of information about this element to students with the introduction of the following theorem:

Fermat's Little Theorem: If p is a prime number, the relation holds for any natural number n . In other words, the remainders obtained from the division of n^p and n by p are equal.

This theorem makes it easy to solve many examples. Let's look at an example.

Example. Let's find the remainder of 1967^{1985} by 13.

The solution. $1985 = 152 \cdot 13 + 9$ and $1967 = 151 \cdot 13 + 4$

$$\begin{aligned} 1967^{1985} &\equiv 1967^{152 \cdot 13 + 9} \pmod{13} \equiv \\ &1967^{152 \cdot 13} \cdot 1967^9 \pmod{13} \equiv 1967^{12 \cdot 13 + 5} \pmod{13} \equiv \\ &1967^{12 \cdot 13} \cdot 1967^5 \pmod{13} \equiv 1967^5 \pmod{13} \equiv 4^5 \pmod{13} \equiv \\ &10 \pmod{13} \end{aligned}$$

In the 2nd, 3rd and 4th comparisons, Fermat's little theorem was applied.

One of the most important theorems related to comparisons is Euler's theorem.

Theorem: If $m > 1$ and $(a, m) = 1$, that

$$a^{\varphi(m)} \equiv 1 \pmod{m}$$

Many examples become easier to solve by applying this theorem:

Let's find the remainder obtained from dividing the number 1237^{427} by 44. Since $1237 \equiv 5 \pmod{44}$, we get: $1237^{427} \equiv 5^{427} \pmod{44}$. Since $(5, 44) = 1$ and $\varphi(44) = 20$

In the special case, when $n = 2000$, $7^{2000} \equiv 1 \pmod{10}$ is obtained. That is, the last digit of the number 7^{2000} must be 1.

Example. Prove that the sum $7^{2005} + 3^{2005}$ is divisible by 5.

The solution. Let's make a joint table of the powers of 7 and 3 and the remainder of their sum to 5.

Since, we get from Euler's theorem:

$$5^{20} \equiv 1 \pmod{44}$$

$$\begin{aligned} 1237^{427} &\equiv 5^{427} \equiv 5^{20 \cdot 21 + 7} = 5^7 \equiv (-7)^2 \cdot 5 \\ &\equiv 5 \cdot 5 = 25 \pmod{44} \end{aligned}$$

so the answer is 25. [1]

It should be clear to the students that, applying Euler's theorem, it is not necessary to draw a table of remainders if the modulus is a prime number. More precisely, it is possible to solve tasks quickly and easily by applying Euler's and Fermat's theorems.

Conclusion: Modulus comparisons are very important in mathematics. Thus, the solution of many examples becomes easier by applying the properties of the comparison relation of the set of integers and related theorems. Therefore, it is important to study the importance of this topic in mathematics and its applications.

References

1. Bakhshaliyev Y, Abdulkarimli L. Algebra and number theory course. Baku, "Nurlan NPM", 2008.
2. Akbarov M. Algebra and number theory. Baku, "Nurlan NPM", 2005.
3. Jabbarov I.S., Hummetov M.M. Advanced algebra course (Teaching materials). Baku, "Mutercim", 2017.
4. Mammadov R.H. Higher mathematics (textbook for higher schools). Part I. Baku, "Turan House", 2013.
5. Gasimov V.A. Algebra and number theory. Baku, "Baku University", 2012.
6. Kurosh A.G. Course of advanced algebra. Moscow, "Nauka", 1971.
7. Kostrikin A.I. Introduction to algebra. Часть I. Fundamentals of algebra. Moscow, "Fizmatlit", 2004.
8. Faddeev D.K. Lectures on algebra. Moscow, "Nauka", 1984.
9. Skorniyakov L.A. Elements of algebra. Moscow, 1980.
10. Shmelkin A.L. Algebra (methodological instructions). Moscow, Moscow University Publishing House, 1981.

THE ROLE OF CULTURE WITH HIGH AND LOW CONTEXT IN THE ECONOMY OF SPEECH IN ENGLISH AND UZBEK LANGUAGES**Abdujabbarova Z.***Tashkent State Pedagogical University named after Nizami*DOI: [10.5281/zenodo.13756286](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756286)**Abstract**

This article explores the communication styles within Uzbek culture, highlighting key characteristics and differences from Western norms. Uzbek communication is characterized by indirectness, politeness, and an emphasis on maintaining harmony and preserving face. Non-verbal cues, such as body language and facial expressions, play a significant role in conveying meaning. Collectivism and the importance of personal relationships are integral to Uzbek communication, while conflict avoidance and mediation are preferred over direct confrontation. Understanding these cultural nuances is crucial for effective intercultural communication with Uzbek individuals.

Keywords: Uzbek culture, communication styles, indirectness, politeness, harmony, face-saving, non-verbal communication, collectivism, personal relationships, conflict avoidance.

Introduction. In the context of British culture and its influence on the economy of speech, one can consider the concepts of communication styles with high and low context. These terms refer to the extent to which meaning is conveyed explicitly or implicitly in a given communication setting. Although these concepts are most often associated with cultural analysis, they can also be applied to the economy of speech in British culture.

Communication in a high context relies heavily on implicit understanding, general knowledge, and non-verbal cues. In British culture, there are situations in which communication in a high context prevails, for example: *The British often value politeness and tend to use indirect expressions to convey messages. They may use euphemisms, sarcasm, or subtle hints instead of stating anything directly, especially when discussing sensitive topics or expressing disagreement.*

British speech culture often includes references to common cultural experiences, history, literature, and popular culture. These references presuppose a certain level of basic knowledge, and their understanding contributes to effective communication in a cultural context.

Non-verbal cues such as facial expressions, gestures, and tone of voice play an important role in communicating in a high context. The British can rely on these signals to convey additional meaning or to understand the main purpose of the message. Low-context communication places more emphasis on explicit verbal expression and relies less on general understanding or non-verbal cues. Although British culture tends to demonstrate communication in a high context, in some cases it is possible to observe communication in a low context. In an official or professional environment, British speech culture may be more focused on communication without context. Here, in a professional environment, clarity and accuracy are valued, and messages should be clear and unambiguous. This is especially true in a legal, business or academic environment. Directness, although politeness and non-directness are often appreciated in British culture, there are situations where directness is preferable. For example, in emergency situations or when expressing a firm opinion, a

more direct style of communication may be adopted. Due to the rise of multiculturalism in the UK, interacting with people from different backgrounds may require a clearer communication style to ensure clarity and avoid misunderstandings.

It is important to note that these communication styles exist in a wide range, and people may differ in their preferences and use of communication in a high or low context depending on various factors such as personal background, regional differences and acquaintance with the interlocutor.

Examples can be given of additional aspects that should be considered when studying communication in a high and low context in the speech economy of British culture, such as politeness and indirection: Britons often value politeness and may use indirect expressions to avoid confrontation or insults. This can be seen in phrases such as *"Could you..."* or *"I'm terribly sorry, but..."* rather than in direct requests or statements.

Research methods. Humor and wit. Here we can say that British humor often relies on subtlety, irony and wordplay, which can be considered an important context. Jokes and sarcasm may require an understanding of cultural references, wordplay, or context in order to fully appreciate their intended meaning. Understatement and modesty: British culture tends to value modesty and understatement. People may downplay their achievements, hold back their emotions, or use self-deprecating humor to avoid appearing boastful or arrogant. In addition, you can also talk about negotiations and debates: in formal situations, such as negotiations or debates, a more direct and logical approach can be used to present arguments and counterarguments. Clear and unambiguous communication helps to convey ideas effectively and convincingly. In a society as diverse as the UK, where people from different cultural backgrounds interact, communication without context can be used to provide clarity and understanding. In such situations, a clear explanation of what is happening and the rejection of assumptions about general knowledge becomes crucial. It is also worth noting that individual communication styles can vary, and some people may naturally tend to communicate in a high or

low context, while others may adapt their style depending on the specific context or the people they communicate with.

In general, British culture tends to prefer communication in a high context, emphasizing politeness, indirection and general cultural references. However, there are situations when communication in a low context becomes more noticeable, especially in an official or professional environment and in cross-cultural interaction. The balance between communication styles in a high and low context contributes to the economy of speech in British culture.

It would be useful here to give examples of communication in a high context:

Politeness and indirection:

"I'm sorry, but I'm afraid I can't do it."

"This is an interesting moment. Perhaps we could consider several alternative approaches."

"That's not exactly what I meant, but thanks for the offer."

Humor and wit:

"I told my computer that I needed a byte, and it brought me cookies!"

"I'm not saying I'm Batman. I just want to say that no one has ever seen Batman and me in the same room."

Understatement and modesty:

"I guess I didn't pass the exam so badly."

"It's just a little rain. We are used to it here."

Examples of communication without context:

Clarity and directness:

"Please complete the report by 17:00 tomorrow."

"I do not agree with your proposal because of the potential risks associated with it."

"The train will leave platform 3 in five minutes."

Negotiations and debates:

"Based on the data presented, I propose to increase our marketing budget by 10% in order to achieve better results."

"Your arguments do not take into account the long-term consequences of the proposed policy."

Intercultural interaction:

"Let me explain the process step by step, as it may be different from what you are used to."

"In our culture, it is customary to shake hands at the first meeting."

These examples illustrate that communication in a high context in British culture often involves politeness, indirection, humor and understatement, while communication in a low context emphasizes clarity, directness, negotiation and clear explanations.

And also, let's give additional examples of communication in a high context:

Politeness and indirection:

"I wanted to ask, could you, by any chance, help me with this task?"

"It's a little cool here, isn't it?" (implying a request to adjust the temperature)

"I'm sorry, but I'm afraid I won't be able to attend the event. I have prior commitments."

Cultural features:

"It's like looking for a needle in a haystack" (meaning a difficult task)

"He's a real Sherlock Holmes when it comes to solving problems" (meaning someone's detective skills).

"She's as wise as Dumbledore" (meaning someone's wisdom borrowed from the Harry Potter series)

Non-verbal signals:

A raised eyebrow or a barely noticeable smile indicating agreement or disagreement. Pause before answering to give the other person time to add additional information. Examples of communication in a low context:

Clarity and directness:

"Please send me a report by 15:00 tomorrow"

"I strongly object to this proposal as it is not feasible and sustainable."

"The meeting will take place in Conference Room B on the second floor at 10:00 a.m."

In a professional setting:

Give simple instructions during a training or seminar.

Make brief announcements at an official business meeting.

Give clear recommendations on a project or assignment.

Interaction with representatives of different cultures:

Explain local customs or traditions to representatives of another culture. Use clear language and avoid idiomatic expressions or slang that may be incomprehensible to those who are not familiar with British culture. Specify the time, date and location to ensure effective communication between representatives of different cultures. These examples demonstrate how high-context communication in British culture often relies on politeness, indirection, common cultural references and non-verbal cues, while low-context communication emphasizes clarity, directness, professionalism and clear explanations. The influence of communication in high and low contexts on the economy of speech in British culture may have several consequences:

Efficiency and accuracy: In low-level communication, where clarity and unambiguity are valued, speech economy is aimed at efficient and accurate transmission of information. This can be useful in professional settings such as business negotiations or scientific presentations, where time is often limited and the accuracy of information transmission is crucial. In Uzbek culture, the communication style is usually focused on communication in a high context. Here are a few key aspects to consider:

Indirection and politeness: Uzbek communication often focuses on politeness and indirection. Requests or refusals can be expressed subtly in order to maintain harmony and avoid insults. For example, instead of directly rejecting an invitation, an Uzbek citizen may use expressions such as *"I will try to come"* or *"I will see if I can do it"* to indicate his absence. Non-verbal communication: Non-verbal signals play an important role in communication in the Uzbek language. Facial expressions, tone of voice and body language are used to convey emotions, intentions and respect. Maintaining eye contact, nodding, and using appropriate gestures are considered important signs of engagement and respect during a conversation. Understanding context:

Communication in Uzbek is largely based on shared cultural knowledge, context, and hidden meaning. Understanding the cultural background and context is crucial to understanding the intended message.

Contextual factors such as social status, age, and the dynamics of the relationship with the interlocutor are taken into account for accurate interpretation of the message. Personal relationships and family values: Personal relationships are of great importance in Uzbek culture, and communication reflects this value. Establishing mutual understanding, maintaining harmony and saving face are priorities in conversations. Respect for elders and reverence for authority figures are common, and communication with them may involve more formal and indirect language. Group orientation and hospitality: Uzbek culture is strongly group-oriented, and communication is often built around collective rather than individual interests. Hospitality is highly appreciated, and meals, drinks, and other forms of hospitality may be offered during conversations. Accepting such offers is considered polite and a way to express appreciation. Cultural traditions and etiquette: Uzbek communication reflects cultural traditions and etiquette. There are certain norms of greeting, introducing and addressing people of different ages or social status. The use of appropriate honorary titles and expressions of respect, such as "mouth" for a qualified master or "akajon" for an older brother, is commonplace. The importance of preserving reputation: Preserving reputation is an important aspect of communication in Uzbek culture. People strive to save their own face and not embarrass other people. In public places, criticism or direct confrontation can be avoided to avoid situations that threaten their reputation. Instead, problems can be solved indirectly or privately to preserve harmony. The importance of hospitality: Hospitality is deeply rooted in Uzbek culture. When communicating with guests or female visitors, the hosts often do their best to make them feel welcome and comfortable. Offering food, drinks and engaging in polite conversation is common practice. The guests are expected to kindly accept the hospitality as a sign of respect and appreciation. Respect for elders and hierarchy: Uzbek culture places great emphasis on respect for elders, authority figures and hierarchical relationships.

Young people usually show respect and address the elderly with appropriate addresses such as "janob/honim" (sir/madam) or "otah-onam" (father/mother-parents) to show respect and acknowledge their seniority.

Non-verbal communication and body language:

Non-verbal communication, including facial expressions, gestures and tone of voice, plays a crucial role in conveying meaning in Uzbek culture. Maintaining eye contact during conversation and listening is considered a sign of attention and respect. A nod and a smile are common gestures indicating understanding and agreement. Indirect communication styles: Uzbek communication often involves indirection and subtlety. Openly expressing disagreement or reporting bad news directly can be seen as impolite or confrontational. Instead, Uzbeks may use mitigating expressions such as polite refusals or delayed responses to convey negative

information in a more indirect way. The importance of personal relationships: Building and maintaining personal relationships is highly valued in Uzbek culture. Trust and familiarity are crucial for effective communication.

By taking time for small talk, asking about family and well-being, and showing genuine interest in other people's lives, you help to establish and strengthen relationships. The importance of harmony and conflict avoidance: In Uzbek culture, great attention is paid to maintaining harmony and avoiding open conflicts. Disagreements or conflicts can be resolved indirectly or through mediation or compromise. The focus is on finding solutions that preserve relationships and do not lead to disruption in social circles. It is important to note that although contextual communication prevails in Uzbek culture, individuals can adapt their communication style depending on the context and the people they interact with. Moreover, as Uzbekistan becomes more diverse and influenced by globalization, there may be differences in communication styles between generations and regions of the country. Here are some examples illustrating the peculiarities of communication in Uzbek culture:

An example of indirection and politeness: *A friend invites you to a party, but you can't come.*

Answer: "Thank you for inviting me! I'll do my best, but I have other things to do this day. I'll let you know if anything changes."

An example of how to save face:

Situation: A colleague makes a mistake during a meeting in front of others.

Answer: Instead of pointing out the mistake directly, you could say, "I think there may be a slight oversight in this part. Let's take another look and make sure everything is correct."

An example of non-verbal communication:

Situation: You are talking to an Uzbek friend who shares interesting news with you.

Reaction: While listening, you maintain eye contact, nod your head and smile to show that you are involved, interested and supportive.

An example of respect for elders:

Situation: You are addressing an elderly person in a professional setting.

Answer: You address them using appropriate honorifics such as "janob/honim" (sir/madam) or "otah-onam" (father/mother-parents) to show respect and acknowledge their seniority.

Examples of indirect communication styles:

Situation: A colleague asks your opinion about a project idea that you strongly disagree with.

Answer: Instead of directly expressing disagreement, you could say, "This is an interesting approach. I think we should consider all the options and consider different points of view before making a final decision."

An example of building a personal relationship:

Situation: You meet a new acquaintance at a social event.

Answer: You engage in small talk, ask about their background, family, and interests, showing a sincere interest in getting to know them better.

An example of harmony and conflict avoidance:

Situation: Disagreements arise during a group discussion.

Answer: Instead of getting into a heated argument, you could suggest finding a compromise or offering a different point of view in order to maintain harmony and avoid tension in the group.

Here are some additional examples illustrating how Uzbek communication style may differ from Western norms:

Directness versus Indirection:

The Western norm: In Western cultures, direct and unambiguous communication is often appreciated. People tend to express their thoughts and opinions openly and directly.

Uzbek norm: indirect communication is more common in Uzbek culture. Instead of directly expressing opinions or disagreements, Uzbeks can use hints, subtleties and softening expressions to get their point across. Example:

Western style: "I strongly disagree with your proposal."

Uzbek style: "I understand your point of view, but I have some doubts about this proposal. Perhaps we can consider other options."

Individualism versus Collectivism:

The Western norm: Western cultures often prioritize individualism, where special attention is paid to personal needs and goals.

Uzbek norm: Uzbek culture tends towards collectivism, focusing on the needs and expectations of a group or community. Example:

Western style: "I need to prioritize my own career growth."

Uzbek style: "I would like to think about how this decision will benefit our team and contribute to our collective success."

Personal boundaries:

The Western norm: Western societies often emphasize personal boundaries and respect for privacy.

Uzbek norm: In Uzbek culture, personal boundaries may be more fluid, and greater openness and information exchange are expected. Example:

Western style: "I prefer not to disclose my personal affairs."

Uzbek style: "Let me tell you a little bit about my family and background. We are very friendly, and family is extremely important to me."

Conflict resolution:

The Western norm: Western cultures tend to approach conflict resolution through direct discussion and open confrontation.

Uzbek norm: Uzbeks may prefer to avoid direct confrontation and strive for harmony through mediation, compromise and maintaining social relations. Example:

Western style: "Let's deal with this issue directly and work on solving it."

Conclusion. In conclusion, it can be said that the Uzbek style of communication differs from Western norms in several aspects. Uzbek communication, as a rule, is more indirect, focusing on politeness, saving face and maintaining harmony in social relations. The use of non-verbal cues such as eye contact and body language is important for conveying meaning. Collectivism and group orientation play an important role, with special attention being paid to taking into account the needs and expectations of the wider community. Conflict prevention and mediation are preferable to direct confrontation. These cultural differences in communication reflect the values and norms of Uzbek society, which prioritize respect for elders, hospitality and strong personal relationships. Understanding and adapting to these communication styles are necessary for effective intercultural communication and building positive relationships with Uzbeks.

References

1. Абдужаббарова З.Р. Экономия речи в когнитивных и национально-культурных особенностях речевой компетентности в английском и узбекском языках. Ўзбекистон: Тил ва маданият. Лингвистика. 2023. №. 2(1) стр.27-36
2. Айдукевич, К. Язык и смысл Текст. / К. Айдукевич // Логос, 1999. №7.
3. Белик, А.А. Культурология. Антропологические теории культур Текст. / А.А. Белик. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т., 1999. - 241 с.
4. Вежицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики Текст. / А. Вежицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. - 272 с.
5. Rasulov Z.I. Nutqiy tuzilmalar axborot-diskursiv mazmuni shakllanishi jarayonida tejamkorlik tamoyilining faollashuvi (Ingliz va O'zbek tillari materiallari asosida) Monografiya. Durdona nashriyoti, Buxoro, 2022. 168 b.

Begmatova L.*Tashkent State Pedagogical University named after Nizami*DOI: [10.5281/zenodo.13756288](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756288)**Abstract**

Mastering speech culture is one of the most necessary conditions for the formation of a socially active personality. The tasks of teaching at school are diverse. The primary one is the ability to clearly and express your thoughts clearly in free oral and written form, speak correctly, have a well-modulated voice, be able to express your emotions with the appropriate intonation, observe speech culture and develop the ability to communicate. Accordingly, we consider the development of speech culture to be one of the main tasks at the present stage of student education.

Keywords: speech culture, intellectual activity, language, psychology, linguistics, communicative tasks, intonation expressiveness, speech etiquette, speech development, process of communication.

Introduction.

Speech as the highest mental function is the most important component of intellectual activity, and language as the leading means of realizing speech activity and implementing thought processes has been the subject of close attention of specialists studying psychology and linguistics for a long time.

Theoretical and experimental studies conducted within the framework of the above-mentioned sciences have allowed us to accumulate and summarize sufficient material characterizing the general laws of language acquisition and the formation of human speech abilities in the process of ontogenesis, features characterizing the processes of speech activity in society. Numerous studies have been devoted to the problem of the culture of speech communication by scientists who represent the psychological and linguistic school (P.P. Blonskiy, L.S. Vygotskiy, S.L. Rubinstein, A.R. Luria, A.N. Leontiev, L.V. Shcherba, V.V. Vinogradov, etc.).

The essence of the culture of speech communication is a personality quality that includes a culture of speech, a culture of thinking, an emotional culture and presupposes mastery of the norms of the literary language, the ability to adequately choose and use means of communication in solving the set communicative tasks. This quality implies knowledge and observance of speech etiquette by a younger student, the ability to use the means of intonation expressiveness of speech; the ability to enrich vocabulary and logical thinking.

Let's consider the conditions for successful speech development and formation speech skills in children, which form the basis of the culture of speech communication:

- the need for communication, or communication.

Research methods

The process of communication is possible only when the interlocutors use generally understandable signs, namely words, their combinations, and various turns of speech. This means that in the process of speech development, situations are provided that determine the motivation of speech, forcing the student to use speech utterances that arouse his interest and desire to talk about something.

- communication is possible only with the help of generally understandable signs: words, their combinations, various turns of speech.

This means that children need to be provided with the most frequently used speech samples, or create a

speech environment that activates the child's process of assimilation of these speech samples.

- speech, in addition to the function of communication, also performs a cognitive function, helping the child not only to build the process of communication with others, but also to actively explore the world. Mastering speech is one of the ways to know reality. Such speech characteristics as diversity, accuracy, and content directly depend on the degree of enriching the child's consciousness with various ideas and concepts.

In other words, speech, in the process of its development, is necessary not only linguistic, but also in the actual material. It should be noted that this material should be socially or personally significant. This is also a necessary condition for the child's speech development. And vice versa: the more freely a person enjoys various opportunities to use all the richness of his native language, the stronger his numerous connections with society and with the surrounding reality become. For every child, fluency in speech skills is a prerequisite for successful socialization, and as a result, successful learning and development.

At school, the child is given the opportunity to learn literary the language in its artistic, scientific and colloquial versions. This is a fairly extensive block of information, including more than one thousand new words and new meanings, a large number of such combinations and syntactic constructions that were not previously used in the speech activity of a preschooler. Parents are not always aware of how important this activity is, assuming that daily communication with an adult and regular reading of books are enough for the child. But such presentations can negatively affect the system of formation of speech activity of a younger student, because the system of enrichment and development of children's speech requires systematic work, which in a certain way doses the necessary material - vocabulary, syntactic constructions, types of speech, etc.

In the process of developing students' speech, the teacher sets clear goals for the formation of certain speech characteristics in students, which are criteria for evaluating students' oral and written statements:

1. Mastering the rules of the literary language, which obey the norms, the ability to distinguish literary and non-literary language, as well as literary language from vernacular, dialects, jargons.

In the process of this work, it is necessary to apply a system of educational influences on students, systematic work is required, which accordingly and definitely doses the educational material, strict observance of steps in the process of speech formation is necessary.

2. Mastering the processes of reading and writing by students. Reading and writing are speech skills and skills that They are based on a language system, based on its phonetic, lexical, graphic and spelling rules, as well as on the process of perceiving other people's speech. In the process of mastering written speech, students must master various features of genres: description, narration, writing, newspaper article, reasoning.

One of the main requirements is the requirement of meaningful speech. If the student's story is based on interesting facts, interesting observations and thoughtful thoughts, sincere experiences will be present in it, it will be very interesting and useful to others and to himself. In elementary school, the process of forming artistic speech must begin with a folk tale, in which a full range of artistic techniques can be found in large numbers, which will be extremely useful to a younger student. The teacher needs to use the processes taking place in the ordinary the student's life, namely excursions, watching animated and feature films, hiking, books read, special observations, all this is the main content of preparatory conversations, and the basis for subsequent written essays, stories, etc. At the same time, it must be remembered that the events used should have a positive emotional coloring for the child, be for They are interesting and instructive for him.

The second is the requirement of the ability to logically, consistently and clearly construct speech. Confident knowledge of the information that the student speaks or writes about helps him not to miss anything important, allows him to build logical transitions from one part to another, not to repeat himself in his statements.

Results.

The above requirements should apply to the speech of younger students. A child can receive a characteristic of correctly delivered speech only if it meets all the listed requirements. In elementary school, it is considered a big mistake to work only on certain aspects of speech, for example, spelling literacy, and other types of work would be transferred to high school. Unfortunately, this error is present in practice. It is not always possible to work at each lesson on the variety of speech tools used by students, on the requirement of clarity of speech, carefully choosing words from a number of synonyms, teach children to correct speech defects in their comrades and improve their own speech.

Speech is a diverse human activity that is used to communicate, to convey one's thoughts, one's knowledge, intentions, and feelings. Speech is multifaceted and in different situations we observe its various forms, for example: this is an artistic monologue, delivered from the stage and the speaker's speech, scientific work and a speech to the team, a conversation between classmates or a conversation with a teacher.

Accordingly, activities in the field of speech development cannot be monotonous. The teacher needs to know the specifics of each type of speech [E. Rodionova, 2006.p.85]. Speech is not presented without

communication. The most common form of communication is dialogue. A dialogue is a conversation between two or more people. The remarks of the interlocutors have a direct impact on one another and are interdependent. Dialogic cues are also influenced by the situation that develops during the dialogue. There is a large number of incomplete sentences in the dialogue, since in the presence of voluminous, detailed sentences, the meaning of the dialogue is lost, its liveliness and fluidity disappear. One of the characteristic features of the dialogue is the presence of interrogative and exclamation sentences, interjections, particles indicating the high emotionality of the interlocutors. The syntactic component of dialogues is usually simplified.

Conversation is an artificial form of dialogue, actively used in English language lessons at school. It differs from direct dialogue by using complete sentences. The conversation is aimed at teaching students the correct construction of sentences, introducing them to the use of literary speech in dialogue.

Thus, observing the conditions for the formation of speech culture in primary school children, the assimilation of the basic communicative function of speech contributes to the development of thinking, socialization of younger schoolchildren, develops interest in the world around them, helps the child to fully develop his abilities, which leads to the formation of a socially active personality.

Great attention should be paid to the presence of feelings of satisfaction among students from the results of their work, to control their emotional interest in the process of preparing and implementing the results of monologue speech. The teacher should constantly strive to create situations as a result of which students felt satisfaction and joy from their stories and writings. Speech for a student should not be just a learning exercise, after completing which he will receive an appropriate grade. It is necessary to ensure that the speech for the child, it became a means of self-expression and an object of joy and pride. In this process, the teacher will be helped by timely motivation for the development of speech activity, which should lead to the need for students to speak, write, and participate in performances.

Conversation is an artificial form of dialogue, actively used in English language lessons at school. It differs from direct dialogue by using complete sentences. The conversation is aimed at teaching students the correct construction of sentences, introducing them to the use of literary speech in dialogue.

Dialogical speech is impossible without the interlocutor's remarks and questions corresponding to the situation. This makes it much easier to build a dialogue. The process of developing monologue speech is much more complicated, the types of which These include a story, an essay, a message, a report, a retelling, a speech at a meeting, etc. The listed types of oral and written monologue should be the focus of the primary school teacher's attention and be solved in a timely manner, using modern methods, in English language and literary reading lessons starting from the first grade of elementary school.

Monologue, coherent speech is often presented in writing. Written speech has the same properties as oral monologue, but they are much more clearly expressed.

In this case, there are higher requirements for such concepts as sentence construction, word choice, logic, completeness of the topic, consistency of presentation, correctness of language. At the same time, there are also distinctive features of writing.

Firstly, written speech is completer and more complex than oral speech. It includes more extended sentences, used designs that significantly complicate the offer. Observations have shown that in the written version, the size of the composition (story) exceeds the size of a similar oral story.

Secondly, the written version cannot reflect the existing pauses, logical accents, intonation, gestures and other means that are important and affect the meaning of oral speech. This is a significant disadvantage of writing. To some extent, this disadvantage is mitigated by the presence of punctuation marks, the fact that the text is divided into paragraphs, and the font can be highlighted in font or underline, and additional remarks can be made.

Thirdly, writing is complicated by spelling, and it is not easy for younger students. It is a well-known fact that some students write short texts of essays because they are afraid to make a lot of spelling mistakes. An unformed spelling skill is a rather serious problem in solving the problems of developing children's written speech, therefore, the teacher needs to have a method of spelling preparation of students for composition and presentation.

As a result, the process of writing is much slower than oral, especially in elementary grades, while often this processes It turns into an end in itself for primary school students and at the same time they forget about the content of the text and the choice of language tools.

Written speech is a prepared speech that can be checked and necessary adjustments can be made, which is why it is difficult to overestimate the importance of this process for improving the overall language culture of primary school students.

The main attention in the process of teaching children in primary school is paid to writing, as it is the basis for the subsequent study of almost all subjects of the school curriculum. Not forgetting the need for parallel development and the process of oral speech, the educational activity of a teacher, recently, It is aimed at developing this process in students. In primary school, children's speech activity takes a leading position in the development of new knowledge. Some students have character traits such as shyness, stiffness, which prevents them from answering teacher's questions, taking part in conversations and discussions.

The teacher, together with a psychologist, must work to identify such qualities in children and conduct appropriate work with such children. In the case when a teacher from the first grade teaches each student to participate in conversations without fear and embarrassment, to speak, to answer questions clearly, this will further greatly facilitate the child's learning process in the subjects included in the educational program.

We also note that the reason for the low speech activity of children may be speech defects, in such cases, the teacher must be actively involved in the work parents and speech pathologists. In the first grade in elementary school, a significant proportion of attention is paid to the pronunciation side of speech, namely: the correct articulation of sounds, elements of speech therapy work, which are realized with the help of tongue twisters, recitations, chants, choral reading.

Primary school age is a period during which there is an intensive development of all sides of speech, therefore, the relationship of different speech tasks and the formation of coherence of statements during this period have a leading role. It is also important for a teacher to form and develop the ability to connect sentences with different types of communication and to build statements of different types – descriptive and narrative.

The purposeful development of all the above-mentioned aspects of speech, including the culture of speech communication, will prepare younger schoolchildren for the subsequent stages of improving coherent speech and in the sense of selection language tools, and the logic of creating a meaningful statement.

The decisive task of the process of developing speech culture is to teach students the ability to express their own and other people's thoughts in a meaningful, grammatically and stylistically correct way orally and in writing. A sufficient vocabulary allows the child to optimally accurately express his thought, therefore, work on expanding and The improvement of the dictionary is the basis of the process of improving oral speech.

References

1. Гольдин, В.Е. (2009). Этикет и речь/ В.Е. Гольдин. - М.: ЛИБРОКОМ.
2. Родионова, Е.А. (2006). Русский язык Тесты и развивающие задания / Е.А. Родионова, М.А. Зиганов. – М: Ломоносовская школа.
3. Львов, М.Р. (2002). Культура речи. Школьные проблемы /под ред. Степановой С.В. - М.: Начальная школа №1.
4. Петрова, Л.И. (2007). Индивидуальный подход в воспитании младшего школьника / Л.И. Петрова. - Ростов н/Д.: Феникс.
5. Стасько, А.В. (2011). Личностно-ориентированное обучение – средство формирования познавательной активности учащихся / А.В. Стасько // Начальная школа.
6. Талызина, Н.Ф. (1998). Педагогическая психология: учебное пособие для студентов средних педагогических учебных заведений [/ Н.Ф. Талызина. – Москва: Издательский центр «Академия».
7. Таркина, Т.И. (2008) Формирование аналитического мышления у учащихся начальных классов: приемы работы с текстом / Т.И. Таркина // Начальная школа плюс До и После.

THE CONCEPT OF CHILDHOOD IN THE SCIENTIFIC AND ARTISTIC TRADITIONS OF THE XX CENTURY

Khikmatova D.

*Doctoral student, Bukhara State University,
Uzbekistan, Bukhara*

DOI: [10.5281/zenodo.13756292](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756292)

Abstract

In itself, the concept of childhood is complex and is interpreted by different fields of science in their own way. However, this does not mean that the phenomenon of childhood refers only to a certain stage of the formation of society. As you know, each society, individually, has its own ideas about childhood; accordingly, childhood is a cultural phenomenon. The question is what was the attitude of society towards the younger generation. The interaction of society with the childhood period has undergone changes from its complete disregard as a time extremely important in the formation of personality in traditional culture, to the recognition of the child as a full member of society in the process of active socialization in the era of industrialization. Therefore, the study of the concept of "childhood" is primarily associated with changes in society that follow in a certain period of time.

Keywords: Concept, childhood, cultural phenomenon, society, psychology, physiology, lexical–semantic field, active socialization, era of industrialization, ambivalent interpretations, positive connotations, non–age component, personal paradigm, primarily a creator, child's thinking, spiritual life, emotional sphere.

Introduction.

Currently, the term concept is a key concept in cognitive linguistics. Despite the fact that the concept of concept can be considered established for modern cognitive science, the content of this concept varies significantly in the concepts of individual scientists and different scientific schools.

The fact is that a concept is a category of thought, unobservable, and this gives a lot of scope for its interpretation. The concept category appears today in the research of philosophers, logicians, psychologists, and cultural scientists, and it bears the traces of all these extra-linguistic interpretations.

For the first time in science, the term concept was used by S.A. Askold-Alekseev. The scientist defined the concept as a mental formation that replaces an indefinite set of objects, actions, and mental functions of the same kind in the process of thought. He believed that the most important function of concepts is the function of substitution, since, being a mental formation, the concept replaces many objects of the same kind in the process of thought.

A concept can replace both real objects and some aspects of an object or real actions. E.S. Kubryakova offers the following definition of the concept: "Concept) is a unit of mental or mental resources of our consciousness; an operational meaningful unit of memory, mental lexicon, conceptual system and language of the brain (*lingua mentalis*), the whole picture of the world reflected in the human psyche [Kubryakova, 2001: 90].

In the processes of thinking, a person operates with concepts that reflect the content of the results of human activity and knowledge of the world in the form of certain "quanta" of knowledge." This is information about what an individual assumes, thinks, knows and imagines about the objects of the world.

Cognitive science cannot yet answer the question of how concepts arise, except by pointing to the process of formation of meanings in the most general form. It is believed that language provides the best access to the description and definition of the nature of concepts. At the same time, some scientists believe that as the sim-

plest concepts should be considered concepts represented by a single word, and as more complex ones – those that are presented in phrases and sentences.

According to Polish linguist A. Wierzbicka, a concept is an object of an ideal world that has a name and reflects certain culturally conditioned human ideas about the real world (Wierzbicka, 2003: 263).

It is recognized that the concept is the main unit of the conceptual sphere. According to modern ideas about the non-verbal nature of human thinking, it is believed that the conceptosphere as a community of concepts exists autonomously, regardless of the linguistic means of its expression, objectification.

A concept can act as a complex thinking unit that turns in different directions in the process of mental activity, actualizing its different signs and layers in the process of mental activity; the corresponding signs or layers of the concept may well have signs and layers; the corresponding signs or layers of the concept may well not have a linguistic designation in the native language of a person.

Representatives of the Voronezh Scientific School – Z.D. Popova, I.A. Sternin and others consider the concept as a global thought a unit representing a "quantum of structured knowledge"

In their opinion, the concept is represented in the language by lexemes, phrases, phrases, sentences, texts and sets of texts. Having considered the linguistic expressions of the concept, we can get an idea of its content in the minds of native speakers.

Yu. S. Stepanov considers the "concept" from a cultural point of view: "A concept is like a clot of culture in a person's mind; that in which culture enters the mental world of a person. And, on the other hand, a concept is something by which a person is an ordinary, ordinary person, not a "creator cultural values" — enters culture itself, and in some cases influences it" (Stepanov, 2003: 231).

Analyzing these concepts, it can be concluded that the researchers have not come to a common understanding of the term "concept". There are three main directions or approaches to understanding a concept in science: linguistic, cognitive, and cultural.

In addition, the concept has a very complex multi-dimensional structure. It can distinguish both the concrete and the abstract, both rational and emotional, both universal and ethnic, both national and individual-personal. This explains the lack of a single definition.

The theme of childhood in world literature is one of the most relevant, socially and psychologically significant topics. It is touched upon in many works: this may be the main motive in the narrative, or it may be only a fragment, a small part of the entire work. The image of childhood belongs to the number of traditional objects of research by scientists from various fields of science, in addition to philology: psychology, sociology, pedagogy, philosophy, etc.

Research methods. Childhood is a complex cultural phenomenon. There are many formulations characterizing this concept. In the explanatory dictionary of the Russian language by S. I. Ojegov, childhood is defined as "early, pre-adolescence age; the period of life at that age." In psychology and physiology, childhood is also interpreted as one of the stages of ontogenesis, determined by specific age limits.

The concept of "childhood" includes the concept of time, so it can be attributed to "age-related" concepts. Not the whole life of a person is considered, but only a certain period (from birth to adulthood). In addition, this concept can be attributed to national (universal), since regardless of nationality, there is a period of childhood in every person's life. Based on the data of Associative Dictionary, childhood can be considered as a contradictory period. On the one hand, childhood is understood as a carefree, happy, cheerful, joyful, but irrevocable time of human life, and on the other hand – as a difficult and difficult period. An important characteristic of childhood is also the place in which it takes place. Despite the fact that the concept of "childhood", like any other concept, has ambivalent interpretations, it is much more often represented by positive connotations.

The child is the subject of the concept of "childhood". Its meaning is not identical to the concept of "child", since the defined lexical-semantic field is much wider and is located in the space of the conceptual sphere next to "time", but at the same time it certainly absorbs some signs of this related concept. Of great importance are the features that characterize the child's worldview, the child's thinking, his spiritual life and the emotional sphere:

- 1) children's mythologism;
- 2) play as the main form of children's activity;
- 3) an extraordinarily wide and rich world of children's fantasy;
- 4) the integrity of the child's soul, its naivety and spontaneity, the absence of any division in the child, artificiality, spiritual and mental health;
- 5) freedom from stereotypes, norms and conventions, freedom of expression of feelings, spiritual freedom;
- 6) Creative energy.

In the structure of the concept under study, the opposition of childhood as the initial period of a person's life to adulthood (maturity) is clearly expressed as the highest level of physical and intellectual development his development. With the development of ideas about

childhood as a kind of state of mind, this opposition in relation to spiritual life is not so categorical.

According to C. Jung, every personality has the archetypal properties of a child. The conventional metaphorical concept of childhood is actualized in the traditional cultural discourse.

In this case, the phenomenon of childhood is not limited to physiological connotations, but can be interpreted as "an integral and non-age component of the personal paradigm of a person, primarily a creator.

Philosophical and psychological theories, the subject of which is the personality of a child, indicate the presence of a creative component in the structure of the concept of "childhood". Based on F. Nietzsche's theory, which develops the idea of superman, the child is thought of not just as an example of free creativity and an extraordinary worldview, but as the highest stage of creative self-improvement.

The child, according to F. Nietzsche, is "innocence and oblivion, a new beginning, a game, a rolling wheel, an initial movement, the holy word of affirmation." This is the last stage of the "transformation of the spirit", the purity and "innocence" of which mean freedom from any norms and values and imply endless variability of self-actualization.

In E. Bern's theory, the concept of "child" is considered to determine the nature of a person's worldview as a whole. According to E. Bern's personality model, the child is one of the most valuable components of personality, since it is a source of intuition, creativity, spontaneous impulses and joy.

3. Freud compared children playing with artists, as they create their own world, similar to the "artistic" one, and take it absolutely sincerely and seriously, putting into their game all the passion and emotions that children are capable of. Thus, in philosophical and psychological discourses, the preservation by an adult of the properties inherent in childhood ("childishness") is often interpreted as "the preservation of creative possibilities and immediacy of world perception, which is a sign of a creative personality"

In the modern artistic process, many professionals create or use the most diverse childhood images as the main creative material. For different types of art, it is of interest to highlight common and specific expressive means used by the authors to create an image of childhood.

In analyzing the image of childhood, O. O. Gracheva in the article "Images of childhood in art: aspects of humanitarian analysis" uses psychological and pedagogical concepts, the consideration of which allows us to identify the archetypes of childhood. These are images of a child – an object of care and attention an adult and a child – a miniature model of an adult. These archetypes consider childhood as a natural and inevitable period, but burdensome for adults. Such characteristics are characteristic of works about children created within the framework of primitive art, the era of ancient civilizations, Antiquity, and the Middle Ages. In these cultures, children's images are presented conditionally, they do not so much depict as denote the most important characteristics of childhood. The only positive thing about a child is the prospect of growth and improvement.

Therefore, childhood symbolizes the beginning, renewal and rebirth, it is, above all, hope for the future. In the perception of adults, children symbolize hope, purity, optimism, embodying the most positive concepts. Thus, the third archetype of childhood can be distinguished - the symbolic use of this image in art.

The typology of images is expanding in the period of modern and modern times. In different types of art, one can find works created within the framework of new types, including newly emerging (man-made).

O. O. Gracheva considers the following types to be new types of children's images: the recipient child. This image appears when you get acquainted with works of various types of art addressed to children. From about the end of the XVIII century, professional works created specifically for children's audiences began to appear, the main task of which is to deliver aesthetic pleasure for the child, to lay the foundations for the aesthetic development of the personality. It was only in the second half of the 19th century that works appeared that created a true image of the child as an autonomous developing personality.

Such a holistic, self-valuable aesthetic and psychological characteristics of the image of childhood has an impact on the emergence of a fundamentally new phenomenon in art. This is a child subject whose activity is embodied by an adult in works of art addressed to an audience of all ages (children, adults, and both). The youngest in terms of time of occurrence is the image of a child creator, independently creating a work of art. Society is beginning to realize that children's creativity is valuable in itself. A real breakthrough is taking place in the art of the 20th century: adults are beginning to appreciate children's creativity, first of all, its childishness.

It is not so much the "adult" creative skills that are of particular value, as the emotional colors characteristic of childhood and specific means of expression.

Conclusion. The analysis of children's images in art using psychological and pedagogical concepts allows us to identify archetypal (child – object, child – model and child – symbol) and new variants of types of children's images (child – recipient, child – interpreter, child – self – valuable personality and child – creator).

The specified meanings related to the central zone of meaning the concept "childhood" varies in different ways in the works of art by various authors, being enriched by individual ideas about this multifaceted phenomenon of "childhood".

The study of the phenomenon of childhood in the cultural aspect of the study allowed us to reveal the main semantic components of the concept of "childhood" and to study the peculiarities of the formation of the image of childhood in the history of fine art. The systematization of modern theoretical concepts in this field has made it possible to form the main theses that determine the solution of the tasks of the ongoing research.

References

1. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. - Волгоград, 2001. – 398 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике // «Истоки» - Воронеж, 2001.- 20-21 с
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Степанов Ю.С., М.: Школа «Языки русской культуры», 2003. - 824 с.
5. Стернин И.А. Типы и концепты // Концептуальное пространство языка: сб. научн. трудов, посвященных юбилею Болдырева Н.Н. / под ред. Кубряковой Е.С. Тамбов. 2005. - 257-282 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE OFFLINE AND ONLINE APPROACHES TO DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL STRATEGIES IN TRAINING ENGLISH TEACHERS

**Makhkamova G.,
Safarova M.**

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami

DOI: [10.5281/zenodo.13756298](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756298)

Abstract

The article is devoted to comparative analysis of efficacy of offline and online approaches to development of students' pedagogical strategies. The peculiarities of pedagogical discourse are described, especially, its interactional aspect. Analysis of the practice of English teachers training shows that both offline and online formats of education are applied. To understand what is more effective for mastering pedagogical strategies the main peculiarities of offline and online teaching are analysed and compared. Besides the survey of the students attitude to offline and online approaches to development of pedagogical strategies is described.

Keywords: offline, online, EL teachers, pedagogical discourse, pedagogical strategies, comparative analysis, survey.

Introduction

The processes of globalization and integration and extending cyber space in the modern world impact on the rethinking the requirements to the Modern Languages Teacher's Training. In Uzbekistan context the graduates of the Foreign languages faculties should achieve C1 level of language proficiency to organize the pedagogical activity and pedagogical interaction. The modern language specialists have real opportunities to participate in international projects, webinars and online conferences. That is why the role of online approach for mastering pedagogical discourse has been still great. From theoretical and applied points of view the efficacy of the online approach to teaching pedagogical discourse there is no doubt among the local educators (See: Makhkamova, 2019; Makhkamova & Safarova, 2022). However, there have been some issues which need to be discussed in the framework of teaching pedagogical discourse. One of the issue is related to efficacy of development of pedagogical strategies.

Nowadays the offline and online, as well as blended learning forms of education are implemented in the practice of FL teachers training. Besides traditional approach to offline teaching the electronic or online materials are widely used by teachers to intensify professionally-oriented educational process. This article discusses what among them is more successful for mastering students' pedagogical strategies in Tashkent State Pedagogical University (TSPU) named after Nizami located in Uzbekistan. undoubtedly

Research methods.

Teaching pedagogical discourse for conducting the oral and written professional communication is the one of the objectives of the national curriculum in training teachers of a foreign language at the pedagogical university. According to T.A. Dijk and G.T. Makhkamova, discourse is a communicative event organized by communicants. Exactly, the message, or speech, or any verbal or nonverbal action are considered as a discourse. It is not a new idea that while pedagogical discourse production the teacher use nonverbal means of communication as body language signals, as well as paralinguistic means to perform the affective, semantic and illocutive aspects of pedagogical interaction. Many of scholars deal with the discourse as process and product under the linguistic, extralinguistic, pragmatic, and

cognitive factors [Dijk, 1997; Bernstein, 1990; Martin & Rose, 2013; Rose, 2014; Makhkamova, 2019].

Thus, communication in a class is universal pedagogical discourse where participants play a certain role and fulfill various functions. It is known that education concerns to the socialization process. By the help of pedagogical discourse, the students obtain knowledge and master abilities for further socialization and self-realization. The priority goal of the pedagogical discourse in a foreign language education is socialization, that proposes cultivating cultural values and conventional norms of communicative behavior, imparting the knowledge and development of skills are necessary for communication in the target language. The priority aspect of pedagogical discourse is expressed by interactional strategies while educational process. In particular, pedagogical discourse is represented with the help of different strategies: explanation, assessment, praise, approval and disapproval, etc. [Walsh, 2006; Makhkamova, 2019]. As authors of the article claim in their previous publications, "The secrets of pedagogical experience-exchanging can be realized in different types of interaction in the classroom and ways of solving major educational problems" [Makhkamova & Safarova, 2019: 195]. Any type of pedagogical discourse includes multilevel components related to language system and genre-stylistic peculiarities [Rose, 2014] and functional aspect [Makhkamova, 2019], so, it is difficult task for organizing rational development of students' pedagogical strategies at higher schools. Even more so offline or online approaches applied in higher schools. That is why the information about offline and online teaching specificity and rationality are needed for discussion.

The main peculiarities of offline and online teaching.

While FL teachers training the pedagogical discourse is an important part of offline and online approaches to cultivating. Regarding the mastery of pedagogical discourse, the teachers should realise the features of these two types of education and rationales in obtaining certain knowledge and skills to be a good teacher in a foreign language classes. In traditional offline and diverse environments, teaching usually occurs face-to-face between teachers and students, with real-time communication. It includes verbal and non-verbal

communication, class discussions and interactive sessions. Offline teaching discussion can help students develop a sense of community by providing rapid feedback, personal communication, and social interaction. Teachers can employ various instructional techniques, such as questioning, modeling, and providing real-world examples, to facilitate meaningful discussions and promote active learning. In contrast, online teaching pedagogical discourse occurs in virtual environments and relies on digital communication tools. Nowadays this format presents unique challenges and opportunities for learning a language of specialty. Online pedagogical discourse often takes the form both written and spoken communication, such as discussion forums, chat rooms, or email exchanges [Swan, 2004]. In spite

of the lack of face-to-face communication in online format of education, online platforms offer the advantage of asynchronous communication, allowing students to participate whenever they want. Additionally, online communication can create interactive writing, as well as an inclusive learning environment that allows students who are reluctant to talk face to face to participate in the discussion. That's why in online environments, teachers need to provide clear guidelines, facilitate discussions, and ensure active participation through structured activities [Salmon, 2011]. As it was shown above many factors could come into play when comparing courses in offline and online instructions. The results of comparative analysis are summarized in the Table 1.

Table 1.

The advantages and disadvantages of offline and online approaches.

Advantages and disadvantages	Offline	Online
Advantages	- live communication with the teacher and other students; - favourable emotional phone to motivate students; - listening the teaching material; - quick feed-back and monitor of the students' progress; - possibility to identify students learning style at once; - developing interpersonal interactive skills in classes.	• - flexible schedule for material obtaining; • - equal degree of students involvement in the educational process; • - possibility for a teacher to renew and add information or activities; • - possibility for students to material processing several times; • - spoken and written interaction with students.
Disadvantages	- class time limitation; - impossibility to cover of the entire group for interaction.	- necessity of good self-education skills and self-discipline for doing tasks; - absence of live contact; - impossibility to ask questions if he/she needs; - prevailing written interaction and written form of assessment.

As it was shown in the table that the main benefits of offline opportunities are possibility to create live communication, immediate feedback and personal interaction which led to effective communication and obtaining new experience. In spite of possibility for creation both asynchronous and synchronous virtual environments the written communication prevails over oral in online format. So, instructional strategies in online approach are presented in the written forms that lead to some difficulties for students in information processing and doing activities. It is known that each student has individual cognitive style, that ignores in online approach, because the teachers see only the product (results) of the independent study activities they can't possibility to manage student's procedural aspect in material obtaining. At the same time both offline and online pedagogical discourse organization require to establish a supportive learning environment, encourage active participation, and foster meaningful interactions among students through clear instructional strategies.

By understanding the unique characteristics in obtaining the interactional strategies such as information sharing and engaging learners into educational process in both format (offline and online), it is necessary to conduct a survey. Survey was organized among the 4-th year students in the faculty of foreign language of TSPU in October 2023. The goal of survey was to reveal students' attitude to offline and online forms of

teaching in mastering pedagogical discourse within the topic "Teacher's talk". The material for this topic was designed for offline and online classes. The questionnaire method was used in this survey. Questionnaire included 5 questions:

1. Do you prefer online or offline forms of learning material?
2. Are the activities the same for offline and online lessons or not?
3. Which activities are more successful for you?
4. Could you master the interactional skills which are necessary to teachers in online format?
5. Would you like to combine offline and online approaches in mastering teacher's talk patterns?

According to student's answers 5 questions, it was found out that

1. 60 % of student prefer the online approach then offline (40%) because they have more time for materials obtaining.
2. More than 76 % consider that the activities for offline and online lessons are the same but some activities for online differ and are difficult for doing (24 %)
3. All students point out the mind-mapping, answer-question, true and false, mini-teaching, problem-solving and analytical activities as successful for them.
4. 71 % are sure that the interactional skills can be developed better within the offline format, and 29%

points out that online instructions help development of language and reflective skills successfully.

5. 86% of students express that it is rational to combine offline and online approaches to mastering teacher's talk patterns, because of the specificity of the spoken interaction. However, 14 % express their disagreement.

At the same time, in students view both forms of education approximately equal in their effectiveness. We are sure that incorporation of traditional approach (offline) with online elements allows to making the educational process more effective and intensive. The teacher needs to include online activities for reading some lecture material, or watch video-lesson and in the class the teacher has a lot of opportunities to practice the pedagogical strategies, or allow students to organizing mini teaching activity. The successful methods for implementation into online format are case study and projects. In the case the student themselves solve problems according to the given instructions and in the project, they search information, then process it and write presentation for discussion of the main points in the class.

Conclusion. In conclusion, the practice of teaching pedagogical discourse encompass both offline and online formats. While offline teaching promotes immediate feedback and social interactions, online teaching offers flexibility and inclusive learning opportunities. Educators should consider the unique characteristics of each format when designing instructional input and fostering meaningful pedagogical discourse. By leveraging the power of each format, teachers can create meaningful learning experiences that meet the diverse needs of students in offline and online environments.

Limitation of the study is seen in detail description of the offline and online materials to see their peculiarities. Online learning has become a significant advantage in the higher education system, in particular in English. In the educational process, this format continues to be successfully used during practical and interactive classes, consultations, conferences, competitions and in other situations when full-time participation of students is problematic. We can conclude that online learning requires highly developed self-training skills. The level of students' proficiency in digital skills is also of great importance. These two factors are crucial for the successful completion of the online course. In turn, the offline mode has serious limitations in terms of location and time of events. Practice has shown that it is the hybrid format that allows you to overcome these barriers by using the advantages of the online format and direct contact between students and the teacher. That is, despite the new opportunities for teaching online, we are not going to abandon the traditional classroom methods of working in an academic environment with its live communication between teachers and students.

References

1. Alavi, M., & Dufner, D. (2019). The influence of synchronous and asynchronous communication on

student learning outcomes in online courses. *Computers & Education*, 137, 1-12.

2. Bernstein, B. *Class, Codes and Control 4: The Structuring of Pedagogic Discourse*. – Routledge, London, 1990.

3. Dijk, T.A. The study of discourse. // T.A. van Dijk (ed.). *Discourse as structure and process. Discourse studies: A multidisciplinary introduction*. V.1. – London, New Delhi, 1997.

4. Garrison, D. R., Anderson, T., & Archer, W. (2000). Critical inquiry in a text-based environment: Computer conferencing in higher education. *The Internet and Higher Education*, 2(2-3), 87-105.

5. Garrison, D. R., & Cleveland-Innes, M. (2005). Facilitating cognitive presence in online learning: Interaction is not enough. *The American Journal of Distance Education*, 19(3), 133-148.

6. Harasim, L. (2012). *Learning theory and online technologies*. Routledge.

7. Johnson, D. W., & Johnson, R. T. (1999). *Learning together and alone: Cooperative, competitive, and individualistic learning* (5th ed.). Allyn & Bacon.

8. Makhkamova G. & Safarova M. (2022). Problems and Peculiarities of Online Lecture Course Design. // *ASEAN Journal of Science & Technology for Development*. Vol.39, No 4. – P. 192-201. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6605472>.

9. Makhkamova, G.T. *Pedagogicheskiy diskurs inoyazichnogo obrazovaniya: Prolemi i resheniya*. – Tashkent: Fan va texnologiya, 2019.

10. Martin, J.R. & Rose, D. Pedagogic discourse: Context and schooling.// N. Norgaard (ed.) *RASK International Journal of Language and Communication*. Special volume in honor of Carl Bache. 2013. Pp. 1-46. Retrieved: <http://www.readingtolearn.com.au/wp-content/uploads/2016/01/pedagogic->

11. Palloff, R. M., & Pratt, K. (2007). *Building online learning communities: Effective strategies for the virtual classroom*. Jossey-Bass.

12. Pena-Shaff, J. B., & Nicholls, C. (2004). Analyzing student interactions and meaning construction in computer bulletin board discussions. *Computers & Education*, 42(3), 243-265.

13. Rose D. Analysing pedagogical discourse: an approach from genre and register.// *Functional linguistics*. – Rose, licensee Springer, 2014.

14. Rovai, A. P. (2002). Building sense of community at a distance. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 3(1), 1-16.

15. Swan, K. (2002). Building learning communities in online courses: The importance of interaction. *Education, Communication & Information*, 2(1), 23-49.

16. Tu, C. H., & McIsaac, M. (2002). The relationship of social presence and interaction in online classes. *The American Journal of Distance Education*, 16(3), 131-150.

17. Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Harvard University Press.

18. Walsh, S. *Investigating classroom discourse*. London: Rutledge. The USA, 2006.

ТЕНДЕНЦИИ ОСВОЕНИЯ ГРУЗИНСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКИМ ЯЗЫКОМ (НА ПРИМЕРАХ ОЧЕРКОВ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ)*Ахвледиани М.**Батумский государственный университет Шота Руставели (Грузия)**Ассоциированный профессор***TRENDS IN THE ACQUISITION OF THE GEORGIAN VOCABULARY BY THE RUSSIAN LANGUAGE (THE CASE OF THE RUSSIAN TRAVELLERS)***Akhvlediani M.**Batumi Shota Rustaveli State University (Georgia)**Associate Professor*DOI: [10.5281/zenodo.13756308](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756308)**Аннотация**

Статья представляет собой попытку проследить тенденции и закономерности освоения грузинской лексики русским языком. В качестве эмпирического материала использованы путевые заметки некоторых русских путешественников. Анализ текстов показал, что сильная тенденция приспособления произношения грузинских слов к нормам русского словоупотребления прослеживается во всех дореволюционных русскоязычных текстах. Со временем она могла стать правилом. Однако в тридцатые годы прошлого века рядом специальных правительственных постановлений этот процесс был приостановлен. Была упорядочена система передачи грузинских топонимов на русский язык. Основным принципом этой системы стало максимальное приближение русского произношения и написания к грузинскому произношению.

Этот принцип успешно действовал в русском языке на протяжении десятилетий. Но в последнее время большую роль в деле освоения грузинской лексики стали играть экстралингвистические факторы. В современных русскоязычных публикациях, выходящих за пределами Грузии, а также на оккупированных Российской Федерацией грузинских территориях всё чаще появляются адаптированные формы грузинских нарицательных слов и топонимов типа Сухум, Цхинвал, хинкал, боржом и т.п.

Возникает вопрос, имеем ли мы дело с временным явлением или же это возрождение дореволюционных тенденций?!

Abstract

Our article is about an attempt to find ways for adaptation of foreign vocabulary by Russian language.

As example, the paper discusses the travel essays of the Russian ambassador Fedot Yelchin (1639-1640) and the notes of Countess Uvarova published in Moscow in 1891.

In the Russian language, words ending in a vowel (except for -a) today function as indeclinable nouns. In the analyzed records, nouns ending in a vowel (-o, -и, -е) are often combined with one or another turn, thus, they acquire a grammatical paradigm, eg: *Риони – Рьян, Хуло – Хула, Ахалцихе – Ахалцых, Сатлели – Сатлель; Вахушти – Вахушт, Еристави – Еристов; азнаури – азнаур, додопали – додопал; лобио – лобия и т.д.*

The strong tendency of the assimilation of Georgian words by the Russian language is clearly felt in all texts created from the Middle Ages to the beginning of the twentieth century.

From the observation of the text of Fedot Yelchin and P.S. Uvarova's travel notes, it is visible that there did not exist any norms of transferring foreign words into Russian language, until the 20th century. Often, fixators of Georgian vocabulary relied only on their hearing perception, linguistic intuition, which caused phonetic distortion of Georgian words.

In the 30-s of the XX century, with the help of the governmental statements, the transference of Georgian toponyms to the Russian language was partly managed, the main principle became the maximal convergence of Russian pronunciation and writing with Georgian pronunciation. But it should be mentioned that it is still the confused aspect, which is not still decided in the Russian Language, because the selection of the Russian form for this or that Georgian word is often influenced by extralinguistic factors.

Ключевые слова: тенденция, наблюдение, анализ текста, адаптация, основной принцип, несклоняемые формы.

Keywords: trend, observation, analysis of the text, adaptation, the main principle, indeclinable nouns.

Взаимные контакты грузинского и русского народов прослеживаются уже со средних веков. Следствием этого процесса стало и взаимопроникновение лексики их языков. Грузинские слова сначала появляются в русских официальных докумен-

тах, в художественную же литературу они проникают позже (в основном с первой половины XIX века), когда с Грузией стали общаться не только дипломаты и путешественники, но и представители интеллигенции, литературы, живописи, музыки.

Анализ текстов, так или иначе связанных с Грузией, выявил в них наличие большого количества грузинской ономастической и нарицательной лексики, высветил те тенденции освоения грузинской лексики русским языком, которые существовали ещё в средние века и особенно в 19 - начале 20 вв. после присоединения Грузии к России.

Ярким образцом освоения грузинской лексики русским языком являются написанные в разные эпохи очерки русских путешественников «Посольство Федота Елчина в Грузию» (1639 г.) и опубликованные в 1891 году в Москве Русским императорским географическим обществом «Путевые заметки графини Уваровой», явившиеся результатом её экспедиции по южному Кавказу.

Наблюдения над языком этих очерков, показывают, что в дореволюционной России большая часть грузинских слов, попадая в ткань русского текста, осваивалась, т.е. обретала категории рода, числа и падежа.

В первую очередь, конечно, заимствовалась ономастическая лексика, что объясняется её исходной информативной ценностью. Путевые заметки Федота Елчина являются одними из первых русских очерков, в которых употреблены грузинские слова.

В 1639 году из Москвы в грузинское княжество Мегрелию было отправлено посольство московского царя Михаила Фёдоровича, которое возглавил Федот Елчин. Мегрелия издревле привлекала к себе внимание путешественников. Сведения об этой земле восходят к 6 веку до нашей эры, с ней связано известное древнегреческое сказание об аргонавтах. В начале 16 века в результате распада Грузинского государства Мегрельское княжество обрело фактическую самостоятельность.

Во время посольства Елчина владельческим князем Мегрелии был Леван II Дадияни (1611-1657), энергичный правитель и военачальник, проводивший политику, направленную на усиление местной власти. Победа над имеретинскими войсками в 1635 году и подчинение Гурийского княжества позволило Левану II именовать себя царём. В поисках покровителя он обратился к России, отправив в 1638 году послом в Москву священника Гавриила.

В ответ на это посольство и был послан в Мегрелию в мае 1639 года Федот Елчин. Вместе с ним отправились священник Павел Захаров и подьячий Фёдор Баженов. Целью посольства были переговоры с Леваном II относительно подданства русскому царю.

По Мегрелии Елчин ездил в сопровождении священника Гавриила и епископа Андрея, посещая грузинские монастыри и знакомясь с их святынями. Сам Леван II принял русских послов холодно, так что Елчин не счёл возможным вести переговоры о подданстве, и основная цель посольства не была достигнута. В мае 1640 года Федот Елчин покинул Мегрелию.

Послы привезли в Москву много полезных и нужных сведений, обогативших представления русских людей о Грузии. Статейный список содер-

жит известия о географическом положении Мегрелии, её отношениях с соседними княжествами, сельском хозяйстве и торговле, нравах и обычаях жителей, религиозных обрядах и службах.

Большой интерес вызывает наличие в путевых очерках Федота Елчина определённого количества грузинской ономастической (топонимической и антропонимической) лексики: Тюфлис, Зубдиди, Хони, Рьян (Риони), Моргули, Дидьянская земля, Гурьельское царство, Шуайский монастырь; Темраз (Теймураз), Рустем (Ростом), Гаврил (Габриэл) и другие. Здесь же встречаем грузинское нарицательное слово «азнаур» (азнаури – дворянин).

В современном русском языке грузинские слова, оканчивающиеся на гласный звук, кроме «-а», функционируют как несклоняемые существительные. Однако в очерках Елчина почти все существительные приобретают грамматическую парадигму.

Самым распространённым приёмом адаптации грузинских слов русским языком, которым пользовались авторы «Посольства Федота Елчина в Грузию», является приём отсечения у заимствованного слова конечного форманта и отнесение грузинского топонима или антропонима к какому-либо типу склонения. Примеры: 1. *Поп Гаврила сказал: «Есть де у нас река Рьян (Риони)»...* 2. *А в селе в Путцукуре стоит церковь деревянная...* 3. *А в Дидьянскую землю пришли ноября 13 день, в деревню в Худоню («Сокровища древнерусской литературы» 1988: 276, 277, 271).*

Примеры, взятые из путевых очерков Федота Елчина, свидетельствуют также о том, что при отсутствии всяких языковых норм передачи на русский язык иноязычной лексики, грузинские топонимы и антропонимы передавались на русский язык по-разному: в одних случаях фиксаторы, помощники Елчина, (предполагают, что сам Елчин был неграмотным) опирались только на своё слуховое восприятие, языковое чутьё, что нередко приводило к фонетическим изменениям грузинских слов. Порой фонетический и грамматический облик грузинских слов так искажался, что трудно или вовсе невозможно установить их связь с оригиналом. Например: *Марта в 1 день послал Левонтей царь в Кабарду посла своего азнаура Кучелянского роду, а имя ему Тавей...* («Сокровища древнерусской литературы» 1988: 279). Понятно, что здесь речь идёт о грузинском дворянине, но определить оригинальные формы его фамилии и имени невозможно.

В других случаях, когда слова фиксировались профессионально подготовленными писцами, в записках закреплялись или вполне правильные формы грузинских слов или же отклонения от оригинала были минимальными. Например: *А те грузинские земли, Темразова и Тюфлисское и Гурьельское царства, крещены после наших Дидьянских земель* («Сокровища древнерусской литературы» 1988: 284, 285, 282).

Что касается передачи имён по-разному бытующих в русском и грузинском языках, но имеющих

общее происхождение, то в анализируемых нами очерках авторы употребляют русские варианты этих имён (*Леван – Левонтий, Манучар – Мануил, Габриэл – Гаврил и т.д.*). Используемый в очерках топоним Тюфлис (Тифлис) в дальнейшем прочно закрепился в русском языке и употреблялся вплоть до советского периода. Например: *А грузинских царей царство Тюфлис, а владеет им ныне шах...* («Сокровища древнерусской литературы» 1988: 275, 283).

После присоединения Грузии к России в XIX веке грузинская лексика стала регулярно использоваться в русских письменных текстах. По своему жанру эти тексты разнообразны: государственные документы, путевые очерки, этнографические работы, художественные произведения и т.д. Попадая в них, грузинские слова так же, как и в предыдущие века, интенсивно начали подвергаться фонетическому, грамматическому и семантическому освоению. Ярким примером этого являются «путевые очерки» графини П.С.Уваровой.

Графиня Прасковья Сергеевна Уварова (09.04.1840 – 30.06.1924 гг.) родилась в селе Бобрики Харьковской губернии. В семье свято поддерживались традиции предков – историков, просветителей, военных. Отец Параши, князь Щербатов, был близко знаком с самим Пушкиным.

В родовом имении, а потом и в Москве, юную княжну хорошо учили и воспитывали. Она была красива, грациозна, и остроумна. Молодой Лев Толстой не обошел вниманием молодую Щербатову. Поиски прототипа Кити Щербацкой из «Анны Карениной» не сильно затрудняют литературоведов – это, конечно, Параша Щербатова.

В 18 лет княжна вышла замуж за графа Алексея Сергеевича Уварова (1825-1884), историка и археолога, знатока древностей. Он увлек молодую жену своими научными занятиями. После смерти супруга Прасковья Сергеевна берет на себя обязанности председателя Московского археологического общества. Графиня обретает профессорские звания в Дерптском университете и Петербургском археологическом институте, пишет книги, поддерживает многие научные начинания.

Особенно плодотворными оказались 9 ее путешествий на Кавказ. Книжки, написанные по следам этих экспедиций, – «Кавказ. Путевые заметки» и «Могильники Северного Кавказа» – исследователи нередко раскрывают и сегодня.

После 1917 г., когда титул «графиня» превратился в позорное клеймо, Прасковья Сергеевна пришлось покинуть Россию. 30 июня 1924 г. она умерла в югославском местечке Добар (Чаурина Р. 2000). На родине ее забыли. Но в последнее время изредка появляются печатные упоминания о замечательной женщине-археологе. Однако предметом нашего анализа является не археология, а язык «Заметок графини Уваровой».

Обилие грузинской ономастической и наличие грузинской нарицательной лексики в данных заметках высвечивает те тенденции освоения грузинской лексики русским языком, которые существовали в русскоязычных текстах 19 – начала 20 вв.

Освоение грузинской лексики в путевых заметках П.С.Уваровой осуществляется по-разному:

1. грузинские слова подводятся под существительные 1-го склонения: (Батуми (город) – Батум, в Батуме); Чорохи (река) – Чорох, в Чорохе; Ахалцихе (город) – Ахалцых, Адигени (город) – Адиген, Дандало (село) – Дондол, Вахушти (имя) – Вахушт, Эристави (фамилия) – Эристов; джоджохети (ад) – джоджохет и т.д.;

2. под существительные 2-го склонения: Агара (село) – в Агаре, возле Агары; Схалта, Зарзма, Хуло – Хула, лобио (фасоль) – лобия, лобии и т.д.);

3. под существительные 3-его склонения (Сатлели (река) – Сатлель, Саткепели – Саткепель);

4. под топонимы, имеющие форму только множественного числа Кобулет (город) – Кобулеты, в Кобулетах; (Кеда – Кеды, в Кедах).

В заметках адаптируются и те грузинские слова, которые сейчас однозначно употребляются в качестве несклоняемых даже в разговорной речи, например: Вахушти (имя) – Вахушт, Эристави (фамилия) – Эристов; Хуло – до Хулы, в Хуле, в Хулу.

Однако рядом с адаптированными часто встречаются несклоняемые формы или же один и тот же топоним осваивается по-разному. Такой разницей в употреблении различных форм топонимов свидетельствует об отсутствии и в 19 веке каких-либо норм употребления грузинской лексики в русском языке. Например: Около деревни *Хихадзири* у нас был намечен замок и церковь (Уварова 1891: 243). Из *Хихадзири* пробираемся левым берегом реки... (Уварова 1891: 244). На существование строительного искусства указывают постройки, сохранившиеся в *Тбете, Опизе, Кедах, Дондоло, Цацхури, Хирхат* и др. Топоним *Кеда* адаптируется то под 2-ое склонение имён существительных (Кеду, Кедой, Кеде и т.д.), то он мыслится как существительное pluralia tantum (*Кеды, Кедах, Кед* и т.д.).

В своих заметках Уварова в разных стилистических целях употребляет ряд грузинских нарицательных существительных: *насақдрали* (место бывшей церкви), *чарухи* (вид обуви), *додопали* (царица), *джоджохети* (ад), *лобио*, *духан* и др. В основном это экзотическая или непереводаемая лексика. Часто она подвергается адаптации аналогично ономастической лексике. Например: *Виднеются цветущие тыквы и лобии* (Уварова 1891: 213). Турки переняли от грузин уважение к царице, прозываемой ими «*додопал* Тамара» (Уварова 1891: 306).

Таким образом, многочисленные примеры из «Путевых заметок...» Графини Уваровой свидетельствуют о том, что большая часть грузинских слов, попадая в ткань русского текста, подвергалась освоению.

Описанные выше приёмы адаптации грузинских слов очень удобны для русского языка, поэтому они широко применялись в различных текстах 19 – начала 20 вв. и продолжают успешно применяться и в наши дни.

Сильная тенденция приспособления произношения иноязычной, в том числе грузинской, лексики к нормам русского словоупотребления про-

слеживается во всех дореволюционных русскоязычных текстах. Со временем она могла стать правилом. Однако в тридцатые годы прошлого века рядом специальных правительственных постановлений этот процесс был приостановлен. Была упорядочена система передачи грузинских топонимов на русский язык. Основным принципом этой системы стало максимальное приближение русского произношения и написания к грузинскому произношению: Тбилиси, Телави, Кобулет, Чорохи, Батуми и т.д. Немаловажную роль сыграла и позиция большинства грузин, выступающих против адаптации грузинской лексики (особенно ономастической) в русскоязычных текстах.

Этот принцип успешно действовал в русском языке на протяжении десятилетий. Но в последнее время большую роль в деле освоения грузинской топонимической лексики стали играть экстралингвистические факторы. В современных русскоязычных публикациях, выходящих за пределами Грузии, а также на оккупированных Российской Федерацией грузинских территориях всё чаще появляются адаптированные формы грузинских нарицательных слов и топонимов типа Сухум,

Цхинвал, Ткварчал, Гал, Кодор и т.п. Данные грузинские топонимы имеют почти вековую традицию их употребления в несклоняемой, близкой к грузинскому произношению, форме. Их адаптация, видимо, не имеет ничего общего с лингвистическими категориями и вызвана только лишь политическими мотивами.

Однако пока ещё трудно утверждать, имеем ли мы дело с временным явлением или же это возрождение дореволюционных тенденций?!

Время покажет.

Список литературы

1. «Сокровища древнерусской литературы. Записки русских путешественников XVI-XVII веков». Москва, «Советская Россия», 1988, с. 270-289.
2. Кавказ. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. II. Москва. 1891.
3. Путешествия русских послов XVI-XVII вв. М.; Л., 1954. С. 206-226.
4. Посольство Теймураза II в Россию. Тбилиси, 1968. Издательство ТГУ.
5. Чаурина Р. Прасковья Сергеевна Уварова. Сайт: People's Histori. 2000.

ПРОБЛЕМА ОБРАЗА ЧИТАТЕЛЯ В ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ПАМЯТНИКЕ XIV ВЕКА –
«МУХАББАТ-НАМЕ»

Пенах Н.

PhD доктор, Университет Бартын, Турция

Саржаев О.Т.

Магистр гуманитарных наук, Международный Таразский инновационный институт имени Шерхана Муртазы, Казахстан

THE PROBLEM OF THE READER'S IMAGE IN THE TURKIC MONUMENT OF THE XIV
CENTURY – "MUKHABBAT-NAME"

Penah N.

PhD, Bartin University, Turkey

Sarzhayev O.

Master of Humanities, International Taraz Innovation Institute after named Sherkhan Murtaza, Kazakhstan

DOI: [10.5281/zenodo.13756312](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756312)

Аннотация

Один из ярких произведений тюркского мира «Мухаббат-наме», зародившаяся в XIII-XV веках стал для последующих поколений основным официальным языком государства Золотой орды. В «Мухаббат-наме» полностью подчинен литературному стилю той эпохи, в произведении главным смысловым центром произведения является Божественная любовь. Религиозная учение XIV века, в которой жил поэт, прослеживается в ведении школ тарикат, тасаууф, которые долгое время были религиозной школой Ислама. Известно даже, что большая часть произведений, написанных в отношении тариката и тасауфа, характерна для XIII-XV веков.

Имплицитный читатель художественного текста – «идеальный» читатель автора, полностью осознающий поэта, осознающий путь любви в суфийском мировоззрении, имеющий понимание от литературных кодов и понятий, использованных в произведении. Можно сделать вывод, что наличие в воображении поэта (воображаемого читателя), когда пишется художественный текст, и время написания текста также отразились в сознании поэта и повлияли на стиль, установление диалогического характера художественного текста. «Мухаббат-наме» Хорезми представляет чисто суфийские понятие и вопросы тариката и хакиката по сравнению с произведениями своего времени, хотя и не были четко сформулированы, но основная идея основано на суфийской мировоззрении.

Abstract

One of the most striking works of the Turkic world, "Mukhabbat-name", which originated in the XIII-XV centuries, became the main official language of the Golden Horde state for subsequent generations. In "Mukhabbat-nama" it is completely subordinated to the literary style of that era, in the work the main semantic center of the work is Divine love. The religious teaching of the XIV century, in which the poet lived, can be traced to the conduct of the Tariqa and Tasauf schools, which for a long time were the religious school of Islam. It is even known that most of the works written in relation to Tariqa and Tasauf are characteristic of the XIII-XV centuries.

An implicit reader of a literary text is an "ideal" reader of the author, fully aware of the poet, aware of the path of love in the Sufi worldview, having an understanding of the literary codes and concepts used in the work. It can be concluded that the presence in the imagination of the poet (imaginary reader) when writing a literary text, and the time of writing the text were also reflected in the poet's mind and influenced the style, the establishment of the dialogical character of the literary text. Khorezmi's Muhabbat-nameh presents purely Sufi concepts and issues of Tariqa and hakikat in comparison with the works of his time, although they were not clearly formulated, but the main idea is based on the Sufi worldview.

Ключевые слова: Хорезми, Мухаббат-наме, суфизм, читатель, интерпретация, мировоззрение.

Keywords: Horezmi, Mukhabbat-name, Sufism, reader, interpretation, worldview.

Один из шедевральных произведений тюркского мира – «Мухаббат-наме», зародившаяся в XIII-XV веках в эпоху Золотой Орды. Произведение «Мухаббат-наме» стал для последующих поколений основным официальным языком государства Золотой орды. По мнению доктора филологических наук, профессора Б. Кенжебаева «Мухаббат-наме» был написан в 1353 году на реке Сыр, то есть Сырдарья. Сам Хорезми о написании произведения говорит:

«Мухаббат-наме я написал здесь,

Все написал на берегу реки Сыр»

В целом, что касается биографии автора, помимо этих строк, сохранившихся данных почти нет. Хорезми – это его прозвище. По некоторым данным, есть также прозвище "Рауани". А данные по истинному имени не сохранились. Он жил во времена правления хана Золотой Орды Жанибека. В то же время, Мухаммед Кожабек, который упоминается в произведении, был одним из многих наместников хана на берегу Сырдарьи в эпоху Золотой

Орды. «Мухаббат-наме» написана в 1353 году по поручению Мухаммеда Кожобека.

Можно сказать, что «Мухаббат-наме» более изучена, чем другие литературные артефакты, написанные в эту эпоху. Ряд ученых, таких как В.В.Бартольд [1], А.Н.Самойлович [2], Дж.Клосон [3], А.М. Щербак [4], А. Калип [5], А. Старостин [6], которые впоследствии переводили на русский язык и рассматривали «Мухаббат-наме» как объект научного исследования. Т. Джалолов [7] перевел «Мухаббат-наме» на узбекский язык. Ученые-корреспонденты, такие как Г. Айдаров, А. Курышжанов, М. Томанов [8], И. Кенесбаев, А. Керимов [9], изучали произведение Хорезми с лингвистической точки зрения.

В «Мухаббат-наме», вначале восхваляя Аллаха он полностью подчинен литературному стилю той эпохи, в произведении главным смысловым центром произведения является Божественная любовь. Это, по словам ученого Торали Кыдыра: «религиозная учение XIV века, в которой жил поэт, прослеживается в ведении школ тарикат, тасаууф, которые долгое время были религиозной школой Ислама. Известно даже, что большая часть произведений, написанных в отношении тариката и тасауфа, характерна для XIII-XV веков» [10,7].

По словам Т. Кыдыра, такие слова, как «Харабат», «Ренд», «Парса» используемые в «Мухаббат-наме», имеют значение присущую тарикату, чем значение, приведенное в словаре. Например, Харабат - в словаре (A.Yeğin. Yeni Lüğat. Istanbul, 2007.-с. 357) имеет значение «разрушенный», (Harâb. راب - падать, рушиться), в суфийском мировоззрении, типичном для тариката, означает «винодельня», «мейхана» (Harâbat. رايات - мейхана, храм). А слова «ренд» - в словаре: если есть осознанный отказ от шариатских условий, то в суфийском понятии - это означает отказ от мирских развлечений и воспитание мирских дел. Точно так же «парса» - означает воздержание от греховных дел, религиозность. Таких суфийских понятий в произведении достаточно. О.Ф. Воронович отметил, что «прежде всего долг совести - перед читательским судом...» [11,14], то есть писатель, прежде всего, отфильтровывает из жизненного опыта, те моменты, которые влияли на его познание, на которые он был впечатлен, и предлагает читателям. Можно предположить, что представление поэтом Хорезми истины Корана читателям через познание суфийской эпохи и в художественном тексте («Мухаббат-наме») образ читателя составлен из совокупных образов людей той эпохи, читательской аудитории и, соответственно, изложен им в «привычном» познании - от адресата на протяжении всего произведения дает сведения о читательской аудитории той эпохи.

В письме В.Г. Короленко к В.В. Тимофеевой-Починковской от 6 мая 1913 г. говорится: «писатель инстинктивно чувствует свою читательскую аудиторию и координирует свои образы для них» [11,13]. Следовательно, автор в процессе написания художественного текста обязательно инстинктивно воображает, чувствует своего адресата, а сама мысль об этом читателе влияет на написание худо-

жественного текста. Хорезми также написал «Мухаббат-наме» в соответствии с понятием познания той эпохи, читателей той эпохи, и мысль о них в сознании Хорезми повлияла на внутреннее содержание и литературный стиль текста «Мухаббат-наме». А «спрос» читательской аудитории той эпохи можно угадать, изучив язык «Мухаббат-наме», внутренний диалогический характер, литературные притчи, использованные в художественном тексте.

*Он сковывает ум Намруда,
А ветер как Сулейманский конь,
Все разрушает на своем пути.
Отдает Моисею посох для овец,
Юсуфа делает Египетским султаном.
А Аюбу для испытание дает болезнь,
Оберегает от огня сына Азара.
Солнце венчает на голову Иисуса,
Он поднял Мухаммеда Мустафу на небеса,
Эта любовь сделала меня дураком.
Аллах, обрати внимание на поэта Хорезми
Не уменьшай любовь в наших сердцах [10,12-14].*

Здесь важно придавать значение религиозному мировоззрению поэта. По мнению Т. Кыдыра: «как правило, среди главных особенностей суфийской литературы, это идейно-тематический аспект произведения, в первую очередь - божественное увлечение поэта, то есть стремление к красоте Творца, а потом уже стоит задача донести это, через образы и сюжеты, специальные названия и термины» [10,9].

Под такими фразами, как «сковывает ум Намруда», «как конь Сулеймана», «посох Моисея», «Юсуф - султан Египта», «болезнь Аяба», «Оберегает от огня сына Азара», «Солнце венчает на голову Иисуса», «поднял Мухаммеда Мустафу на небеса», мы распознаем события, рассказываемые в Коране. Например, «сковывает ум Намруда» - это история о высокомерном фараоне Намруде, который пытается противостоять Аллаху и сражаться с армией Аллаха, а он посылает только одну муху, которая годами грыз мозг Намруда, а затем стало причиной смерти Намруда в агонии. Точно так же поэт Хорезми в приведенных выше стихах написал «как конь Сулеймана» - это история о пророке Сулеймане, парящего на ветру в воздухе, «посох Моисея» - это знаменитый посох пророка Моисея, который по воле Аллаха разделит море пополам, выпустил воду из двенадцати мест камня, стал настоящим змеем, поглотившим змею магов фараона, «Юсуф - султан Египта» - события, произошедшие с пророком Юсуфом и его путь становление султаном Египта, считающееся самой красивой историей из сур «Юсуф» в Коране, «болезнь Аяба» - испытание пророка Аюба тяжелой болезнью, «Оберегает от огня сына Азара» - Сын Азара (по словам некоторых исламских ученых Азар приходится пророку Аврааму дядей), когда пророк Авраам противостоит фараону Намруду, фараон бросает его в большой костер, и пророку Аврааму удастся остаться внутри огня в течение сорока дней без всякого вреда для его жизни, «Солнце венчает на голову Иисуса» - вознесение пророка Иисуса на небеса, «поднял Мухаммеда Мустафу на небеса» - это о истории, который называется «Мигражем».

Поэт Хорезми полностью осознает этот свой литературный стиль, и адресует все это имплицитному читателю, знающий все эти события.

Имплицитный читатель должен быть читателем, который полностью понимает стиль поэта, коннотации автора. Об этом Я. Линтвельт говорит: «абстрактный читатель функционирует, с одной стороны, как образ, принимающий информацию во всех литературных произведениях, с другой-как «идеальный реципиент», способный в процессе активного чтения четко понимать и охватывать общий смысл художественного текста» (см. Lintvelt: 1981, с. 18). Теперь, как мы видим выше, «идеальный» читатель Хорезми – это читатель, у которого религиозное познание.

Ученый В.Б. Катаев, изучавший творчество А.П. Чехова с точки зрения читательской категории, высказывает следующее мнение: «подобно тому, как некоторые моменты произведения встречаются синхронно в различных интерпретациях интерпретаторов одной и той же эпохи, так и в диалектичном контексте как историческая цепочка, как и судьба каждого великого произведения, в сознании будущих поколений со временем могут встречаться разные интерпретации» [12,10]. Следовательно, можно сказать, что влияние «Мухаббат-наме» на реальных читателей своей эпохи и интерпретация в сознании читателей более поздних эпох, отличается друг от друга. Ведь для понимания религиозных выражений в стихах, приведенных выше, в наше время должен быть либо филолог-специалист со специальной подготовкой (Е.В. Хализев), либо ученый-богослов. Обязательно быть читателем, хотя бы знакомым с этими событиями. Потому что, по нашему мнению, именно такие требования предъявляются к читателям в сознании поэта Хорезми.

«Выпейте вина до утра сегодня,

И послушайте мои стихи о любви» [10,18]

То есть мы знаем, что слово «пить вино» здесь – это, согласно суфийскому мировоззрению, любовь к Аллаху, быть в состоянии опьянения от любви к нему. «Именно поэтому Хорезми предлагает в нескольких местах в произведении смыть горе вином. Иногда его называют «мей», «баде», а иногда «жам». В конце каждого письма поэт «просит вина», которые повторяются в трех-четырёх местах, это свидетельствует о том, насколько страстно нуждается сердце в любви, а также становятся духовной силой, вдохновляющей поэта» [10,8].

По словам М.М. Бахтина, такие слова в произведении, как «душа моя», «падишах мой», «красавица моя как Луна», «о, падишах мира красоты», «джигит», «турецкая девушка», «винодел», «О, Аллах», свидетельствует об эксплицитном читателе как об условной и полу условной форме разговора с читателями, слушателями, будущими поколениями и т.д.

М. М. Бахтин: «иногда мысль о своем адресате, формирует стиль художественного произведения» [13,29]. То есть, по мнению, ученого эксплицитный читатель – объект, на который направлено повествование автора как героя произведения или вне произведения. Кроме того, в повествовании, лите-

ратурном стиле «Мухаббат-наме» отчетливо прослеживается диалогический характер произведения.

Он показал твою красоту на весь мир,

А меня он создал, чтобы я был поражен этой красотой.

Ты слышал, о красоте Юсуфа,

Тебя он сотворил в сто раз красивее [10,20]

То есть поэт говорит, что красота его возлюбленного намного опережает, красоту пророка Юсуфа, от духовного опьянения от любви к Аллаху, характерной для суфизма.

В комментарии к суфийскому пути исламского ученого Бадиуззамана Саида Нурси «Божественные имена имеют много ракурсов красоты, степеней красоты и щедрости и совершенства, очень много бесконечных степеней величия. Вот почему святые ученые говорят: «ядром всего мира является любовь. Движение существ связано с этой любовью. Законы взаимного притяжения, близости, притяжения между телами – сила этой любви». Как говорил один поэт:

فَلَاكُ مَسْنُوكٌ مَلَكٌ مَسْنُوكٌ نُجُومٌ مَسْنُوكٌ سَمَوَاتٌ مَسْنُوكٌ شَمْسٌ مَسْنُوكٌ قَمَرٌ
مَسْنُوكٌ زَمِينٌ مَسْنُوكٌ عَنَاصِرٌ مَسْنُوكٌ

نَبَاتٌ مَسْنُوكٌ شَجَرٌ مَسْنُوكٌ بَشَرٌ مَسْنُوكٌ سَرَاسِرٌ ذِي حَيَاتٍ مَسْنُوكٌ هَمَمَةٌ
دَرَاتٌ مَوْجُودَاتٌ زَوَاجِرٌ مَسْنُوكٌ دُرٌّ مَسْنُوكٌ

Значение: «И небо пьяное, и ангел пьяный, и звезда пьяная. Все живое пьяное.

И Солнце пьяное, и Луна пьяное, и земля пьяное, и атомы пьяны, и растение пьяные, и дерево пьяное, и человек пьян. Пьяные до мозолей всего тела».

То есть, силой Божественной любви и от вина любви все напивается в меру. Всем известно, что любое сердце любит дарить себя и стремится к истинному совершенству, жаждет прекрасного... Судя по всему, некоторые святые ученые говорят: «Нам не нужен рай. Только один луч Божественной любви достаточно нам навсегда!» [14,703]. В суфийском мировоззрении настоящее – любовь – это переход от мирской любви к любви к Аллаху («сейр-ул сулк»). Торали Кыдыр: «на этом пути достичь настоящего любви – мечта любого суфия».

Поэт восхвалял Мухаммеда Ходжа-Бека, называет его «Львиное Сердце», «потомок Коньрата», «великий с малых лет», «источник счастья», «источник багодати», «радость мира»:

Владыка султаната как Сулейман,

Красивый как Юсуф и священный как Иисус.

Быстрее ветра и как Солнечный луч,

Распространяется твое имя.

Если через тысяче лет воскреснет Хатем-тай,

Услышав твоё имя, будет целовать землю [10,22].

Хорезми его превозносят в преувеличенной манере, как торжество пророка Сулеймана, его красота, как красота Юсуфа, его здоровье, как исцеление Иисуса Христа, его щедрость и великодушие, как щедрость Хатем-тая. Это, безусловно, характерная черта восточных газелей. Очевидно, что все эти сравнения являются литературными приемами, которые поэт использовал специально для своей

читательской аудитории. Когда автор создает художественный текст, он также генерирует собственный смысл, свой собственный код. Мы можем сказать, что мысль, которую хотел рассказать автор, была полностью вдохновлена читателем – «идеальным читателем». Утверждение Умберто Эко может свидетельствовать: «любой тип художественного текста в качестве своего адресата выбирает общую модель читателя: 1) определенный языковой код; 2) определенный литературный стиль; 3) данные для определенной области [15,16]. В «Мухаббат-наме» реализуется выбранный автором «литературный стиль, языковой код, специальные данные» – обозначение читателей произведения и написание художественного текста по той же модели читателей. Следовательно, в написании «Мухаббат-наме» Хорезми, формирует именно в соответствии с мировоззрением, пониманием людей, живших в ту эпоху. Можно сказать, что именно это и повлияло на написание «запроса» читательской аудитории той эпохи – «Мухаббат-наме». Точно так же язык, стиль написания этого произведения, который дошел до нас, также передает мировоззрение читателей той эпохи.

*Если подумать, лучшие терпения ничего нет,
Теперь я знаю, что на этом пути даже терпения нет [10,38].*

Бесконечная любовь поэта, не вписывающаяся ни в одно измерение, ни в какое понятие, свидетельствует о приведенных выше выводах.

Но сделать вывод, что художественный текст полностью состоит из изложения любви к Аллаху, не позволяют следующие стихи. Причина в том, что по вероучению – описывать Аллаха не разрешается. За то, что человек не может охватить бесконечность творения, ученые вероисповедания сочли это признаком заблуждения. Например:

*Твои волосы завораживает весь Мир,
Иногда обманчивы твои волшебные глаза
Тысячи душ могут быть пожертвованы во имя тебя,*

*Пусть зрачок моих глаз не увидит никого
кроме тебя [10,36].*

*Две пряди твоих волос убежище сердец,
Порок твоей двери – земля поклон [10,36].*

Трудно принять тот факт, что слова «твой пряди волос», «твой глаз» здесь были произнесены к Создателю. Следовательно, поэт сначала переходит от любви к творению («ашк-ы маджази») к любви к Аллаху («ашк-ы хакики»). Понимая, что творение – это непостоянное, что человек не может ответить на вечную любовь в своем сердце, он обращается к Творцу. Ведь на протяжении девяти писем (наме) увлечение «девушкой» переходит в десятом наме (в письме 10) на такие строки стихов:

*О, безжалостная красавица, без милости,
Мир, как ветер, жизнь, как цветок, переменчива.*

*Все господа мира,
Должны учиться предательства у тебя.
Жизнь закончилась стаданием,
Настроение пришло от мира боли.
Моя любовь убила меня, ты не была справедливой,*

Я ухожу от твоего порога, будь счастлива, соя любовь [10,66].

В этих стихах поэт воспекает о своей непостоянной любви (маджази), что она «безжалостная», «не держит клятву», «переменчива как ветер», «все господа мира, должны учиться предательства у тебя», что она непостоянная.

Поэт говорит, что мирская любовь, «жертвуя в объятиях унижения», отступил от нее, разочаровалась, а теперь обратилась к любви к Творцу, сказав: «уйду от тебя к другой, моего внимание достоин другая».

*О Аллах, который уберет наши души,
Уберет нас от безнравственности.*

Который создает из шипов цветок всемогущий,

Ошибся я, прости своего раба [10,76].

Эти строки стихов подтверждают наше изложенное выше утверждение. Согласно мировоззрению, присущему суфийскому пути Аллаха, названному «Уадуд», путь любви – это путь воспитания чувства, которое проходит через все мирские препятствия и начинается непосредственно с Аллаха. "Мухаббат-наме" также является литературной реликвией эпохи Золотой Орды, написанной в соответствии с этим мировоззрением. Поскольку основная идея произведения написана в соответствии с суфийским мировоззрением, мы предполагаем, что адресат произведения той эпохи также был в основном религиозно образованным. Доказательство тому, слова известного Мухиддина Араби, яркой звезды мира тасаууфа, "те, кто нас не знает, не читайте наши книги", и слова поэта Хорезми, написанные в конце» Мухаббат-наме под названием «Желание» или «Просьба»:

*Кто бы ни читал это пусть читает с любовью,
Тот знает мир истины.*

Тех кто писал и записывал эти слова.

Пусть упомянут в молитве [10,84].

Следовательно, это произведение «поймут и осознают мир истины только те, кто читает с любовью». ИмPLICITный читатель художественного текста – «идеальный» читатель автора, полностью осознающий поэта, осознающий путь любви в суфийском мировоззрении, имеющий понимание от литературных кодов и понятий, использованных в произведении. Можно сделать вывод, что наличие в воображении поэта (воображаемого читателя), когда пишется художественный текст, и время написания текста также отразились в сознании поэта и повлияли на стиль, установление диалогического характера художественного текста.

Подводя итог, можно сказать, что ученый А. И. Белецкий отметил, что «при изучении поэтов мы мало учитываем воображаемого адресата, но они очень помогли бы нам понять как поэтику поэта, так и его творческие подходы; в каждом художественном произведении скрыт... очень острый императив; любое слово обладает способностью влиять» [16,500] – исследование категории читателя, особенно в творчестве поэтов, приводит к открытию новых граней литературного процесса в отношении его творчества, связи между автором и читателем и его отражение в художественном тексте.

Методики, использованные российскими учеными при изучении типов читателей по отношению к категории читателей, основаны также на рассмотрении личных мнений автора о читателях. А поскольку «Мухаббат-наме», который мы изучали, был характерен для Средневековья, а сведения об авторе произведения вообще отсутствовали, методика нашего исследования основывалась непосредственно на представлении читателя в художественном тексте и определении типов читателей в художественном тексте. Мы попытались определить имплицитный тип читателя, участвующего в формировании художественного текста, определив мировоззрение имплицитного автора по языку произведения, стилю повествования.

В целом, «Мухаббат-наме» Хорезми представляет чисто суфийские понятие и вопросы тариката и хакиката по сравнению с произведениями своего времени, хотя и не были четко сформулированы, но основная идея основана на суфийской мировоззрении. Ученый Т. Кыдыр: «за красивой живописью поэта скрывается Красота Аллаха. Такие произведения в суфийской литературе называются мазхамами. В таких литературных произведениях прослеживается основная мысль поэта» [10,10]. "Если проанализировать «Мухаббатнаме» Хорезми с точки зрения суфийской литературы, то, несомненно, откроются новые грани творчества поэта» [17,35-39], - пишет А. Ахметбекова, который утверждает, что основной секрет этого произведения кроется в суфийском мировоззрении.

Список литературы

1. Бартольд В.В. Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее. – Доклады Российской Академии наук. Серия В. – Л., 1924. Апрель-июнь. 57-58-66.
2. Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатского-турецкого языка. В кн.: Мир-Али-Шер. Москва. 1928. 1-23-66.
3. Glauson G.F. Hitherto unkown Turkish Manuscript in "Uygur" Chatacters //Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1928. – 99-130.

4. Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древне-уйгурской и староузбекской письменности. Москва, 1959. – 171-б.
5. Наджип Э.Н. Мухаббат-наме (Текс, транскрипция, перевод и исследование). Москва, 1961. – 275-б.
6. Хорезми. Книга о любви /Перевод со староузбекского, предисловие и примечание А.Старостина. Ташкент, 1962. – 790-б.
7. Хоразмий. Мухаббатнома. Нашрга таярловчи Т.Жалалов. Тошкент, 1959. – 70-б.
8. Айдаров Г., Курышжанов А., Томанов М. Язык памятников древнетюркской письменности. Алматы, 1971. – с. 272.
9. Кенесбаев И., Керимов А. История становления и пути развития казахского литературного языка. Алматы, 1981.
10. Хоразмий. Мухаббатнома (текст, транскрипция). Туркестан: типография «Туран», 2010. – с. 96.
11. Воронович О.Ф. Проблема читателя в творчестве В.Г.Короленко. (кандидатская диссертация к.ф.н.) Саратов, 1991. с. 180.
12. Катаев В.Б. Проблемы интерпретации творчества А.П. Чехова. (докторская диссертация д.ф.н.) 1984. С. 383
13. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 295
14. Бадиуззаман Саид Нурси. Слова. Алматы, 2015. – с. 823.
15. Эко У. Роль читателя. – Москва: Изд. АСТ: CorPus, 2016. – С.640.
16. Чернец Л.В. Введение в литературоведение. Учебное пособие – М.: Высшая школа, 2004.— 680 с.
17. Ахметбекова А. Значение суфизма в произведении «Мухаббатнаме» //Вестник КазНУ. Серия Востоковедение, №1(18). Алматы, 2002. с. 35-39.

PHILOSOPHY

THE CONCEPT OF PERSONHOOD: PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL IMPLICATIONS FOR HUMAN DIGNITY IN THE AGE OF TECHNOLOGY

Bogdan A.

Ph.D., Associated Prof., Faculty of Letters,

University of West Timișoara

ORCID: 0009-0000-2295-0937

DOI: [10.5281/zenodo.13756318](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756318)

Abstract

This paper explores the intricate concept of personhood, examining its philosophical and theological dimensions and their implications for human dignity in an era increasingly dominated by technological advancements. Drawing from classical and contemporary sources, the study investigates how foundational ideas from thinkers such as Immanuel Kant, René Descartes, and Thomas Aquinas intersect with theological perspectives on human identity, especially in the context of the *imago Dei*. The paper addresses the challenges posed by artificial intelligence, biotechnology, and other technological innovations, analysing their potential impact on our understanding of personhood and dignity. By integrating philosophical rigor with theological insights, the study aims to offer a nuanced ethical framework that upholds human dignity amidst technological change, while also highlighting the role of faith communities in shaping responses to these emerging challenges.

Keywords: personhood, human dignity, philosophy, theology, technology, ethics.

Introduction

The concept of personhood, central to both philosophical and theological discourse, has long been a subject of profound inquiry. In recent decades, however, the rapid advancement of technology has introduced new complexities to this age-old discussion, necessitating a re-evaluation of what it means to be a person in an increasingly digital and technologically mediated world. The connexion of theology and philosophy provides a fertile ground for exploring these complexities, particularly in relation to human dignity, a principle that remains pivotal in both disciplines and the present study aims to investigate the theological concept of personhood and its philosophical implications for human dignity, particularly as they are challenged and transformed in the age of technology. This enquiry is not merely an academic exercise but a necessary endeavour to understand how foundational beliefs about the human person are being reshaped in contemporary society.

The context for this paper is defined by the growing influence of technology on various aspects of human life, from the way individuals communicate and form relationships to the ethical decisions made in medical and scientific fields. As philosophers such as Martin Heidegger in *Being and Time* and theologians like Karl Rahner in *Foundations of Christian Faith* have argued, the essence of being human cannot be understood apart from the cultural and technological milieu in which a person exists. In a world where artificial intelligence, biotechnology, and digital networks increasingly dictate the conditions of existence, traditional conceptions of personhood and dignity are being put to the test. Theologians like Jürgen Moltmann, particularly in his work *God in Creation*, have emphasized the relational nature of human existence, grounded in the *imago Dei*, which calls for a reassessment of human dignity in light of these technological changes. Likewise, philosophers such as Emmanuel Levinas, in *To-*

ality and Infinity, have highlighted the ethical dimensions of human interaction, which are now being reconfigured by digital interfaces and virtual realities and thus, this study is situated at the crossroads of these theological and philosophical traditions, seeking to address the challenges posed by modern technology to our understanding of personhood and human dignity.

The objectives of this research are twofold. Firstly, it seeks to provide a comprehensive analysis of the theological concept of personhood, tracing its development from classical theological thought to its contemporary interpretations, with this involving an examination of key theological figures, such as Augustine, Aquinas, and contemporary theologians, who have each contributed to shaping the doctrine of personhood. The second objective is to explore the philosophical implications of these theological insights, particularly concerning the notion of human dignity, within the context of technological advancements and by engaging with contemporary philosophical debates, such as those presented by Charles Taylor in *Sources of the Self* and by Martha Nussbaum in *Frontiers of Justice*, this study aims to illuminate how theological concepts of personhood can inform and enrich philosophical discussions on human dignity, especially as they pertain to issues like artificial intelligence, genetic engineering, and digital identity. The purpose of this study, therefore, extends beyond a purely theoretical exploration, as it seeks to address the practical implications of these discussions for contemporary society, particularly in the areas of ethics, law, and public policy.

To achieve these objectives, this study adopts an interdisciplinary methodology that integrates theological analysis with philosophical inquiry, with the theological analysis involving a close reading of primary theological texts, including patristic writings, medieval scholastic treatises, and contemporary theological reflections. This approach will allow for a detailed understanding of the development and nuances of the concept of personhood within the Christian tradition

I. The concept of personhood in theological tradition

The concept of personhood, central to Christian theology, has undergone significant evolution across different historical periods, reflecting the shifting contexts and intellectual currents of each era, with theological understandings of what it means to be a „person” are deeply rooted in the foundational doctrines of the Christian faith, particularly in relation to the nature of God, the incarnation of Christ, and the understanding of humanity as created in the image of God. These theological developments have been influenced by and, in turn, have influenced philosophical thought, leading to a rich and complex tradition that continues to inform contemporary debates on personhood. This section observes the historical development of theological personhood by exploring key contributions from the Patristic period, the Medieval era, and modern theological thought. Each period represents a distinct phase in the ongoing dialogue between theology and philosophy, as theologians have sought to articulate a coherent and meaningful understanding of personhood in light of the prevailing intellectual challenges of their time. (Gadamer, 1975: 27)

The Patristic period, encircling the first few centuries of the Christian Church, laid the groundwork for much of the later development of the concept of personhood and early Church Fathers, such as Augustine of Hippo, played a crucial role in shaping the theological understanding of personhood, particularly in relation to the doctrine of the Trinity. Augustine's work *De Trinitate* is foundational in this regard, as it offers a profound reflection on the nature of God as a community of persons: Father, Son, and Holy Spirit, while also addressing the implications of this divine relationality for human beings created in the image of God. Augustine's concept of personhood is deeply relational, emphasizing the interconnectedness of individuals within the divine and human communities. This relational understanding was also influenced by earlier theologians like Gregory of Nyssa, whose work *On the Making of Man* explored the implications of the imago Dei for human nature and dignity and the Patristic understanding of personhood was thus inherently tied to the theological assertion that humans, as imago Dei, reflect the relational nature of the Trinity, which became a cornerstone for later theological reflections on personhood. (Gregory of Nyssa, 1993: 43)

The Medieval period saw further refinement of the concept of personhood, particularly through the scholastic work of Thomas Aquinas, whose synthesis of Christian theology with Aristotelian philosophy remains one of the most influential contributions to the Western intellectual tradition. In his *Summa Theologica*, Aquinas developed a nuanced understanding of personhood that integrated the Patristic emphasis on relationality with a more systematic philosophical approach to the nature of being and he defined a person as an individual substance of a rational nature, a definition that, while rooted in Aristotelian metaphysics, was also deeply theological in its implications. For Aquinas, personhood was not merely a matter of rationality or individuality, but also of relationality to God and oth-

ers, as he believed that human beings, as rational creatures, are uniquely capable of knowing and loving God. Likewise, Aquinas' understanding of personhood was closely linked to his doctrine of the soul, which he viewed as the form of the body, giving it life and purpose, having this understanding was essential for his discussions on the dignity of the human person, particularly in relation to moral and ethical issues. Aquinas' contributions were instrumental in shaping the medieval scholastic tradition, which sought to harmonize faith and reason, and they provided a robust framework for understanding personhood that would influence subsequent theological and philosophical developments. (Aquinas, 2004: 39)

Modern theological understandings of personhood have continued to build upon the foundations laid by the Patristic and Medieval traditions, while also responding to new challenges posed by contemporary philosophical and scientific developments. Twentieth-century theologians, such as Karl Rahner and Jürgen Moltmann, have been particularly influential in rethinking personhood in light of existentialist and phenomenological philosophies, with Rahner, in his *Foundations of Christian Faith*, proposed an existential understanding of personhood that emphasizes the dynamic and self-transcending nature of the human person. Rahner's theology of personhood is deeply incarnational, reflecting his belief that the human person is defined not only by their individual existence but also by their participation in the divine mystery revealed in Christ. These understandings challenge more static or essentialist conceptions of personhood, suggesting instead that to be a person is to be engaged in an ongoing process of becoming, rooted in the mystery of God's self-communication to humanity. (Rahner, 1978: 51-52)

Correspondingly, Moltmann's theology, particularly as articulated in *The Trinity and the Kingdom*, offers a relational and eschatological vision of personhood that emphasizes the interconnectedness of all creation in the life of the Triune God. Moltmann's understanding of personhood is profoundly influenced by his theology of hope, which views the human person as intrinsically oriented toward a future fulfilment in God's kingdom. This eschatological orientation challenges the traditional individualistic notions of personhood, proposing instead that true personhood is realized in community and in relation to the eschatological hope of creation's renewal and Moltmann's emphasis on the social and communal dimensions of personhood has resonated with contemporary theological and ethical concerns, particularly in discussions about justice, ecology, and the dignity of marginalized communities. (Moltmann, 1993: 62)

In addition to Rahner and Moltmann, theologians like Paul Tillich, in *Systematic Theology*, have sought to engage modern existentialist and psychological insights in their explorations of personhood, offering perspectives that resonate with contemporary concerns about identity, freedom, and the human condition. Tillich's concept of personhood is deeply existential, emphasizing the tension between the individual's experience of finitude and the ultimate concern that defines

human existence. His approach, which integrates theology with existentialist philosophy, reflects a broader trend in modern theology to address the complexities of personhood in a world increasingly shaped by secular and scientific worldviews with this modern theological engagement with personhood continues to influence contemporary debates, as theologians and philosophers alike grapple with the implications of technological advancements for our understanding of what it means to be a person. (Tillich, 2000: 74)

The historical development of the concept of personhood in theological tradition thus reveals a rich and dynamic dialogue between theology and philosophy, one that has evolved in response to changing intellectual and cultural contexts. From the relational and Trinitarian perspectives of the Patristic Fathers to the rational and metaphysical formulations of the Medieval scholastics, and finally to the existential and relational emphases of modern theologians, the concept of personhood has been continually reinterpreted and enriched by theological reflection. This ongoing development underscores the complexity and depth of the concept of personhood within the Christian tradition, as well as its enduring relevance for contemporary discussions about human dignity, identity, and the ethical challenges posed by technological change. (Williams, 2000: 14)

II. Philosophical perspectives on personhood and human dignity

The philosophical investigation of personhood and human dignity has a rich and varied history, deeply intertwined with the development of Western thought, with theories of personhood having evolved alongside broader metaphysical, epistemological, and ethical inquiries, each contributing distinct perspectives on what it means to be a person and how human dignity should be understood and upheld. Central to this evolution are the contributions of René Descartes and Immanuel Kant, whose ideas have profoundly shaped modern conceptions of personhood and dignity. These classical theories not only provide a foundation for contemporary philosophical discussions but also offer critical insights into the enduring questions surrounding the nature of the self, the moral worth of individuals, and the principles that should guide our treatment of others. (Kant, 1998: 82)

René Descartes, often regarded as the father of modern philosophy, introduced a dualistic framework that has had a lasting impact on philosophical conceptions of personhood. In his *Meditations on First Philosophy*, Descartes famously posited the distinction between mind and body, a separation that underpins his theory of personhood. According to Cartesian dualism, the essence of personhood lies in the mind or the thinking self, encapsulated in the dictum *cogito, ergo sum* (I think, therefore I am) and for Descartes, the mind is the seat of consciousness, identity, and rationality, attributes that define what it means to be a person. The body, by contrast, is merely an extension, a physical entity subject to the laws of nature but devoid of the essential characteristics that constitute personhood, with this dualistic approach having led to a conception of the per-

son as primarily a rational being, distinct from the corporeal, and capable of existing independently of the body. (Descartes, 1996: 135)

Descartes' theory of personhood, while influential, has also been the subject of extensive critique, particularly for its implications regarding the relationship between mind and body, and its potential to diminish the moral significance of the physical and embodied aspects of human existence. Nevertheless, Cartesian dualism has remained a powerful conceptual framework, influencing subsequent philosophical debates about personal identity, the nature of consciousness, and the mind-body problem. The emphasis on rationality as the defining feature of personhood has also had significant ethical implications, particularly in discussions about autonomy, agency, and moral responsibility. Descartes' dualism continues to inform contemporary discussions in philosophy of mind, cognitive science, and ethics, where the tension between the mental and physical aspects of personhood remains a central concern. (Zuboff, 2019: 63-64)

Immanuel Kant, building on the rationalist tradition but offering a distinct approach, advanced a theory of personhood and human dignity that has become foundational to modern moral philosophy. In his *Groundwork for the Metaphysics of Morals*, Kant argues that personhood is intrinsically linked to the capacity for rational autonomy, which he views as the basis for human dignity and for Kant, to be a person is to be a rational agent, capable of self-governance and moral deliberation, and it is this capacity that endows individuals with intrinsic worth. Human dignity, in Kant's framework, arises from the ability of persons to act according to moral laws that they autonomously determine, rather than being subject to the dictates of external forces or mere inclinations. This notion of autonomy is central to Kant's moral philosophy, as it underpins his categorical imperative, the principle that one should act only according to maxims that can be universally willed. (Kant, 1998: 97)

Kant's emphasis on autonomy and rationality as the core of personhood has profound implications for his understanding of human dignity and unlike approaches that might base dignity on social status, utility, or other contingent factors, Kantian dignity is unconditional and universal, applying equally to all rational beings regardless of their circumstances. This universality is reflected in Kant's insistence that persons must always be treated as ends in themselves, never merely as means to an end with such a view having deeply influenced subsequent ethical theories, particularly those concerned with rights, justice, and the inherent worth of individuals. Kant's ideas have also played a crucial role in shaping modern human rights discourse, where the concept of dignity serves as a foundational principle for the protection and respect of individuals in both law and ethics. (Dennett, 1991: 101)

Also, Kant's philosophy presents a response to some of the limitations and challenges of Cartesian dualism, because while both philosophers emphasize rationality as central to personhood, Kant integrates this with a robust moral framework that foregrounds the ethical responsibilities of persons to themselves and others. Kant's notion of autonomy, unlike Descartes'

more isolated conception of the thinking self, is inherently relational, as it involves the capacity to engage with others as moral equals within a shared rational community. This relational aspect of Kantian autonomy has been further developed by contemporary philosophers, such as John Rawls in *A Theory of Justice* and Jürgen Habermas in *The Theory of Communicative Action*, who have explored the social dimensions of personhood and the implications of autonomy for justice and democratic participation. (Rawls, 1971: 94)

The classical philosophical theories of personhood advanced by Descartes and Kant thus represent two essential moments in the development of modern thought, each offering a distinctive perspective on the nature of the self, the basis of human dignity, and the moral imperatives that flow from these conceptions. Descartes' dualism, with its emphasis on the primacy of the mind, has provided a lasting framework for understanding personal identity and the mind-body relationship, while also raising important ethical questions about the value of the body and the physical aspects of human life. Kant, by contrast, has offered a more integrated and ethically grounded conception of personhood, one that emphasizes the intrinsic worth of rational autonomy and the moral duties that arise from it. These theories continue to inform contemporary philosophical debates, not only in ethics and metaphysics but also in applied fields such as bioethics, political philosophy, and human rights, where the concepts of personhood and dignity remain central to discussions about the value and treatment of individuals in society. (Gilson, 1991: 114)

III. Theological responses to technological challenges

The rapid advancement of technology has presented profound challenges to traditional theological understandings, particularly concerning the sanctity of human life and the ethical implications of emerging technologies. Theologians have been called to respond to these developments by re-examining core doctrines and articulating new ethical frameworks that can guide the responsible use of technology and these responses are not only critical for safeguarding the dignity and sanctity of human life but also for ensuring that technological progress aligns with the moral and spiritual values inherent in the Christian tradition. By engaging with contemporary issues such as genetic engineering, artificial intelligence, and digital communication, theology plays a vital role in shaping ethical practices that respect human dignity and promote the common good. (Gutiérrez, 1988: 93)

The concept of the sanctity of human life is central to Christian theology and has long been upheld as a foundational principle that underscores the intrinsic worth of every human being and this principle, deeply rooted in the belief that humans are created in the image of God (*imago Dei*), asserts that human life is sacred and must be protected and revered in all circumstances. However, the advent of technologies such as genetic modification, cloning, and assisted reproductive techniques has raised complex ethical questions that challenge traditional understandings of life and its sanctity. For instance, the possibility of editing the human genome, as explored in the controversial use of CRISPR

technology, has prompted theologians to reconsider the boundaries of human intervention in the natural order and theologians like Gilbert Meilaender, in *Bioethics: A Primer for Christians*, argue that while such technologies hold the potential for significant medical advances, they also risk undermining the inherent dignity of human life by reducing it to a product of technological manipulation. Meilaender's concern echoes broader theological apprehensions about the commodification of life, where the sanctity of human existence may be compromised by the instrumentalization of the body for technological ends. (Meilaender, 2013: 69)

In response to these challenges, theologians have emphasized the need for a careful and discerning approach to technological innovation, one that upholds the sanctity of life while recognizing the potential benefits of scientific progress. Theologians such as Stanley Hauerwas, in his work *Theological Ethics: A Reader*, stress the importance of maintaining a moral framework that prioritizes the protection of vulnerable lives, particularly in contexts where technological interventions may lead to unintended harm or exploitation. Hauerwas advocates for a theological ethic that is rooted in the community, where decisions about technology and life are made in the context of shared moral values and a commitment to the common good and this communal approach stands in contrast to more individualistic or utilitarian perspectives that might prioritize technological advancement over ethical considerations. By reaffirming the sanctity of life within a technological context, theology provides a counterbalance to the potential dehumanization that can occur when life is viewed primarily through a technological lens. (Hauerwas, 2003: 142)

The role of theology in shaping ethical approaches to technology extends beyond the protection of human life to encompass broader questions about the impact of technology on society and the environment. As technology becomes increasingly integrated into all aspects of life, from healthcare to communication to governance, theologians have sought to develop ethical frameworks that can guide the responsible development and use of technology. This involves not only addressing specific ethical dilemmas but also engaging in a more fundamental reflection on the nature of technology and its place in God's creation. Theologians such as Jürgen Moltmann, in *God in Creation*, have emphasized the need for a theology that recognizes the interconnectedness of all creation and the moral responsibility that humans have to care for the world that God has entrusted to them and Moltmann's ecological theology, which integrates concerns about technology with a broader vision of environmental stewardship, calls for a more holistic approach to technological ethics, one that considers the long-term impact of technology on the planet and future generations. (Moltmann: 1993: 81-82)

Theology also plays a crucial role in shaping public discourse and policy regarding the ethical use of technology. By offering a moral vision that is informed by theological principles, theologians can contribute to the development of policies that promote the ethical use of technology in ways that respect human dignity and protect the vulnerable. This is particularly important in

areas such as artificial intelligence and digital technology, where the rapid pace of innovation often outstrips the development of ethical guidelines and regulatory frameworks. Theologians such as Nancey Murphy, in *Bodies and Souls, or Spirited Bodies?*, have explored the implications of artificial intelligence for our understanding of personhood and moral agency, raising important questions about the ethical treatment of AI systems and their potential impact on human identity and society. Murphy's work highlights the need for a theology that is not only responsive to technological challenges but also proactive in shaping the ethical landscape in which these technologies are developed and implemented. (Murphy, 2006: 157)

The engagement of theology with technology is therefore not merely reactive but also constructive, offering a vision of how technology can be used to promote human flourishing in ways that align with Christian values. By drawing on the rich tradition of Christian ethical thought, theologians can provide guidance on how to navigate the complex moral terrain of technological innovation, ensuring that technological progress serves the true good of humanity. This involves a commitment to ongoing dialogue between theology, science, and society, where theological insights can inform and be informed by developments in technology and where ethical reflection is integrated into the very process of technological innovation. Theologians like John Paul II, in his encyclical *Evangelium Vitae*, have called for a culture of life that embraces the potential of technology to enhance human well-being while also guarding against its misuse. This call for a culture of life reflects a broader theological commitment to the dignity of the person and the sanctity of creation, values that must guide our engagement with the technological challenges of the modern world. (Paul, 1995: 18)

Thus, theological responses to technological challenges are essential for ensuring that the sanctity of human life is upheld in the face of rapid technological change and for shaping ethical approaches to technology that reflect Christian values. Through critical reflection, ethical discernment, and active engagement with contemporary issues, theology offers a moral compass that can guide the responsible development and use of technology in ways that promote human dignity, protect the vulnerable, and contribute to the common good. (MacIntyre, 2018: 73)

IV. Integrating theological and philosophical perspectives on personhood

The discourse on personhood, which stands at the intersection of theology and philosophy, reveals both profound convergences and significant divergences that have shaped the intellectual landscape over centuries. These two fields, while distinct in their methodologies and foundational assumptions, converge on the importance of human dignity as a central element of personhood, but their differences in approach, particularly in how they address metaphysical versus empirical realities, highlight the complexities involved in integrating these perspectives. The synthesis of theological and philosophical insights offers a more comprehensive understanding of personhood, especially in light of the challenges posed by contemporary technological developments. By examining the shared

foundations in the concept of dignity, the divergences in metaphysical and empirical approaches, and the potential for a unified vision of personhood, it becomes possible to steer these complex issues with greater clarity and ethical coherence. (Kass, 1985: 184)

One of the most significant points of convergence between theology and philosophy is their shared commitment to the concept of human dignity. Both disciplines, despite their distinct starting points, recognize dignity as an inherent attribute of personhood. For example, Immanuel Kant's philosophical framework, as articulated in his *Groundwork for the Metaphysics of Morals*, posits that human dignity is grounded in the capacity for rational autonomy, viewing individuals as ends in themselves rather than means to an end. This concept of dignity resonates with theological understandings, particularly within the Christian tradition, where the concept of imago Dei—humans created in the image of God, serves as the foundational basis for human dignity. The theological assertion that all human beings possess inherent worth because they reflect the divine image aligns with the philosophical emphasis on the intrinsic value of rational agents, thus providing a shared platform for discussing the moral and ethical implications of personhood. (Kant, 1998: 126)

Though, despite these convergences, theology and philosophy diverge significantly in their approaches to understanding personhood, particularly in the realms of metaphysics and empirical analysis and theology, deeply rooted in metaphysical traditions, approaches personhood from the perspective of divine transcendence and the spiritual nature of human beings. Theological discussions often emphasize the relational aspect of personhood, as seen in the works of theologians like Karl Barth, whose *Church Dogmatics* highlights the relationality inherent in the divine-human relationship. This metaphysical focus contrasts with the more empirical and often reductionist approaches found in contemporary philosophy, particularly in analytic traditions that prioritize physicalism and neuroscience in understanding the mind and personhood. (Barth, 2019: 165)

Another example could be, the works of philosophers like Daniel Dennett, particularly in *Consciousness Explained*, attempt to explain personhood through empirical and cognitive science frameworks, often side-lining or dismissing the metaphysical dimensions that theology upholds as essential. This divergence reflects the broader tension between a theological emphasis on the transcendent aspects of human existence and a philosophical focus on observable and measurable phenomena, challenging attempts to integrate these perspectives into a coherent understanding of personhood. (Dennett, 1991: 88)

Theological insights offer significant contributions to philosophical debates on personhood, particularly as a counterbalance to reductionist tendencies that threaten to diminish the complexity and dignity of human beings. The doctrine of imago Dei, central to Christian anthropology, provides a robust response to philosophical views that reduce personhood to mere biological or cognitive processes and theologians like Hans Urs von Balthasar, in works such as *The Glory of the Lord*, have emphasized the profound mystery of human personhood, which cannot be fully captured by

empirical analysis alone. The imago Dei asserts that personhood is not merely a function of rationality or consciousness but is fundamentally engrained in a divine origin that transcends the physical and cognitive dimensions of human existence. This theological perspective challenges reductionist philosophies by reasserting the spiritual and relational dimensions of personhood, which are often overlooked in purely empirical approaches. (Balthasar, 1982: 99)

Additionally, theology enriches philosophical discussions by addressing the interplay between transcendence and immanence in the concept of personhood. While philosophy often grapples with the tension between the universal and particular aspects of personhood, balancing abstract principles with individual experience, Christian theology offers a unique perspective that holds these dimensions together. The idea of personhood as both transcendent and immanent is central to the Christian understanding, particularly in the context of Christology, where the divine and human natures of Christ are seen as perfectly united. Theologians as Jürgen Moltmann, in *The Crucified God*, explore how the transcendence of God intersects with the immanent reality of human suffering and dignity, providing a framework for understanding personhood that honours both the divine origin and the earthly existence of individuals. This theological insight challenges purely philosophical approaches by emphasizing that true personhood involves a dynamic relationship between the transcendent and immanent, the divine and the human, thereby offering a more holistic vision of what it means to be a person. (Budziszewski, 2003: 36)

In moving toward a unified vision of personhood in the technological era, it is essential to integrate both theological and philosophical perspectives into ethical frameworks that can effectively preserve human dignity. The rapid advancement of technology, particularly in fields such as artificial intelligence, biotechnology, and digital communication, poses new challenges to traditional notions of personhood and demands a rethinking of ethical principles. Theologians and philosophers alike must collaborate in developing ethical frameworks that address these challenges while safeguarding the inherent dignity of every person. The works of bioethicists like Leon Kass, particularly in *Life, Liberty, and the Defense of Dignity*, illustrates the kind of interdisciplinary approach needed to navigate these complex issues and Kass draws on both philosophical reasoning and theological insights to critique technological practices that may undermine human dignity, advocating for a balanced approach that respects both the potential of technology and the moral limits necessary to protect personhood. (Kass, 2001: 152)

Moreover, faith communities play a crucial role in advocating for personhood in the face of technological challenges, serving as moral voices in public discourse and policy development. The engagement of religious traditions in these debates, particularly through the articulation of values rooted in the sacredness of life, offers a counter-narrative to purely secular or utilitarian approaches. The involvement of faith communities, guided by theological and philosophical reflections on personhood, can help ensure that technological ad-

vancements do not come at the expense of human dignity. The Catholic Church's teachings on bioethics, as outlined in documents such as John Paul II's *Evangelium Vitae*, emphasize the importance of protecting human life at all stages and encourage active participation in shaping policies that uphold the dignity of the person. This advocacy, informed by a deep understanding of personhood that integrates both theological and philosophical insights, is essential for addressing the ethical challenges of the technological age. (Paul, 1995: 100-101)

Integrating theological and philosophical perspectives on personhood offers a rich and nuanced understanding of human dignity, particularly in light of the challenges posed by technological advancements and while these disciplines differ in their approaches, their shared commitment to the intrinsic worth of the person provides a strong foundation for ethical reflection and action. (Taylor, 1989: 77)

Through ongoing dialogue and collaboration, theologians and philosophers can contribute to the development of ethical frameworks that uphold human dignity in the technological era, ensuring that personhood remains central to our moral and societal considerations. Faith communities, drawing on these integrated insights, can play a pivotal role in advocating for a vision of personhood that honours both the transcendent and immanent dimensions of human existence, providing a moral compass for navigating the complex terrain of technological innovation. (Nussbaum, 2006: 56)

V. Policy recommendations for technology and human dignity

The ever-accelerating advancements in artificial intelligence and biotechnology present unprecedented opportunities and challenges that necessitate thoughtful and ethically grounded policy recommendations and as these technologies increasingly permeate every aspect of human life, there is an urgent need for ethical guidelines that not only mitigate potential harms but also ensure that human dignity remains at the forefront of technological development. By developing robust ethical frameworks for AI and biotechnology, and by advocating for human-centered approaches in technological innovation, policymakers can create a landscape in which technology serves the genuine good of humanity, rather than undermining the very essence of what it means to be human. (Rorty, 2005: 72)

Ethical guidelines for artificial intelligence and biotechnology must be rooted in a comprehensive understanding of human dignity, which should serve as the guiding principle for all technological advancements. The rapid development of AI, particularly in areas such as machine learning, autonomous systems, and deep learning, has sparked considerable ethical concerns. These concerns range from the potential for AI to displace human labour and exacerbate social inequalities to the more profound philosophical and theological questions about the nature of consciousness, autonomy, and moral agency. To address these issues, policymakers must establish guidelines that prioritize the protection of human dignity, ensuring that AI systems are designed and deployed in ways that respect the intrinsic worth of individuals. Scholars like Shoshana Zuboff, in *The Age of Surveillance Capitalism*, have highlighted

the dangers of AI-driven technologies that prioritize profit over privacy and human welfare, raising alarms about the potential dehumanization that can occur when data and personal autonomy are commodified. (Zuboff, 2019: 74)

To counter these risks, ethical guidelines should include provisions for transparency, accountability, and fairness in AI development, but transparency requires that AI systems be designed with clear and understandable decision-making processes, allowing users to comprehend how outcomes are generated. This is vital for maintaining trust and ensuring that AI technologies do not operate as inscrutable black boxes that obscure the underlying mechanisms affecting human lives. Additionally, accountability measures must be established to ensure that developers, companies, and governments are responsible for the consequences of AI deployment, particularly in areas that directly impact human rights, such as criminal justice, healthcare, and social services. Fairness, a critical aspect of these guidelines, demands that AI systems be designed to avoid bias and discrimination, thereby protecting vulnerable populations from technological harms. The work of ethicists like Virginia Eubanks, in *Automating Inequality*, provides critical insights into how AI can perpetuate systemic biases, particularly against marginalized groups, and underscores the need for ethical guidelines that explicitly address issues of justice and equality. (Eubanks, 2018: 161)

In parallel with ethical guidelines for AI, biotechnology also requires rigorous ethical oversight to ensure that advancements in genetic engineering, reproductive technologies, and other areas of biomedicine uphold human dignity. The possibilities afforded by CRISPR-Cas9 and other gene-editing technologies, while offering significant potential for treating genetic disorders, also pose serious ethical questions about the extent of human intervention in the natural order. Theologians and bioethicists such as Leon Kass, in *Toward a More Natural Science*, have long cautioned against the hubris of assuming complete control over human biology, warning that such interventions may lead to unforeseen consequences that could undermine the dignity and sanctity of human life. Policymakers, therefore, must establish guidelines that carefully delineate the boundaries of acceptable biotechnological practices, ensuring that these technologies are used to enhance human well-being without crossing ethical lines that could degrade the human person into a mere object of scientific manipulation. (Kass, 2001: 81)

Human-centered approaches to technological development emphasize the importance of designing and implementing technologies that prioritize human needs, values, and well-being over purely technical or economic considerations. Such approaches advocate for the integration of ethical reflection throughout the entire process of technological innovation, from initial research and development to final implementation and deployment. This requires a paradigm shift in how technology is conceived and developed, moving away from a techno-centric model that prioritizes efficiency, profitability, and innovation at all costs, toward a model that places human dignity at its core. (Jonas, 2015: 108)

One example of this approach can be seen in the field of human-computer interaction (HCI), where researchers have long advocated for design principles that prioritize user experience, accessibility, and inclusivity. The work of scholars like Don Norman, in *The Design of Everyday Things*, emphasizes the importance of designing technologies that are intuitive, user-friendly, and responsive to human needs. This human-centered design philosophy has profound ethical implications, particularly when applied to emerging technologies like AI and biotechnology, where the potential for harm is significant. By prioritizing the human experience, designers and developers can create technologies that enhance rather than diminish human dignity, ensuring that the benefits of technological innovation are distributed equitably and that the risks are minimized. (Norman, 2013: 110)

Likewise, a human-centered approach to technology also involves actively engaging with the communities and individuals who will be most affected by these technologies. This requires a commitment to participatory design processes, where stakeholders, including those from marginalized or vulnerable populations, are involved in the decision-making processes that shape technological development. Such engagement ensures that the voices of those who are often overlooked or silenced in technological discourses are heard and considered, thereby promoting a more just and equitable distribution of technological benefits. The concept of *design justice*, as articulated by Sasha Costanza-Chock in *Design Justice: Community-Led Practices to Build the Worlds We Need*, offers a framework for thinking about how technology can be developed in ways that challenge rather than reinforce existing social inequities, thereby contributing to a more inclusive and human-centred technological landscape. (Costanza, 2020: 188-189)

In the context of public policy, human-centred approaches to technology also necessitate a re-evaluation of regulatory frameworks to ensure that they adequately protect human dignity in the face of rapid technological change. This might involve the creation of new regulatory bodies or the expansion of existing ones to oversee the ethical implications of AI and biotechnology, ensuring that these technologies are developed and used in ways that are consistent with the values of human dignity, justice, and the common good. Policymakers must also consider the long-term implications of technological developments, crafting policies that anticipate future challenges and that are flexible enough to adapt to the evolving technological landscape. (Whitehead, 2010: 152)

Ultimately, the integration of ethical guidelines for AI and biotechnology with human-centred approaches to technological development offers a pathway toward ensuring that technological progress does not come at the expense of human dignity. By prioritizing the protection of human dignity in both the design and regulation of technology, policymakers can help create a future in which technological innovation serves the true good of humanity, fostering a world in which all people can flourish. This vision, rooted in a deep respect for the intrinsic worth of every person, challenges us to think critically and creatively about how technology

can be harnessed to promote justice, equity, and the common good, ensuring that the dignity of the person remains the foundation upon which all technological development is built. (Hauerwas, 2003: 58)

Conclusion

The exploration of personhood and human dignity within the contexts of theology, philosophy, and technology reveals a complex yet deeply interconnected landscape that demands both rigorous intellectual inquiry and ethical responsibility. As we have seen, the concept of personhood, as articulated through centuries of theological and philosophical reflection, forms the bedrock upon which our understanding of human dignity is built. Theological traditions, from the early Church Fathers through to modern thinkers, have consistently emphasized the divine image in humanity, the *imago Dei*, as the foundation of human worth. This understanding has been complemented and sometimes challenged by philosophical approaches, which have brought to light the rational, autonomous aspects of personhood that underpin our ethical frameworks, especially in Kantian thought, as seen in *Groundwork of the Metaphysics of Morals*.

The advent of advanced technologies, particularly in artificial intelligence and biotechnology, has introduced new dimensions to these discussions, forcing a re-evaluation of what it means to be a person in an era where the boundaries between the human and the artificial are increasingly blurred. Ethical guidelines for these technologies must therefore be informed by a robust and nuanced conception of human dignity, one that resists reductionist tendencies and upholds the intrinsic value of every individual. The writings of scholars like Hans Jonas, especially in *The Imperative of Responsibility*, underscore the moral weight of technological advancement, reminding us that with great power comes an even greater obligation to protect the most fundamental aspects of our humanity. (Jonas, 2015: 99)

Furthermore, the integration of theological and philosophical perspectives offers a rich and multifaceted framework for addressing the ethical challenges posed by technological innovation. By synthesizing the metaphysical depth of theology with the empirical rigor of philosophy, it becomes possible to craft ethical guidelines that are both principled and practical, capable of guiding the development of technologies that respect and enhance human dignity. This interdisciplinary approach is essential not only for navigating the moral complexities of our time but also for ensuring that the rapid pace of technological progress does not outstrip our capacity to govern it ethically.

Moreover, the role of faith communities in advocating for the protection of human dignity in the face of technological challenges cannot be overstated. These communities, drawing on deep theological traditions and moral teachings, offer a vital counterbalance to purely secular approaches, providing a voice that champions the sanctity of life and the inherent worth of every person. Through active participation in public discourse and policy-making, these communities can help shape a technological future that is just, equitable, and deeply attuned to the needs of the most vulnerable.

In synthesizing these various strands of thought, we are reminded that the questions surrounding personhood and human dignity are not merely academic or theoretical; they are deeply practical and pressing, demanding our attention as we confront the ethical dilemmas of the technological age. The ongoing dialogue between theology, philosophy, and technology offers a path forward, one that holds the promise of a more humane and dignified future, in which the advancements of technology are harnessed not for domination or exploitation, but for the flourishing of all humanity. This is a future that calls for both intellectual humility and moral courage, recognizing that the dignity of the human person must remain the guiding star in all our technological endeavours.

References

1. Aquinas Thomas, *Summa Theologica*, New York, Benziger Brothers, 2004.
2. Balthasar Hans Urs, *The Glory of the Lord: A Theological Aesthetics*, San Francisco, Ignatius Press, 1982.
3. Barth Karl, *Church Dogmatics*, Edinburgh, T&T Clark, 2019.
4. Bernhardt Reinhold, *Theologie im Zeitalter der Naturwissenschaften: Zur Orientierung der theologischen Anthropologie*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1999.
5. Costanza-Chock Sasha, *Design Justice: Community-Led Practices to Build the Worlds We Need*, Cambridge, MIT Press, 2020.
6. Deleuze Gilles and Guattari Félix, *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1987.
7. Dennett Daniel, *Consciousness Explained*, Boston, Little, Brown, 1991.
8. Descartes René, *Meditations on First Philosophy*, Cambridge, Cambridge University Press, 1996.
9. Eubanks Virginia, *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*, New York, St. Martin's Press, 2018.
10. Gilson Étienne, *The Spirit of Medieval Philosophy*, Notre Dame, University of Notre Dame Press, 1991.
11. Gregory of Nyssa, *On the Soul and the Resurrection*, Crestwood, St. Vladimir's Seminary Press, 1993.
12. Gutiérrez Gustavo, *A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation*, Maryknoll, Orbis Books, 1988.
13. Habermas Jürgen, *The Future of Human Nature*, Cambridge, Polity Press, 2003.
14. Hauerwas Stanley, *The Peaceable Kingdom: A Primer in Christian Ethics*, Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2003.
15. Jonas Hans, *The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age*, Chicago, University of Chicago Press, 2015.
16. Kant Immanuel, *Groundwork of the Metaphysics of Morals*, Cambridge, Cambridge University Press, 1998.
17. Kass Leon, *Toward a More Natural Science: Biology and Human Affairs*, New York, Free Press, 2001.

18. MacIntyre Alasdair, *After Virtue: A Study in Moral Theory*, Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2018.
19. Meilaender Gilbert, *Bioethics: A Primer for Christians*, Grand Rapids, Eerdmans, 2013.
20. Moltmann Jürgen, *God in Creation: A New Theology of Creation and the Spirit of God*, Minneapolis, Fortress Press, 1993.
21. Moltmann Jürgen, *The Crucified God*, Minneapolis, Fortress Press, 1993.
22. Murphy Nancey, *Bodies and Souls, or Spirited Bodies?*, Cambridge, Cambridge University Press, 2006.
23. Norman Don, *The Design of Everyday Things*, New York, Basic Books, 2013.
24. Nussbaum Martha, *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*, Cambridge, Harvard University Press, 2006.
25. Paul John II, *Evangelium Vitae*, Vatican City, Libreria Editrice Vaticana, 1995.
26. Rahner Karl, *Foundations of Christian Faith: An Introduction to the Idea of Christianity*, New York, Crossroad Publishing, 1978.
27. Ratzinger Joseph (Pope Benedict XVI), *Introduction to Christianity*, New York, Crossroad Publishing, 2004.
28. Rorty Richard, *Contingency, Irony, and Solidarity*, Cambridge, Cambridge University Press, 2005.
29. Taylor Charles, *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*, Cambridge, Harvard University Press, 1989.
30. Tillich Paul, *Systematic Theology*, Chicago, University of Chicago Press, 2000.
31. Whitehead Alfred North, *Process and Reality*, New York, Free Press, 2010.
32. Williams Rowan, *On Christian Theology*, Oxford, Blackwell, 2000.
33. Wright Nicholas Thomas, *Surprised by Hope: Rethinking Heaven, the Resurrection, and the Mission of the Church*, New York, HarperOne, 2008.
34. Zuboff Shoshana, *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, New York, PublicAffairs, 2019.

ŞƏXSİYYƏTİN KOMMUNİKATİV FƏALİYYƏTDƏ YERİNƏ YETİRDİYİ ROLLAR**Salmanova K.***Naxçıvan Dövlət Universiteti,**Beynəlxalq Münasibətlər və Hüquq Fakültəsi,**Fəlsəfə və sosial iş şöbəsi, Naxçıvan, Azərbaycan*ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-0758-8027>**Salmanov V.***Naxçıvan Dövlət Universiteti,**Pedaqoji fakültə, Gənclərin çağırışa qədərki hazırlığı və Mülki Müdafiə kafedrası, Naxçıvan, Azərbaycan*ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-8881-9741>**ROLES PERFORMED BY PERSONALITY IN COMMUNICATIVE ACTIVITY****Salmanova K.***Nakhchivan State University, Faculty of International Relations and Law,**Department of Philosophy and Social Work, Nakhchivan, Azerbaijan*ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-0758-8027>**Salmanov V.***Nakhchivan State University,**Faculty of Pedagogy, Department of Pre-Consript Training of Youth and Civil Defense,**Nakhchivan, Azerbaijan*ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-8881-9741>DOI: [10.5281/zenodo.13756321](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756321)**Xülasə**

Məqalədə şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyəti onun sosial fəallığından, kommunikativ potensialından və informasiya xarakterli dəyərlər seçimindən asılı olduğu qeyd edilir.

Həmçinin məqalədə qeyd edilir ki, kommunikativ fəaliyyət ünsiyyətin spesifik mədəni formasıdır, simvollar vasitəsilə şəxsiyyətlərarası canlı informasiya mübadiləsini həyata keçirir. Bu prosesdə informasiya məqsədyönlü şəkildə ötürülür. İnsanlar arasındakı qarşılıqlı təsir isə müəyyən dəyərlərə, sosial normalara müvafiq olaraq həyata keçirilir. Kommunikativ fəaliyyət şəxsiyyətin kommunikativ potensialının, qabiliyyətinin təşəkkülü və formalaşmasının ilkin şərtidir, onun informasiya və kommunikasiya hüquqlarının məcmusudur. O, dəyər ümumiliyi yaradır və insanlar arasındakı informasiya münasibətlərini tənzimləyir. Kommunikativ fəaliyyət heç bir məhsul yaratmır, yalnız insan fəaliyyətinin digər növlərinə xidmət edir, sonuncuların effektivliyini artırır. O, yaradıcı fəaliyyətin metod və vasitələri əsasında yeni biliklərin, informasiyanın istehsalı və mənimsənilməsi prosesidir. Şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyətdə iştirakı onun digər insanlara əməkdaşlığa qovuşması deməkdir. O, bu yolla sosial qruplara, ilkin kollektivlərə daxil olur və birgə əməkdaşlığın real iştirakçısına çevrilir. Yeni kommunikasiyalardan və kompüter texnologiyalarından istifadə etməklə iş vaxtına qənaət etmək müasir şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyətində başlıca dəyərə çevrilir.

Əmək prosesinin səmərəliliyi kommunikativ fəaliyyətin düzgün təşkilindən, şəxsiyyətlərarası qarşılıqlı təsirin işlək mexanizmindən, partnyorla bərabərhüquqlu əməkdaşlıq və dialoqdan asılıdır. Dialoq kommunikativ tələbatın reallaşması üsulu və həmin tələbatın ifadə formasıdır, müəssisənin dinləmək mədəniyyətidir. Elmi məqalədə kommunikativ fəaliyyət hər cür birgə fəaliyyətin ən mühüm şərtlərindən biri olduğu qeyd edilir.

Abstract

In the article, it is noted that the communicative activity of the personality depends on his social activity, communicative potential and the selection of informational values.

The article also mentions that communicative activity is a specific cultural form of communication, it implements interpersonal live information exchange through symbols. In this process, information is transmitted purposefully. The interaction between people is carried out according to certain values and social norms. Communicative activity is a prerequisite for the organization and formation of the communicative potential and ability of the personality, it is a set of his information and communication rights. It creates a commonality of values and regulates informational relations between people. Communicative activity does not create any product, it only serves other types of human activity, increasing the efficiency of the latter.

It is the process of production and assimilation of new knowledge and information based on methods and means of creative activity. The participation of the personality in the communicative activity means his cooperation with other people. In this way, he enters social groups, initial collectives and becomes a real participant of joint cooperation. Saving working time by using new communications and computer technologies becomes the main value in the communicative activity of a modern personality.

The efficiency of the labor process depends on the correct organization of communicative activity, a functioning mechanism of interpersonal interaction, equal cooperation and dialogue with the partner. Dialogue is the method of realization of communicative demand and the form of expression of that demand, the culture of

listening to the interlocutor. The scientific article mentions that communicative activity is one of the most important conditions for any kind of joint activity.

Açar sözlər: şəxsiyyət, fəaliyyət, kommunikasiya, informasiya, kommunikatív fəaliyyət.

Keywords: personality, activity, communication, communicative activity information.

Müasir şəraitdə hər bir cəmiyyətin inkişafı və gücü hər şeydən əvvəl şəxsiyyətin kommunikatív fəaliyyətindən, sosial fəallığından, kommunikatív potensialından və informasiya xarakterli dəyərlər seçimindən xeyli dərəcədə asılıdır. Azərbaycan cəmiyyətinin inkişaf istiqamətlərindən biri də elə informasiya-kommunikasiya texnologiyalarının geniş tətbiq olunması və yüksək sürətlə inkişaf etməsi nəticəsində yeni reallıqların yaranması və yeni şəxsiyyət tipinin formalaşmasıdır. Belə ki, kompüter, internet get-gedə insan fəaliyyətinin bütün sahələrinə daha geniş və dərin nüfuz etməyə başlayır. Bunun da nəticəsində insan fəaliyyəti, bütövlükdə cəmiyyətin müxtəlif sferaları köklü dəyişikliklərə məruz qalır, tamamilə yeni sosial-psixoloji mühit formalaşır.

Müasir dövrdə faktiki olaraq yeni insan tipinin formalaşması prosesi baş verir. Sənaye cəmiyyətinin rəşional insanı yerinə sənayedən sonrakı informasiya dövrünün kompüterləşmiş insanı gəlir. Dərinliyə nüfuz edən rəşional bilik getdikcə hədsiz dərəcədə nəhəng informasiya axınının işlənilib qaydaya salınması ilə əvəz olunur. Mikroelektron inqilabı insan intellektinin gücünü xeyli artırır. Nəticədə insan biososial varlıq olmaqdan daha çox, özünün xüsusi aləmi olan mənəvi-ruhi, virtual varlığa çevrilir. Bu obyektiv amil hazırkı dövrdə "İnsan kimdir? və onun kommunikatív fəaliyyətində, dəyərlər sistemində nə kimi çevriliş olmuşdur?" sualına cavab vermək zərurəti doğurur. Bu gün cəmiyyətimizin başlıca vəzifələrindən biri şəxsiyyətin kommunikatív potensial keyfiyyətini artırmaq və onun yeni şəraitdə adekvatlığını təmin etməkdir. Deyilənlər göstərir ki, şəxsiyyətin kommunikatív hazırlığı problemi olduqca aktual, çox vacib nəzəri-metodoloji problemdir.

Kommunikativ fəaliyyəti ictimai fəaliyyət sistemində bir sfera kimi götürmək olar. Bu prinsip belə bir müddəaya əsaslanır ki, kommunikatív fəaliyyət sosial proseslərin inteqrasiyasına və tənzimlənməsinə yönələn insan fəaliyyətinin bütün digər növlərinin həyata keçirilməsinin şərtidir.

Müasir dövrdə bəşəriyyət artıq informasiyanın strateji resurs kimi qəbul olunduğu yeni sivilizasiya mərhələsinə qədəm qoymuşdur. Sosial reallığın informasiya və istehlak cəmiyyəti adlanan yeni tipi meydana çıxır. Bəşəriyyət tarixində ilk dəfə şəxsiyyət, sosial qruplar və cəmiyyət qlobal miqyasda bir-biri ilə bağlı olur. Bunun nəticəsində, bir tərəfdən sosial institutların dəyişməsinin təsiri altında yeni şəxsiyyət tipi formalaşır, digər tərəfdən isə o, öz növbəsində kommunikatív fəaliyyəti ilə baş verən proseslərə əhəmiyyətli təsir göstərir. Yeni şərait şəxsiyyəti daim seçim qarşısında qoyur və şəxsiyyətlərarası münasibətləri radikal surətdə dəyişdirir.

Artıq qeyd etdiyimiz kimi, indiki şəraitdə ölkəmizin əsas inkişaf istiqamətlərindən biri də ictimai həyatın bütün sahələrinin kompüterləşdirilməsi və informasiyalaşdırılmasıdır. İKT-nin inkişaf etdirilməsi zərurəti indiki qloballaşma dövründə daha çox hiss olunur və bu texnologiyaların sürətlə inkişafı və yayılması

bəşəriyyətin inkişafı üçün geniş imkanlar yaradır. Hal-hazırda ölkəmizdə İKT-nin əhatə dairəsi hökumət təşkilatlarını, qeyri-hökumət və özəl qurumları, sosial-iqtisadi, elm-mədəniyyət, ictimai-siyasi təhsil və s. sahələri əhatə edir. Bu baxımdan ölkəmizdə informasiya cəmiyyətinin qurulması dövlət siyasətinin əsas prioritetlərindən biri kimi qəbul edilmişdir.

Beləliklə, XX əsrin sonunda bəşəriyyət maşın vasitəsilə işlənilib hazırlanan və ötürülən informasiyanın, habelə kommunikasiya texnologiyalarının köməyi ilə informasiya cəmiyyətinə daxil oldu. Bəşər cəmiyyəti elə inkişaf mərhələsinə daxil olmuşdur ki, burada informasiya insan həyatında başlıca dəyərlərdən birinə çevrilmişdir. Təsədüfi deyil ki, informasiyaya olan tələbat həndəsi silsilə ilə artır. Bu cəmiyyətdə yeni informasiya və telekommunikasiya texnologiyaları, yeni şəxsiyyət tipi və dəyərlər sistemi, yeni həyat tərzı meydana çıxır.

İnformasiya cəmiyyəti və onun kommunikatív texnologiyaları yalnız ictimai fəaliyyətin müxtəlif növlərinin məzmununda deyil, həm də kommunikatív fəaliyyətin və şəxsiyyətin özünün həyatında və dəyərlər sistemində də çevriliş etdi. Bununla yanaşı və eyni zamanda yeni sosial proseslər də informasiya-texnoloji dəyişikliklər əsasında yaranır və inkişaf edir. Sual olunur ki, informasiya-texnologiya inqilabı şəraitində kommunikatív fəaliyyətin hansı formaları və dəyərləri meydana çıxır? Şəxsiyyətin kommunikatív fəaliyyətdə yerinə yetirdiyi rolda nə kimi dəyişikliklər baş verir? Kommunikasiya və kommunikatív fəaliyyət arasında ümumi və fərqli cəhətlər nədən ibarətdir?

İnformasiyanın ötürülməsinin yeni üsullarının meydana çıxması prosesində tədricən yeni sosial hadisə - dünya informasiya mühiti formalaşır. İnformasiya cəmiyyətində informasiyanın bölüşdürülməsi və istehlakı sosial-iqtisadi, siyasi və mədəni fəaliyyətdə üstünlük təşkil edir. Beləliklə, geniş avtomatlaşdırma, informasiya-kompüter texnologiyalarının şəxsiyyətin fəaliyyətinin bütün sahələrinə nüfuz etməsi və tətbiq olunması, informasiya məkanının getdikcə genişlənməsi, kommunikatív fəaliyyətin yeni-yeni subyektlərinin bu məkana cəlb olunması, ictimai həyatda biliklərin rolunun artması informasiya mühitinin, həmçinin ayrıca şəxsiyyətin prinsipal cəhətdən yeniləşməsinə əhəmiyyətli təsir göstərir [2, s. 66].

İnformasiya cəmiyyətinin formalaşması prosesi mürəkkəb və çoxşaxəlidir. Bu prosesin müvəffəqiyyətlə həyata keçirilməsi üçün informasiya texnologiyalarının gündəlik həyatımızda əhəmiyyətini dərk edərək cəmiyyətin hər bir üzvünün bu prosesdə yaxından iştirak etməsi vacib şərtədir. Müasir dövrdə İKT şəxsiyyətin və cəmiyyətin inkişafına təsir göstərən əsas amillərdən birinə çevrilmiş, onun əhatə dairəsi dövlət strukturlarını və vətəndaş cəmiyyəti institutlarını, sosial-iqtisadi sahələri, elm və təhsili, mədəniyyəti, bütövlükdə insanların həyat, tərəkür tərzini, normalarını və dəyərlərini əhatə etmişdir. İnformasiya cəmiyyətinin qurulduğu ölkələrdə demokratik, humanist

dəyərlər daha yüksək səviyyədə təmin olunur, insan hüquqları, söz azadlığı mühüm əhəmiyyətə malik olur. Belə ki, insanların informasiya azadlığı, onlara heç bir maneə olmadan lazım olan informasiyalara çıxış təmin olunur, digər tərəfdən düşüncələrini çox asanlıqla ictimallaşdırmaq və başqaları ilə bölüşmək imkanı verir. Yeni yaranan hər bir texniki vasitə və ya informasiya resursları insanların informasiyaya olan tələbatlarını ödəmək üçün kifayət qədər imkanlar yaratmaqla yanaşı, onların həyat tərzinə, kommunikativ fəaliyyətinə də ciddi təsir göstərir. İnformasiya fəaliyyətinin inkişafının ən yüksək səviyyəsi informasiyalaşdırma prosesidir. Bununla bərabər, onu da nəzərə almaq lazımdır ki, informasiya cəmiyyətinin təşəkkülü həm bəyənilir, həm də humanist orientasiyalı bəzi filosoflar tərəfindən şübhə ilə qarşılanır. Sonuncular texnoloji determinizmin əleyhinə çıxır və hesab edirlər ki, cəmiyyətin informasiyalaşdırılması böyüməkdə olan nəslin səhhətinə neqativ təsir göstərə bilər. Şübhəsiz, həmin müəlliflərin dediklərində müəyyən həqiqət vardır. Kommunikativ fəaliyyətin yeni vasitələri bir tərəfdən şəxsiyyətin yaradıcılıq qabiliyyətini artırır, onun dünya mədəniyyətinin nailiyyətlərini və dəyərlərini mənimsəmək imkanını genişləndirir, cəmiyyətin tərəqqisinə kömək edir, digər tərəfdən böyüməkdə olan nəslin səhhətinə neqativ təsir göstərir və sonuncunun virtual aləmdə özgələşməsinə səbəb olur. Bunun informasiya texnologiyalarından istifadə olunması təcrübəsi də təsdiq edir. Lakin İKT-nin təşəkkülü və inkişafı obyektiv, qarşısızalmaz prosesdir. Söhbət yalnız onun neqativ tərəflərinin qarşısının alınmasından gedə bilər. Başqa sözlə deyilsə, informasiya fəaliyyəti informasiya təhlükəsizlik sistemi ilə qorunmalıdır. Çünki informasiya cəmiyyətinin məziyyətləri ilə yanaşı, təhlükəli meyilləri də vardır. Belə ki, insanların həyat və fəaliyyətinin get-gedə elektron mühitdə, virtual məkanda mövcud olan informasiya resurslarından asılılıq dərəcəsi artmağa başlayır, bu isə bir sıra çətin problemlər yaradır. Buna görə də informasiya cəmiyyətinin dayanıqlı, təhlükəsiz fəaliyyətini təmin etmək üçün informasiya təhlükəsizliyi ilə yanaşı, bir çox müvafiq məsələlər qloballaşan və virtuallaşan dünyanın qarşısında duran ən aktual problemdir. Bunları aşağıdakı kimi vermək olar: şəxsiyyətə və cəmiyyətə KİV-in təsiri artır, informasiya texnologiyaları bəzi hallarda təşkilatların və insanların şəxsi həyatına dağıdıcı təsir edir, informasiya bolluğunda daha dəqiq və keyfiyyətli informasiyanın seçim çətinliyi yaranır, insanların böyük əksəriyyətinin yeni şəraitə uyğunlaşmasına əngəl törədir.

“Kommunikasiya” termini informasiya və əlaqələr nəzəriyyəsindən götürülmüşdür. Elmi termin kimi “kommunikasiya” dedikdə əvvəlcə sadə mübadiləni, informasiyanı və yaxud məlumatın ötürülməsini başa düşürdülər. Qərb sosial psixologiyasının integrasiya istiqaməti çərçivəsində “kommunikasiya” termininə başqa məna verildi. Belə ki, kommunikasiya təkcə informasiyanın bir şəxsdən başqa şəxsə ötürülməsi deyil, həm də bir-birilə qarşılıqlı təsirdə olan insanların davranışı kimi şərh edilir. “Kommunikasiya” termini altında sözün geniş mənasında insanlar arasındakı hər cür əlaqəni, sosial qarşılıqlı təsirin bütün mövcud üsullarını başa düşürlər.

Belə götürdükdə kommunikasiya anlayışı ünsiyyət anlayışına nisbətən daha geniş anlayışdır. Ünsiyyət insanlar arasındakı qarşılıqlı təsirin yalnız bilavasitə formalarını ifadə edəcəkdir. Kommunikasiya isə istiqamətlənmiş əlaqədir, yəni siqnalın ötürülməsini ifadə edən əlaqədir. Dünyada hər şey qarşılıqlı əlaqə və təsirdədir. Kommunikasiya isə ümumi əlaqələrin ən mürəkkəb məzmununa malik olan növlərdən biridir. Kommunikasiya idarə olunan sistemlərdə mövcuddur (məsələn, cəmiyyətdə, insan orqanizmində). Hər bir kommunikasiya müzakirə, dialoq, diskussiya nəticəsində konsensus, qarşılıqlı anlayış, həmrəylik, razılaşmanın fəaliyyəti və ünsiyyəti, onlar arasında əlaqələr, qarşılıqlı asılılıq yaradılmadan mümkün deyildir. İnsanların qarşılıqlı təsirinin və ünsiyyətinin spesifik forması kommunikasiyadır. Sosial qarşılıqlı təsir insanlar arasında və onların mənsub olduqları qruplar, birliklər arasında əlaqələrin yaranmasının çıxış şərtdir. Məhz buna görə də sosial qarşılıqlı təsir sosial kommunikasiyanın forması sayılır. Bu forma çərçivəsində partnyorların hər birinin davranışı reallaşır, hər bir partnyorun hərəkəti digər partnyorun hərəkəti ilə əlaqələndirilir, onlar arasında razılaşmanın və ya həmrəylinin dərəcəsi müəyyən edilir. Sosial kommunikasiya prosesində insanlar qarşılıqlı əlaqədə olduğuna görə bu prosesin qarşılıqlı təsir kateqoriyası ilə əlaqəsini ən ümumi şəkildə aydınlaşdırmaq zəruridir. Elmi ədəbiyyatda sosial qarşılıqlı təsirin məzmunu aydınlaşdırılarkən göstərilir ki, hər bir maddi sistemin qarşılıqlı təsiri həmişə maddə, enerji, informasiya mübadiləsindən ibarətdir. Sosial qarşılıqlı təsirdə yuxarıda göstərilən elementlər sanki bərtərəf olunmuş şəkildə iştirak edirlər, lakin onlara müncər olunmurlar. Sosial qarşılıqlı təsirin spesifik məzmunu fəaliyyət mübadiləsindən ibarətdir. Sosial əlaqələrin əsasında əmək fəaliyyəti durur. Kommunikasiya insanlar arasındakı sosial qarşılıqlı təsirin əsas formasıdır. Qarşılıqlı informasiya mübadiləsi sosial kommunikasiyaların konkret formaları vasitəsilə reallaşa bilər [5, s.17].

Kommunikativ fəaliyyət insan şüurunda konkret obyektin aktuallaşması sayəsində yaranır. Həmin konkret obyekt də öz növbəsində kommunikativ tələbatı ödəməyə qadir olmalıdır və bununla da, kommunikativ məqsədə çevrilməlidir. Zənnimcə, kommunikasiyanı informasiya mübadiləsi kimi hadisələrin kommunikativ funksiyasından fərqləndirmək lazımdır. Sonuncu əlaqələrin qarşılıqlı təsirinin konkret üsuludur. Məsələn, ideologiyanın kommunikativ funksiyası cəmiyyətdə qəbul olunmuş dəyərlərə, sosial-normalara müvafiq olaraq fəaliyyətin dəyər orientasiyasını müəyyən edir və şəxsiyyət birliklər arasındakı ictimai münasibətləri tənzimləyir.

Kommunikasiya tələbatına ictimai fəaliyyətin xüsusi, spesifik növü-kommunikativ fəaliyyət müvafiq gəlir. Kommunikasiya tələbatı subyektlərin maddi və mənəvi istehsal prosesində fəaliyyət mübadiləsinin həyata keçirilməsi nəticəsində yaranan qarşılıqlı təsir ilə şərtlənir.

Yuxarıda deyilənlər sübut edir ki, kommunikasiya bütün ictimai hadisələrə nüfuz edir və şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyəti olmadan ictimai fəaliyyətin heç bir növü həyata keçirilə bilməz. O, insan fəaliyyətinin digər növlərindən fərqlənir. Belə ki,

kommunikativ fəaliyyətdən başqa insan fəaliyyətinin bütün digər növləri müəyyən maddi və mənəvi məhsullar yaradır. Kommunikativ fəaliyyətin nəticələri isə informasiyadır və bu informasiya yalnız potensial şəkildə sonradan maddi və mənəvi məhsullara çevrilə bilər. Bununla əlaqədar olaraq aşağıdakı diqqəti çəkən fikir ilə tam razılaşmaq olmaz: "... Kommunikasiya əlaqələrinin özü mühüm fəaliyyət növünə və sosial reallığın dəyişdirilməsi formasına çevrilməkdədir" [1, s. 198].

Yeri gəlmişkən kommunikasiya fəaliyyətini şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyətindən fərqləndirmək lazımdır. Kommunikasiya fəaliyyəti informasiya texnologiyaları və kompüter proqramları ilə müəyyən olunur. Kommunikativ fəaliyyət isə çoxplanlı prosesdir və şəxsiyyətin əlaqələrinin müəyyən edilməsi və inkişafının nəticəsidir. Şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyəti onun idraki fəallığının, özünü reallaşdırmaq qabiliyyətinin və rəqabət aparmaq bacarığının mühüm amilidir. O, ünsiyyət və canlı informasiya mübadiləsini, qarşılıqlı təsir strategiyasının işlənilib hazırlanmasını, məqsədyönlü planların reallaşmasında ortaya çıxan konfliktlərin aradan qaldırılmasını və həyatda davranışın nəticələrinin qiymətləndirilməsini əhatə edir. Şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyətinin spesifik əlamətləri aşağıdakılardır: kommunikativ fəaliyyət cəmiyyətin müxtəlif elementləri arasında sosial əlaqələrin yaradılmasıdır; şəxsiyyət və cəmiyyətin fəaliyyətinin bütün növlərinin infrastrukturudur; bütövlükdə ictimai fəaliyyətin səmərəliliyinin şərtidir; insanın bütün sosial fəaliyyətinin mövcudluq üsuludur; insanların qarşılıqlı əlaqələrinin, ictimai münasibətlərinin mexanizmidir.

Şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyətinin əsasında onun maddi və mənəvi tələbatları durur, motivi rolunda isə sosial ustanovkaları, əqidəsi, mənafeyi, idealları, arzu və emosiyaları çıxış edə bilər. Biz kommunikativ fəaliyyətin motivi anlayışı altında kommunikativ məqsəd seçimini, insanı fəaliyyətə sövq edən amilləri başa düşürük. Kommunikativ fəaliyyətin motivinin formalaşmasında mənafe xüsusi rol oynayır. İnsanın mənafeyi ilə onun idealları ayrılmaz vəhdətdədir. İdeal elə bir obrazdır ki, burada şəxsiyyətin, sosial qrupların mənafe və səyləri, şəxsiyyətlərarası münasibətləri və ictimai təsir haqqında təsəvvürləri ifadə olunur.

Kommunikativ fəaliyyətin strukturunda, hər şeydən əvvəl onun subyekt və obyektini fərqləndirirlər. Kommunikativ fəaliyyətin subyekt qismində şəxsiyyət, kiçik qruplar və ilkin kollektivlər çıxış edir. Bunu kommunikativ fəaliyyətdə mikrosəviyyə hesab edirlər. Bununla bərabər, kommunikativ fəaliyyətin subyekt rolunda sosial institutlar, insanların birlikləri, dövlət və onun təşkilatları da çıxış edə bilər. Bütövlükdə bəşəriyyətdə kommunikativ fəaliyyətin subyekt ola bilər və bu, kommunikativ fəaliyyətin mikrosəviyyəsidir.

Kommunikativ fəaliyyətin obyekt - insan fəaliyyətinin bütün digər növləridir (iqtisadi, siyasi, hüquqi, əxlaqi, estetik, dini və s.). Kommunikativ fəaliyyətin strukturuna onun qarşısında duran məqsədi, vasitələri və nəticələri də daxildir. Məqsəd kommunikativ fəaliyyətin funksiyalarında reallaşır. Kommunikativ fəaliyyətin əsas funksiyaları

aşağıdakılardır: idraki, adaptasiyaedici, dəyişdirici və sosial tələbatları ödəmək funksiyası. Bu funksiyalar birbaşa və yaxud dolay yolla cəmiyyətin bütövlüyünü təmin etməyə yönəlir.

Kommunikativ fəaliyyətin nəticələri çox əhatəlidir. Bu, öz ifadəsini ilk növbədə solumun integrasiyasında, ictimai fəaliyyətin tənzimlənməsində, maddi və mənəvi mədəniyyətin sosial varisliyində, ictimai şüur formalarında tapır. Şəxsiyyətdə mənalı inkişafın mahiyyət və keyfiyyətini insanın dünya ilə qarşılıqlı təsirdə olması və eyni zamanda sonuncunun dəyişdirilməsi nisbətində dəyərləndirmək lazımdır. İnsanın dünyaya münasibəti onun xüsusi subyektiv səciyyəsidir.

Münasibət şəxsiyyətin mənalı inkişafının əsas vahidi kimi götürülə bilər. İnsan şəxsiyyətdir. Bu o deməkdir ki, o, ətraf aləmə münasibətini şüurlu surətdə müəyyən edir. Münasibəti şəxsiyyətin mənalı inkişafın aparıcı, ən mühüm və integrativ göstəricisi hesab etmək olar. Şəxsiyyətin özünü isə dünyaya münasibətin məcmusu kimi qiymətləndirmək lazımdır. Deməli, kommunikativ fəaliyyətdə öyrənilən hər bir situasiya yeni biliklərə yiyələnmək tələbatı doğurur. Ancaq onu da nəzərə almaq lazımdır ki, kommunikativ fəaliyyətdə, ünsiyyətdə, dialoqda şəxsiyyət subyekt qismində deyil, daha çox partnyor, iştirakçı, əməkdaş kimi çıxış edir. Çünki ayrıca şəxsiyyət ünsiyyətdə subyekt olanda, ünsiyyət ona xas olan xüsusiyyəti itirir. Beləliklə, kommunikativ fəaliyyət ünsiyyətin spesifik mədəni formasıdır, simvollar vasitəsilə şəxsiyyətlərarası canlı informasiya mübadiləsini həyata keçirir. Bu prosesdə informasiya məqsədyönlü şəkildə ötürülür. İnsanlar arasındakı qarşılıqlı təsir isə müəyyən dəyərlərə, sosial normalara müvafiq olaraq həyata keçirilir. Kommunikativ fəaliyyət şəxsiyyətin kommunikativ potensialının, qabiliyyətinin təşəkkülü və formalaşmasının ilkin şərtidir, onun informasiya və kommunikasiya hüquqlarının məcmusudur. O, dəyər ümumiliyi yaradır və insanlar arasındakı informasiya münasibətlərini tənzimləyir. Kommunikativ fəaliyyət heç bir məhsul yaratmır, yalnız insan fəaliyyətinin digər növlərinə xidmət edir, sonuncuların effektivliyini artırır. O, yaradıcı fəaliyyətin metod və vasitələri əsasında yeni biliklərin, informasiyanın istehsalı və mənimsənilməsi prosesidir. Şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyətdə iştirakı onun digər insanlara əməkdaşlığa qovuşması deməkdir. O, bu yolla sosial qruplara, ilkin kollektivlərə daxil olur və birgə əməkdaşlığın real iştirakçısına çevrilir. Əmək prosesinin səmərəliliyi kommunikativ fəaliyyətin düzgün təşkilindən, şəxsiyyətlərarası qarşılıqlı təsirin işlək mexanizmindən, partnyorla bərabərhüquqlu əməkdaşlıq və dialoqdan asılıdır. Dialoq kommunikativ tələbatın reallaşması üsulu və həmin tələbatın ifadə formasıdır, müsahibi dinləmək mədəniyyətidir. Kommunikativ fəaliyyət hər cür birgə fəaliyyətin ən mühüm şərtlərindən biridir.

Kommunikasiyanın təbiəti prinsip etibarilə dialoq olan kommunikativ tələbatdan irəli gəlir. Sosial kommunikasiyanın başlıca və sistemyaradıcı struktur komponentləri insan və onun daxil olduğu informasiya münasibətləri sistemidir. Bizim yaşadığımız və fəaliyyət göstərdiyimiz dünya informasiya münasibətləri dünyasıdır. Bu müddəanı maddi əşya və

hadisələrin hər hansı informasiya ilə əvəz olunması kimi başa düşmək lazım deyil. Dünyanın (təbiətin) informasiya xarakteri daşması insanın mövcudluğunun və inkişafının müqəddəm şərtidir.

Müasir sivilizasiyanın inkişafının hazırkı mərhələsinin ən mühüm xüsusiyyəti kommunikativ əlaqələrin artması və informasiya texnologiyalarının tətbiqinin geniş vüsət alması ilə səciyyələnir. İnformasiya texnologiyalarının şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyətinin bütün sferalarına nüfuz etməsi, bir tərəfdən sosial və mədəni həyatın ənənəvi formalarını köklü surətdə dəyişdirir, digər tərəfdən bəşər tarixində analoqu olmayan yeni sosial və mədəni formalar yaradır, cəmiyyətin dəyərlər sisteminə çevriliş edir. Kompüter texnikasının yeni nəsli, proqramlaşdırmanın yeni prinsipləri müasir şəxsiyyətə nəinki virtual aləm yaratmağa, həm də sonuncuda özünün həyatı planlarını, proqramlarını reallaşdırması, kommunikativ tələbatını ödəməsi üçün əlverişli imkan yaradır. Bununla yanaşı, virtual reallığı yalnız kompüter texnologiyalarına münəvər etmək məqbul sayıla bilməz. Sosial kommunikasiyanın strukturunda yeni (qeyri-ənənəvi) kommunikasiyanın, yəni virtual reallığın əhəmiyyəti artır. Adi subyekt-obyekt kommunikasiyası subyekt virtual aləm tərəfindən sıxışdırıb çıxarır. Burada virtual reallıq kommunikasiya prosesinin fəal iştirakçısı kimi başqasının funksiyasını yerinə yetirir. Virtual reallıq fəlsəfi problem kimi ən azı üç dünyanın münasibətini xarakterizə edir: insanın düşdüüyü dünya, onun gördüyü dünya və ondan kənarda

mövcud olan obyektiv dünya [3,s.166-179].

İnformasiya texnologiyaları inqilabı şəraitində müasir şəxsiyyətin kommunikativ fəaliyyətinin rolunun dəyişməsi probleminin araşdırılması sübut edir ki, indiki dəyər imperativlərinin xarakteri, məzmunu və mahiyyəti olduqca dərin, mürəkkəb, rəngarəng və ziddiyyətlidir. Xüsusən dəyərlər sisteminin ikiləşməsi, yəni dünyəvi və virtual dəyərlər sisteminə bölünməsi məxsusi diqqət tələb edir. N.N.Moiseyevin belə bir fikri ilə tamamilə razılaşmaq lazımdır ki, bu problemin həllinə bütün planetin intellektual gücünün cəlb olunması zəruridir. Bununla yanaşı, sözügedən dəyərlərin formalaşmasında bütün informasiya vasitələri humanitar rol oynamaqlıdır [4,s.112].

Ədəbiyyat siyahısı

1. Qılıcov İ.S. Fəaliyyət və dəyərlər seçimi. Bakı, 2005, 370 s.
2. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., Владос, 1994, 336 с.
3. Лазаревич А.А. Глобальное коммуникационное общество. Минск, «Беларусская наука», 2008, 350 с.
4. Моисеев Н.Н. Компьютеризация, её социальные последствия. «Вопросы философии», 1987, №9, с.107-115
5. Уханов В.А. Информационная деятельность человека. Хабаровск, Изд-во ХГТУ, 1996, 148 с.

Васильєва О.

Кандидат філософських наук, доцент,
викладач вищої категорії, викладач методист ВСП
«Стрийського фахового коледжу ЛНУП»

ECUMENICAL VIEWS OF JOSYF SLIPYJ OF 1918-1963**Vasilieva O.**

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Lecturer of higher category, Methodist lecturer,
Separate structural unit "Stryi Vocational College of the Lviv National Environmental University"

DOI: [10.5281/zenodo.13756329](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756329)**Анотація**

У статті проаналізовано екуменічні ідеї у період становлення його як богослова та згодом єпископа, осільника УГЦК. Екуменічні погляди патріарха Йосипа Сліпого досліджено крізь призму його виступів на соборах та опублікованих праць, зокрема «Важливість святого Томи для справи об'єднання», «Візантизм як форма культури», «Петроградський синод 1917 р.», «Погляд на з'єднану і нез'єднану Церкви Сходу та догматичні відмінності між ними». Зауважено, що у пошуку спільних історичних та богословських коренів до поєднання Церков Й. Сліпий у своїх працях окресленого періоду чимало уваги приділяє Сходу та його духовно-культурному феномену -Візантинізму. Підсумовано, що Й. Сліпий висловлюючи тезу про важливість Візантії для цивілізаційного розвитку Сходу та його Церкви. Водночас наголошуючи, що візантизм через свою синкретичність може стати платформою для розбудови сучасного екуменічного руху. Патріарх також відзначив важливість обряду, який впливає з культури, відтак критикуючи ідею вишесті Заходу, зауважував, що слід вийти поза обрядову партикулярність в католицизмі. Відзначено, що у процесі утвердження ідеї поєднання Й. Сліпий виразно артикулює ідею поваги між Церквами різного обряду.

Abstract

The article analyzes ecumenical ideas during his formation as a theologian and later as a bishop, a resident of the Ukrainian Orthodox Church. The ecumenical views of Patriarch Josyf Slipyj are explored through the prism of his speeches at cathedrals and published works, including "The Importance of St. Thomas for the Cause of Unification", "Byzantism as a Form of Culture", "Petrograd Synod of 1917", "View of the United and non-united Churches of the East and dogmatic differences between them". It is noted that in the search for common historical and theological roots for the combination of Churches, J. Slipyj in his works of the outlined period pays a lot of attention to the East and its spiritual and cultural phenomenon of Byzantineism. It is summarized that J. Slipyj expressed the thesis about the importance of Byzantium for the civilizational development of the East and its Church. At the same time, emphasizing that Byzantium, due to its syncreticity, can become a platform for building a modern ecumenical movement. The patriarch also noted the importance of the rite, which stems from culture, thus criticizing the idea of the superiority of the West, noting that it is necessary to go beyond the rite particularity in Catholicism. It was noted that in the process of establishing the idea of a combination, J. Slipyi clearly articulates the idea of respect between Churches of different rites.

Ключові слова: Патріарх Йосип Сліпий, УГЦК, екуменізм, екуменічна ідея, релігія.

Keywords: Patriarch Josyf Slipyi, Ukrainian Greek Catholic church, ecumenism, ecumenical idea, religion.

Верховний Архієпископ Йосип Іванович Сліпий (світське прізвище – Коберницький-Дичковський) – непересічна постать в українській історії, видатний церковний діяч, єпископ Української греко-католицької Церкви (від 1944 року - Митрополит Галицький та Архієпископ Львівський, з 1963 року - Верховний Архієпископ Львівський - предстоятель Української греко-католицької церкви). Постать Йосип Сліпого можна вивчати крізь призму різних напрямків його діяльності у церковно-релігійній сфері, його служінню, у культурно-громадській роботі; а також вивчати науково-філософських праці. Останній аспект дослідження наукової спадщини Йосипа Сліпого, особливо його зусилля щодо актуалізації питання церковної єдності, подоланні нерозуміння між Католицькою та Православною Церквою.

Аналіз історіографії та джерел. Діяльність Йосипа Сліпого як митрополита та патріарха досліджують у своїх роботах І. Хоми, В. Зварича, Е. Бистрицької. Богословські аспекти у вченнях Й. Сліпого, зокрема питання екуменізму висвітлювали Л. Біловус, Л. Бойцун, Е. Бистрицька, А. Сапеляк, М. Кобрин.

Мета статті: вивчення екуменічних ідей та практичних концепції патріарха Йосипа Сліпого від 1920 до 1963 рр., тобто від періоду навчання та перебування у засланні (та до II Ватиканського Собору).

У свої діяльності Йосип Сліпий приділяв багато уваги екуменічному питанню. На його думку Українська церква відіграє важливу роль у подоланні розбіжностей між церквами, адже вона сформована на межі двох цивілізацій – Візантії та Риму, відтак накопичила досвід, який мав би допомогти

подолати «проблему поєднання універсальності й помісності» [2, с. 35-36].

У 1911 р. майбутній Патріарх Й. Сліпий вступає до Львівської духовної семінарії, а вже у 1912 р. вирушає з подачі Митрополит Андрея Шептицького до єзуїтського Канізіануму у Інсбруці. У 1916 р. захистив докторську працю «Поняття життя в Євангелії і 1-ім листі св. ап. Івана». 30 вересня 1917 р. Митрополит А. Шептицький (повернувся із заслання в Росії) висвячує в Унівській Лаврі Йосипа Сліпого на священника. Уже наступного року Й. Сліпий розпочинає роботу над габілітацією (сучасний український аналог докторської дисертації) «Про тринітарну науку патріарха Фотія» [12, с. 3]. У зв'язку з початком польсько-української війни у 1918 р. не маючи змоги повернутись в Галичину розпочав навчання на богослов'я в Римі у Східному Папському Інституті, в Університеті св. Томи (Анжелікум) та в Папському Грегоріанському Університеті. У 1922 р. завершив навчання та здобув ступінь *Magister Aggregatus*» [10, с. 147-148]. Й. Сліпий, перебуваючи в статусі молодого доктора богослов'я у 1922 р. вирушив на унійний собор до Велиграда (місто в Муравії, розташована на кордоні з Австрією та Словаччиною). Свої враження діяч опише дещо згодом у статті, яка вийшла в місячнику «Нива». Відвідини цього собору стали важливим поштовхом до формування поглядів щодо церковної єдності. Зокрема позитивні емоції від символічного місця, колишньої столиці Моравської держави, із дружньою атмосферою, де панували «мирне й ідеальне співіснування двох обрядів».[2, с. 30].

Отець, богослов Іван Гриньох проаналізувавши спогади та вище згадану статтю прийшов до висновку, що Йосип Сліпий був насамперед зацікавлений в «уніатичному діалозі», адже він намагався коротко подати об'єктивні тези двох сторін, водночас висвітлити богословсько-догматичні підходи, адже сам патріарх зазначав: «В отвореній дебаті підношено передовсім вагу спекулятивного вияснення догматичних квестій. Правда одинока є в силі заспокоїти ум чоловіка, і тому коли вона неясна або й не є правдою, всі старання пороблені іншими, навіть найчеснішими дорогами і на разі дуже многонадійними, остануть без успіху». [5, с.18-19; 7, с. 16].

Патріарх Сліпий продовжує звертатись до питання діалогу між церквами Сходу та Заходу реферуючи виступи богословів на Велиградському Соборі. Богослов І. Гриньох слушно зауважував з цього приводу, що Архієпископ Йосип Сліпий як знавець теології високо оцінював східно-християнське вчення, але й вказував на певні суперечності чи недопрацювання. Наприклад погоджувався, що містичне тіло треба розглядати як важливу складову богослов'я, але на цьому аспекті слід більше наголошувати в католицькій теології. В цьому питанні, як і в проблемі Святої Трійці варто спрямувати погляд «до здорової синтези думок християнського Сходу здумками християнського Заходу» [7, с. 28-30]. У подальших роках продовжилась унійна діяльність о. Йосипа Сліпого. У 1924 р. він

брав участь в роботі Четвертого з'їзду Союзу у Велиграді, проголосив доповідь «Важливість святого Томи для справи об'єднання». У ній промовець порушує питання богословських відмінностей між Сходом та Заходом, зокрема стверджує, що протистояння між цими церквами є початковою точкою для екуменічного діалогу та синтезу між християнами Сходу та Заходу [9, с. 5].

У 1922 р. о. Сліпий повертається до Львова, де розпочинає працювати спершу як професор догматики, а згодом як ректор Львівської Духовної Семінарії та Львівської Богословської Академії [7,с. 3]. У 1929 р. під час урочистої академії з нагоди відкриття Львівської Богословської Академії Й. Сліпий наголошував на важливості наукової роботи: «Наука – це один з наріжних каменів-стовпів відродження і сили народу [...]. Наука є фундаментом для Церкви для нашого народу – вона через свої наукові і виховні установи є виховницею народу». Окрім такої «виховної» функції науки Й. Сліпий відзначав, що саме наука має більш змістовно роз'яснювати східну ідентичність, адже власне східна католицька Церква повинна дотримуватись східної традиції, 1000-ття Хрещення України розцінював водночас як і вагомий внесок у культуру та науку, адже з утвердженням християнства відбувався розвиток наукових знань в Україні [2, с. 35].

У 1933 р. отець-ректор Йосип Сліпий взяв участь в четвертій Пінській конференції та виступив із доповіддю «Візантинізм». Розпочиналась доповідь із зауваження, що «в найновіших часах в католицьких письменників і теологів щораз то більша і глибша свідомість універсальності і трансцендентальності католицизму [...] Подібно маєтись права з всесвітністю, понаднаціональністю і понадкультурністю Христової Церкви». У такому звертанні та наголошенні на питаннях єдності Церков є певна подібність із вступними словами енцикліки папи Пія XII *Ecclesiam Dei*, у якій наголошено, що Церква є універсальною. Тобто в розумінні Йосипа Сліпого Католицька Церква не є ототожненням із нацією та культурою, а радше навпаки, і стає підґрунтям для якісно нового симбіозу між цими категоріями: «Христова віра може розвинути і ублагородити кожду культуру і кожда з них має право на її благородний вплив» [5, с. 22-23; 11, с. 104].

Варто відзначити, що автор висловлював доволі прогресивні думки щодо взаємовпливів культури, зокрема заперечував унікальність та цінність лише західної культури. Тобто спростовував також і доволі однобокий та спрощений погляд на Католицьку церкву як продукт лише Західного світу, натомість патріарх демонстрував погляди візантійців, які підвалини своєї філософської думки знаходять ще в Платона та мають суттєві переваги в догматичних проблемах: «У поняттю східного християнства одиниця є лише частиною цілості, існує в зв'язку зцілістю і не зміряє до відділення від неї. Цей погляд має в візантійській теології велике значення. Перш усього треба завважити, що завдяки йому розвинувся символізм, який приписує річам і вражінню крім звичайного значення, ще

вищий духовний змісл» [11, с. 118]. Ці ж ідеї домагають зрозуміти вчення апостола Павла про Церкву як Містичне Тіло Христове: «для християнина вихованого на Платоні все це би були ясні речі. Зв'язок вірних між собою є в тому розумінні суттєвим» [11, с. 119]. Власне це питання єдності дозволяє краще зрозуміти католицьку догму про первородний гріх, а саме «відкуплення всіх одною людиною стає далеко легше вирозуміти, чому добрий вчинок одного чоловіка засягає і других. Бо людина не стоїть одинцем, але є частиною великої цілості» [11, с. 119].

Таке зацікавлення Сходом, оцінка Візантинізму як духовно-культурного феномену стає основою для формування однієї із наріжних постулатів Йосипа Сліпого «Чим був Рим для Заходу і германців, тим Візантія була для Сходу і Славян». Тобто саме візантизм стає цією беззаперечною платформою для розбудови сучасного єкуменічного руху, адже візантійська культура змогла інтегрувати різні частини духовності. Також слід наголосити, що постулати Й. Сліпого щодо єкуменізму були засновані на повазі, гнучкості представників різних віросповідань [1, с. 31].

Дослідниці Л. Біловус та О. Гомотюк вважають що найбільш вагомим єкуменічним твором Й. Сліпого є надрукований у 1931 р. «Петроградський Синод 1917 р.» [1, с. 31].

1936 р. з ініціативи митрополита Андрея Шептицького був скликаний Перший з'їзд унії. Цей з'їзд був присвячений 300 роковинам з дня смерті Вельямина Рутського - «великого подвижника Св. Унії і вельми заслуженого оборонця народу». У роботі Львівського унійного конгресу взяло участь більше ніж 200 учасників, проголошено низку доповідей, присвячених проблематиці єдності Церков з богословської та практичної призми [7, с. 34].

У ньому також брав участь Йосип Сліпий із промовою «Погляд на з'єднану і нез'єднану Церкву Сходу та догматичні відмінності між ними». Доповідь ґрунтувалась на думці про пошану до східних церковних традицій, чимало увагу було також приділено настановам щодо єдності, які б мала виконувати Українська Церква, адже вона існує на перетині візантійської та римської культури. Патріарх наголошував на тому, що національна церква має бути не полем для різних мінливих концепцій, а має бути відокремленою в обряді та в подальшому у єкуменічній політиці та загалом бути самоврядною, як інші церкви східного обряду [3, с. 25]. Варто також зауважити, що схожим чином як і в тезах висловлених під час Пінської унійної конференції Й. Сліпий наполягає на розмежуванні поняття католицизму лише виключно із Заходом та його культурою, римським обрядом, бо по-суті такі твердження зневажають інші обряди та перешкоджають об'єднанню Церкви. Таке помилкове отождолення спричинило «латинізування обряду спричинювало упередження, підозріння, а в наслідку ті самі невдачі», тому «Теологи не сміють нищити, як і слушно твердять самі латинські богослови, цього, що створило в обряді і дисципліні орієнтальне християнство. Бо цим вони нарушили би цінну спадщину Церкви, яка не є ні грецька, ні латинська, але

католицька. Треба вийти поза обрядову партикулярність в католицькій Церкві. Лише глибоке переконання правдивості католицької Церкви, яка обнімає різні обряди і культури, спинить латинізацію східних Церков» [11, с. 138].

У вирі воєнного лихоліття переломним для Йосипа Сліпого стало таємне висвячення митрополитом Андреем Шептицьким у сані єпископа. Однак репресії під час радянської окупації 1930-1941 рр. суттєво посилили тиск на УГКЦ та її діячів зокрема. За підрахунками дослідниці Наталії Горішна протягом «вересня 1939 – червня 1941 рр. загинуло 34 греко-католицьких священника, а 41 було депортовано на Схід» [4, с. 120; 6, с. 77].

Після смерті А. Шептицького Й. Сліпий став новим главою УГКЦ. 11 квітня 1945 р. єпископа Сліпого заарештували, а після тривалого слідства висунули обвинувачення в «антирадянській діяльності та співпраці з фашистськими окупантами», відтак присуджено вирок – 8 річне ув'язнення [6, с. 77]. Проте після ліквідації УГКЦ 1946 р. предстоятель Сліпий залишився вірним Риму і знову був засуджений, сукупно 18 років ув'язнення та концтаборів [6, с. 120].

З 1946 р. розпочався новий етап в житті Йосипа Сліпого – перебування в радянських таборах, однак і там він провадив душпастирську діяльність, продовжував писати богословські тексти, послання до вірних, особисті листи. Одні із найбільш відомих були написані у 1953 р. Перебуваючи на засланні в Красноярському краї створив два послання «Митрополита Йосифа Сліпого до священнослужителів про становище духовенства та вірних Української Греко-Католицької Церкви після 1946 року» із закликом бути витривалим, триматись віри під час переслідувань; «Наша Церква» написане уже не лише для духовенства, а й для вірних [5, с. 29].

Також 1953 р. блаженніший Йосиф Сліпий написав працю «Погляд на догматичні та історичні основи Греко-Католицької Церкви на Україні». Розвідка розпочинається із важливих зауваг про початок католицької Церкви від «Ісуса Христа», тобто єдину Церкву заклав апостол Петро. Дослідник богослов М. Буняк зауважував, що такі еклезіологічні тези Й. Сліпий висловлював й раніше, однак тут вони чіткіше виписані. Також вартим уваги, на думку М. Буняка є той факт, що «висловлений погляд Йосифа Сліпого співзвучний з догматичною конституцією папи Пія IX Pastor Aeternus, а якщо точніше, то з наступними словами 3 пункту другого розділу: “Будь-який спадкоємець престолу Петра отримує, через встановлення самого Христа, першість Петра над всією Церквою”» [5, с. 30].

Отож проаналізувавши діяльність Йосипа Сліпого до 1963 р. (у період встановлення блаженнішого як авторитетного богослова, предстоятеля УГКЦ), тобто до Другого Ватиканського Собору можна стверджувати, що отримавши ґрунтовну богословську освіту із всебічним європейським досвідом Й. Сліпий формує свої погляди в руслі ідей Католицької Церкви, однак цікавиться широким спектром проблем міжцерковного порозуміння. У його працях особлива увага при-

ділена питанням обряду, уніатизму. Обряд для митрополита Й. Сліпого невід'ємна складова культури у широкому сенсі слова, яку частково можна отождествити із цивілізаційним дискурсом. Власне такі глибинні богословські роздуми, підсилені культурологічно-історичними екскурсами про роль візантійської культури стають наріжним каменем екуменічних концепцій Й. Сліпого. Подальша творча спадщина та активна діяльність після звільнення віддзеркалює практичний вимір сформованих раніше постулатів та спрямована на налагодження діалогу, побудові взаємних стосунків між діаметрально-протилежними митрополичими престолами (Ватиканом, Російською православною Церквою, грецькими богословами тощо).

Список літератури

1. Біловус Л., Гомотюк О. Патріарх Йосиф Сліпий та екуменізм. *Гуманітарні студії: історія та педагогіка*, 2022. № 4. С. 26-40.
2. Біловус Л., Гомотюк О. Постать Патріарха Йосифа Сліпого у збереженні національної ідентичності (на матеріалах українськомовної періодики діаспори США). *Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Історія*. Тернопіль 2020. Вип. 1. С. 29-43.
3. Біографічний нарис Патріарха Йосифа Сліпого, підготовлений з нагоди 40-ліття (1.11.1944) його вступлення на Галицький митрополичий престіл у Львові єпископом Іваном Хомою та о. д-ром Іваном Музичкою. *Слово Патріарха Йосифа. Документи. Матеріали. Світлина. 1917-1984*. Львів, 2003. С. 25-40.
4. Боднарчук, Ю., Летняк, І. Життєвий шлях та суспільна діяльність митрополита Йосифа Сліпого. *Наукові проєкти соціально-гуманітарного факультету ЗУНУ*, 2022. С. 119-122.
5. Буняк М. Етапи формування еkleзіологічних поглядів Йосифа Сліпого. Магістерська робота. Київ-Княжичі: ЗВО Український католицький університет, Філософсько-богословський факультет Київської трохсвятительської духовної семінарії, 2023, 95 с.
6. Горішна, Н. Вплив діяльності Йосифа Сліпого на функціонування УГКЦ (1945-1963 рр.). *Релігія та соціум*, 2014. Випуск 1-2, С. 75-81.
7. Гриньох І. Введення. *Твори Кир Йосифа Верховного Архiepіскопа і Кардинала Т. V*. Рим 1971. С. 5-68.
8. Сліпий Й. Візантинізм. *Твори Кир Йосифа Верховного Архiepіскопа і Кардинала Рим, Т. II*. 1969, С. 104.
9. Мишанич О. Митрополит Йосиф Сліпий перед «судом» КГБ (За архівними джерелами). Київ 1993, 80 с.
10. Танавська У. Патріарх Йосиф Сліпий – духовний борець за українську державність. *Наукові проєкти соціально-гуманітарного факультету ЗУНУ*, 2002, С. 147-151.
11. *Твори Кир Йосифа Верховного Архiepіскопа і Кардинала Т. V*. Рим 1971. 416 с.
12. Хома І. Йосиф Сліпий: отець та ісповідник Української мученицької Церкви. Рим: Видавництво Салезіянського Товариства Святої Софії, 1992, 64 с.

POLITICAL SCIENCES

FEATURES OF INFORMATION SECURITY OF UKRAINE, THE USA AND THE PRC

Koshelnyk V.

PhD student

V.N. Karazin Kharkiv National University

Kharkiv, Ukraine

ORCID: 0009-0001-9479-1776

DOI: [10.5281/zenodo.13756333](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756333)

Abstract

The work examines the issue of information security at the national and regional levels. It was analyzed that a favorable information environment, protection against cyber attacks is an important element of national security. The main problems of Ukraine in the field of information security are considered using the example of information attacks from the Russian Federation. Two models of information security were studied: democratic and totalitarian; the peculiarities of their use in the United States of America, the People's Republic of China and Ukraine are determined. The administrative and legal mechanism for ensuring information security in Ukraine is analyzed compared to foreign experience. At the same time, information security, in the context of the development of the information society, means the state of security of information resources, databases, information technologies and technical means intended for the collection, processing, storage and transmission of information necessary for the realization of the rights and legitimate interests of subjects of information activity, individuals, societies and states in the information space from the influence of a special type of threats that appear in the form of purposeful or spontaneous activity in the information environment. The emphasis is on the fact that information security acts as a system of social relations that realizes the connection between the interests of the individual, society and the state in the field of information and the legal provision of their protection, which includes the state of security of civil society mainly in the information space and information and telecommunications infrastructure from possible internal and external threats.

Keywords: information, information security, information space, information resources, information technologies.

Introduction.

To date, when the development of technology has reached a high level, the threats to the regional and national security of countries have grown proportionally to it. Therefore, information security acts as one of the main links of society's security. In connection with this, the world public and scientific community felt the need to join forces and create reliable protection against information attacks and form a safe information space.

The topic of information security is quite large, so it is necessary to single out certain links of it that require increased attention of scientists. Currently, the problems of media protection, which have become the subject of discussions, are being studied by many Ukrainian scientists, among them: O. Astakhov, V. Bogdanovych, M. Dmytrenko, V. Husarov, O. Panchenko, M. Yermoshin, V. Horbulin, A. Semenchenko, S. Mosov, I. Romanchenko and others. Among the foreign scientists involved in this problem were: N. Bostrom, I. Bachilo, A. Benoit, Z. Bauman, D. Bel, G. le Bon, K. Vrochynski, T. Eriksen, P. Drucker, R. Zemba, M. Castells, N. Luchi, G. Kuby, K. Lidl, K. Liederman, L. Karvaliks, R. Kuznyar, and others. At the moment, the issues of information security have not been studied to the end, and therefore, require increased attention from scientists.

The rapid growth of scale and variety of information brings to mankind both many new opportunities for self-realization of an individual and society, as well as a lot of new risks and threats. As for the level of information security in Ukraine, it is in a critical situation.

Information war, information expansion, cyber terrorism turned out to be a serious test for Ukraine, for which it was not ready.

Main text.

The information society, towards which humanity is rapidly moving, qualitatively changes the meaning of the concept of information, expanding its potential as a positive resource, and revealing its sharply negative qualities. The study of information as a strategic resource for human development has shown that it can be reliable and relevant, new and outdated, but it cannot be transmitted, received or preserved in its pure form. Any information does not exist by itself, it has its own medium, the ways of its transmission are within the framework of communication channels. In a very broad sense, «information» means the storage of any information and data on physical media or reproduction in electronic format [1].

Currently, the current legislation of Ukraine does not contain a definition of the term «information security», however, as stated in the «Information Security Strategy of Ukraine», it is a component of the national security of Ukraine, contributes to the protection of state sovereignty, territorial integrity, the democratic constitutional order, and other vital human interests, society and the state [2].

The Law of Ukraine «On National Security» states that state policy in the spheres of national security and defense is aimed at ensuring Ukraine's military, foreign policy, state, economic, informational, environmental security, cyber security, etc. [3].

Instead, O. Panchenko gives his definition of the

concept of «information security» – it is a state of protection of the vital interests of the individual, society and the state, in which the harm due to incompleteness, untimeliness and unreliability of information, negative informational impact and consequences of the functioning of information technologies is minimized, and also due to unauthorized dissemination of information. The importance of protecting information security is emphasized in the Constitution of Ukraine: «Protecting the sovereignty and territorial integrity of Ukraine, ensuring its economic and information security are the most important functions of the state, the business of the entire Ukrainian people» [4, p. 672].

We share the opinion of the majority of scientists who believe that information security is a part of national security. Confirmation of this in the conditions of globalization of world information processes is the fact that each state seeks to protect its own interests in the field of information policy. Ukraine, as a part of the world community, also seeks to protect its information space and potential from various types of information attacks.

Until 2014, Ukraine did not pay due attention to information security, which other countries took advantage of. But after the annexation of Crimea by the Russian Federation, Ukraine had to revise its information policy and National Security Strategy in general. As the scientist M. Dmytrenko rightly observes: «The nature and peculiarities of the conduct of the Russian-Ukrainian war show that its goal is to change the self-identification of the population and turn the Eastern region of our country into a «gray zone», which will leave the Russian Federation the levers of its influence due to the constant threat of spreading instability to all of Ukraine» [5, p. 236-243].

The full-scale invasion of the territory of Ukraine on February 24, 2022 by the Russian Federation was accompanied by aggressive and well-planned information propaganda in order to justify this step.

Among the reasons why Ukraine was not ready for such information attacks, the following can be distinguished:

- the Ukrainian information space turned out to be unprotected from external expansion;
- there is no Ukrainian national information product in the global media space, due to which the perception of our country in the rest of the world is formed through other resources that are not always true and objective;
- the activity of the domestic mass media regarding the systematic and objective coverage of facts and events lacks strategic planning.

If we talk about the methods of information attacks on the part of the Russian Federation, V. Husarov makes appropriate conclusions on this matter. The expert singles out the following directions of information and psychological attacks against Ukraine:

- formation of negative opinions about the military leadership of Ukraine, that the incompetent actions of the leadership lead to large losses among the military and the civilian population during the anti-terrorist operation;

- the spread of opinions about the demoralization of military units of the Ukrainian army in the East and about its inability to conduct combat operations;

- imposing the idea that Ukraine will not be able to do without Russian gas, and therefore it is necessary to return to revisions of gas contracts. In general, the so-called gas issue has been the object of manipulation and speculation throughout the period of Ukraine's independence (The Kremlin 2014).

To combat information attacks and to create a truly secure and favorable information environment, the first step is to create an effective regulatory framework. Today, the issue of information security is regulated in such normative legal acts as:

- in 1997, the National Security Concept of Ukraine was approved, however, the Information Security Concept of Ukraine was not created on the basis of this document, and the document itself has only a doctrinal character and serves as a basis for the further regulatory framework.

- in 2003, the Verkhovna Rada of Ukraine adopts a fundamental legal act in the field of national security - the Law of Ukraine «On the Basics of National Security of Ukraine», however, information security is not given due attention. In 2009, the first state act in the field of information security appeared, which was signed by the President of Ukraine, and later the Doctrine of Information Security of Ukraine was adopted.

- In 2022, after the full-scale invasion of the Russian Federation, the President of Ukraine introduced the Decree «On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine» dated March 18, 2022 «Regarding the implementation of a unified information policy under martial law». It has been established that in the conditions of hostilities, the implementation of a unified information policy is a priority issue of national security, the provision of which is implemented by uniting all national TV channels in the project «Unified News #UArazom».

However, truly effective mechanisms for countering propaganda and information attacks appeared only in the National Security Strategy of Ukraine dated September 14, 2020. The Information Security Strategy, which was put into effect by the Decree of the President of Ukraine dated October 15, 2021 No. 685/2021, deserves special attention. One of the directions of the adopted Strategy is the use by the Russian Federation of hybrid war technologies against Ukraine, which turned the information sphere into a key arena of confrontation (On the decision of the National Security 2021). At the same time, Ukraine has significant risks in the information sphere (table 1).

Statistics of cyberattacks in relation to Ukraine

№ s/p	Sector	Number
1.	Government and government organizations	347
2.	Local authorities	276
3.	Security and defense sector	175
4.	Commercial organizations	127
5.	Energy sector	92
6.	Telecom	81
7.	Financial sector	30
8.	IT sector	25
9.	Mass media	15

Source: (State Service 2023).

Analyzing Table 1 and referring to the information of the State Service of Special Communications and Information Protection of Ukraine, it is proven that the number of cases of information attacks in 2023 compared to 2022 increased by 62.5% (State Service 2023). Experts explain this by an increase in the activity of cybercriminals during the period of active hostilities.

The most vulnerable areas for cyber attacks are government organizations, technology and media. Such actions of criminals create many negative consequences for the national and regional security of states (Platonenko 2015).

Understanding the danger and threat of information attacks on the state, one of the first orders adopted by the President of the United States of America D. Biden in 2021 was an order in the field of protecting the information environment and protecting the American people from cyber attacks: «Incremental improvements will not give us the security we need; instead, the Federal Government needs to make bold changes and make significant investments to protect the vital institutions that underpin the American way of life. The federal government must fully exercise its authority and resources to protect its computing systems, whether cloud, on-premise or hybrid. The scope of protection and security should include the systems that process data (information technology (IT)) and those that manage the vital mechanisms that ensure our secu-

urity (operational technology (OT)) (Information Security GSA Home 2021).

If we talk about the international experience in the field of information security, then two key models can be distinguished: the western democratic (the countries of Western Europe, the USA, Canada) and the totalitarian (China, Belarus, the Russian Federation and others). The difference lies in the approaches and methods of creating a favorable information field for the state. That is, the goal of the state is to create a safe information field, to protect against information attacks, but in compliance with all the principles of democracy, without restricting the freedom of speech of its citizens and mass media (Ostroukhai, Petryk, Prysiazniuk 2010).

In countries with a totalitarian model, the principles of implementing fairly monocentric defensive and offensive doctrines dominate. Information is considered, first of all, as a weapon resource, as a means of influencing one's own citizens and actively protecting and countering external informational influences. The mass media are fully under the control of the state and are used as a propaganda mechanism for its own citizens. Observance of the principles of democracy and freedom of speech is not a priority task of the leadership of countries of the totalitarian model (Huang 2007)

A comparative analysis of the information provision of the USA, the People's Republic of China, and Ukraine is given in Table 2.

Table 2

Regulatory base and subjects of information provision USA, China and Ukraine

Criteria	USA	China	Ukraine
Normative base	US information security legislation consists of federal and state laws. This includes laws: «On improving information security» of 1997, «On computer fraud and abuse» of 1986, etc.	The main act in the field of information security of the People's Republic of China is the 2016 Law on Cyber Security. The Golden Shield Project, also known as the Great Firewall of China, a program for filtering Internet content in the PRC, is also being implemented in the PRC.	Information security of the state is regulated by the following laws: Law of Ukraine «On Information» of 1992 Law of Ukraine «On Information Protection in Information and Telecommunication Systems» of 1994 Law of Ukraine «On State Secrets» of 1994 Law of Ukraine «On Protection of Personal Data» of 2010 Decree of the President of Ukraine On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine dated March 18, 2022 «Regarding the implementation of a unified information policy under martial law».

Main subjects in the field of information security	The main person in the field of information security, in particular, is the President of the United States, the Department of Homeland Security (DHS) and other federal agencies to conduct criminal investigations to neutralize cybercriminals, as well as technical experts who develop new tools to combat cybercrime.	The main guarantor of information security and control on the Internet is the Communist Party and the Central Military Council of the People's Liberation Army of China. In addition, relevant ministries are involved in this process, such as: the Bureau of Public Information and Network Security Supervision, the Ministry of State Security, the Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China, as well as research institutes and centers specializing in information security, as well as the Information and the certification center, which are the only structure dealing with issues of ideological control of civil information technologies.	The Interdepartmental Commission on Information Policy and Information Security operates under the National Security and Defense Council (NSDC). Among its main tasks, in particular, is the analysis of the state and possible threats to Ukraine's national security in the information sphere and the generalization of international experience in the formation and implementation of information policy. The State Service for Special Communications and Information Protection of Ukraine is a subject of the defense and security sector and the main subject of the national cyber security system, coordinating the activities of cyber security entities in the field of cyber protection, communications administrator and regulator of communication services. Secretary of the National Security and Defense Council of Ukraine, who is responsible for the information policy of Ukraine under martial law.
---	--	--	---

Source: [Dmytrenko], [Information], [Oliynyk], [On the State Service], [Dyusenov], [Prior]

The Interdepartmental Commission on Information Policy and Information Security operates under the National Security and Defense Council (NSDC). Among its main tasks, in particular, is the analysis of the state and possible threats to Ukraine's national security in the information sphere and the generalization of international experience in the formation and implementation of information policy.

The State Service for Special Communications and Information Protection of Ukraine is a subject of the defense and security sector and the main subject of the national cyber security system, coordinating the activities of cyber security entities in the field of cyber protection, communications administrator and regulator of communication services. Secretary of the National Security and Defense Council of Ukraine, who is responsible for the information policy of Ukraine under martial law.

Conclusions.

Thus, consideration of the information security features of Ukraine, the United States, and China made it possible to reach the following conclusions: 1) the national features of Ukraine, the United States, and China in the field of information security as a part of state sovereignty primarily consist in the difference in the regulatory and legal framework that facilitates or inhibits the implementation of the task of information security protection and state sovereignty;

2) a feature of the current state of Ukraine's information policy and, accordingly, its greater effectiveness, is a meaningful renewal of the joint action of the

country's government on the basis of relevant normative legal acts and relevant institutions related to the implementation of information policy;

3) the government should promote the activity of patriotic periodicals, audio and video content, support educated, literate media workers in order to raise the level of presentation of reliable information, which caused trust and respect for both information products of Ukraine and their producers;

4) civil society institutions should be involved in the common cause of protecting information and state sovereignty.

References

1. Dmytrenko, M. Problematic issues of information security of Ukraine. *International relations. Political science series*. 2017. No. 17. P. 236–243.
2. Dyusenov, N. Defending cyberspace: how China is pursuing a power strategy: 2023. *Sarbaz.kz editorial staff*. URL: <https://sarbaz.kz/mirovoj-vektor/519-zashchita-kiberprostranstva-kak-kitai-vystraivaet-sobstvennuu-strategiiu/> (accessed 14 November 2023).
3. Huang, Qin. Information policy of the People's Republic of China in modern international relations: Diss. Ph.D. Sciences: 23.00.03 - 2007. URL: <http://www.disslib.org/informatsiyna-polityka-kytayskoyi-narodnoyi-respubliki-v-suchasnykh-mizhnarodnykh.html> (accessed 26 November 2023).
4. Information security strategy of Ukraine, approved by the Decree of the President of Ukraine dated

15.10.2021 No. 685/2021. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/6852021-41069> (accessed 12 December 2023).

5. Information Security GSA Home. 2021. URL: <https://www.gsa.gov/reference/gsa-privacy-program/information-security> (accessed 28 December 2023).

6. Law of Ukraine «On Information». Information of the Verkhovna Rada of Ukraine. 1992. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2657-12> - Text (accessed 18 January 2024).

7. Oliynyk, O. Some actual problems of legal regulation of the information sphere in Ukraine. Scientific Bulletin of the Lviv State University of Internal Affairs. No. 2. 2011. P. 216.

8. On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine dated October 15, 2021: Decree of the President of Ukraine №685/2021. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/6852021-41069> (accessed 5 February 2024).

9. On the national security of Ukraine: Law of Ukraine dated June 21, 2018 № 2469-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2469-19> - Text (accessed 10 February 2024).

10. On the State Service of Special Communications and Information Protection of Ukraine: Law of Ukraine dated February 23, 2006. № 3475-IV. URL:

<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3475-15> - Text (accessed 25 February 2024).

11. Ostroukhai, V., Petryk, V., Prysiazhniuk, M. etc. ed., Information security (social and legal aspects): textbook. Kyiv. 2010.

12. Panchenko, O. Information security of a person: monograph. Kyiv 2011. P. 672.

13. Platonenko, A. Modern threats to information security for public and private institutions of Ukraine. Modern information protection. 2015. No. 4. P. 86-90.

14. Prior to the implementation of a unified information policy in the minds of the military camp. Decision of the RNBO dated 03/18/2022. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n0004525-22> - Text (accessed 21 April 2024).

15. State Service of Special Communications and Information Protection of Ukraine. Work report for 2023. URL: <https://scpc.gov.ua/api/files/9c21855d-74da-45d1-90f9-5d4f6795996a> (accessed 11 May 2024).

16. The Kremlin has launched a new information operation against Ukraine. (2014) *ms.detector.media* URL: <https://ms.detector.media/manipulyatsii/post/11351/2014-09-04-kreml-rozpochav-novu-informatsiynu-operatsiyu-proty-ukrainy-ekspert/> (accessed 24 May 2024).

ZOOLOGY

APPLICATION OF DUCKWEED AS AN ALTERNATIVE IN POULTRY FEEDING

Guliyeva S.

Scientific Research Institute of Animal Husbandry

Senior researcher of "Genetics, biotechnology and selection" department

Mammadov K.

Scientific Research Institute of Animal Husbandry

Researcher of the "Breeding of ruminant cattle and small cattle, birds" laboratory

Aliyeva E.

Scientific Research Institute of Animal Husbandry

Researcher of the "Breeding of ruminant cattle and small cattle, birds" laboratory

DOI: [10.5281/zenodo.13756335](https://doi.org/10.5281/zenodo.13756335)

Abstract

The wide use of hybrid birds in this field is the basis for keeping the growth rate of poultry farming at a high level and increasing it further. Hybrid birds are used to improve the breeding qualities of local indigenous bird breeds, enhancing and refining their most important biological and economic characteristics.

Keywords: Poultry, poultry, eggs, poultry meat, hybrid, feed supplement, Duckweed (duck grass) algae, macro-microelements, vitamins.

Introduction

The poultry industry continues to develop rapidly worldwide. After gaining independence, the Republic of Azerbaijan has been swiftly integrating into the global community. President Ilham Aliyev of the Republic of Azerbaijan has signed several decrees to ensure that the economy does not rely solely on the oil sector. As a result, the poultry sector in the country has embarked on a path of rapid development. [1].

At the end of the 20th century, the privatization process led to a significant leap in the poultry industry. The main reasons for this were the privatization of poultry farms, allowing entrepreneurs to use them, the reconstruction of existing farms, the construction of new modern factories, equipping them with very modern equipment, and the implementation of new progressive technologies.

Currently, due to the financial crisis in many countries and the sharp rise in food prices, the demand for poultry meat has increased significantly. It should be noted that pork still leads the meat production market, with poultry meat in second place. Worldwide, a total of 296 million tons of poultry meat is produced, with 37% pork and 34% poultry meat consumed annually by the population. [2]

In recent years, the import of hybrid birds, both meat-oriented and egg-laying, from foreign countries has been on the rise. Hybrid birds are used to improve the breeding qualities of local aboriginal bird breeds and to enhance their most important biological and economic characteristics. [3]

It is possible to meet the ever-increasing demand of the population for poultry meat and eggs by developing the poultry sector, one of the leading branches of animal husbandry, increasing the number of birds, and improving and refining their breeds.

Therefore, to maintain the productivity of the exotic chicken breeds brought to our country, it is essential to study their biological and economic characteristics in the zones where they are kept and to properly

carry out breeding and selection work to increase their overall productivity. [4]

The relevance of the research work: The scientific research work being conducted is relevant to meet the demand of our country's population for poultry products and to increase entrepreneurs' interest in this field. [1; 2].

Duckweed, as an autotrophic organism, is considered a potential food source for humans and animals. It is a very nutritious plant. Duckweed is useful as a natural food for wild animals, pets, and birds. [4].

Duckweed is recognized as a medicinal plant in bird feeding due to its unique chemical composition, richness in several macro and microelements, and vitamin content. It is widely used for the prevention and treatment of various diseases. [7].

Justification of the Topic: Recently, as in other fields of livestock, innovative technologies and the extensive use of various feed additives are being applied in bird feeding. There is a growing need for alternative feed sources, especially for egg-laying chicken breeds and newly created various directional lines. The feed intended for birds should be rich in macro-micro elements, vitamins, and biologically active substances. Since importing feed additives and premixes from foreign countries is expensive, it is possible to produce ecologically clean duckweed, which is grown in artificial conditions in water, mineral solutions, and can be used raw or dried after being washed in clean drinking water, ready for consumption. [8].

Considering the above, we propose using Duckweed grown in indoor conditions as an alternative feed source for birds.

Purpose and Objectives of the Research Study:

The purpose of our research study is to investigate the application of Duckweed (a type of water algae) in the feeding of locally adapted, meat-producing poultry. This includes studying its effects on weight gain and meat quality.

Research Tasks and Methodology

Tasks: The task at hand involves the cultivation of Duckweed (a type of water algae) as a feed additive under laboratory conditions and its application in the feeding of productive poultry.

Methodology: The methodology of the research study is based on the poultry care technology approved by the All-Russian Scientific Research and Technological Poultry Institute (B.F. Bessarapov's "Technology for Poultry Meat and Egg Production Based on Industry" methodology, 2012) [3].

Research Object: The scientific research is conducted at the Poultry Farm of the Animal Science Research Institute. The research object consists of 10-45 day-old chicks from the Leader-55 broiler layer line.

Discussion of Research Results: During the research, experimental and control groups were established, each with 10 chicks. The control group was fed with standard feed, while the experimental group was fed with the sample feed. The chicks were fed with feed brought from the Agdash Feed Factory, including starter feed for days 1-20, grower feed for days 20-30, and finisher feed for days 35-45. In addition to the standard feeding regime, each chick received 10 grams of Duckweed (water algae) per day.

Table 1

Composition and Nutritional Value of the Main Feed for 35-45 Day-Old Birds, %, gr

Feeds	Amount of Feeds, %
Wheat	50,0
Corn	15,0
Corn-Sunflower Meal	10,0
Soybean Meal	19,0
Sunflower Oil	1,0
Mineral Feed and Vitamins	
Salt	0,3
Fish Meal	1,7
DKF	2,0
Premix	1,0
Nutritional Composition per 1 kg of Feed:	
Energy Value, MJ/kg	116,87
Energy Feed Unit	77,36
Crude Protein, %	7,74
Crude Fiber, %	18,7
Phosphorus, %	2,81
Calcium, %	0,7
Crude Fat, %	1,2
Feeds	2,81

Table 2

Composition and Nutritional Value of the Sample Feed

Feeds	Amount of Feeds, %
Wheat Bran	58,5
Mixed Feed	31,5
Duckweed (Algae)	10,0
Mineral Feed	
Lime	0,5
Marble Dust	0,5
Per 1 kg of Feed	
Feed Unit	113,68
Metabolizable Energy, MJ/kg	77,23
Energy Feed Unit	7,72
Crude Protein, %	18,45
Crude Fiber, %	1,26
Phosphorus, %	0,25
Calcium, %	0,52
Crude Fat, %	1,09

Table 3

Body Measurements and Live Weight Gain of Birds at Various Ages, gr n=10

Body Measurements and Live Weight Gain of Birds at Various Ages, gr. n. 10					
Groups 7 Days Old Control Experiment	Live mass gr	Heart		Length of the Breastbone, cm	Length of the Wingbone, cm
		width	girth		
14 Days Old Control Experiment					
21 Days Old Control Experi- ment	0,991	23,9	101	0,83	76,5
28 Days Old Control Experiment	1100	26,2	105	0,87	79
Groups					
7 Days Old Con- trol Experiment	2220	37,5	118	76,5	100,5
14 Days Old Control Experiment	2400	40	122	79	112
21 Days Old Control Experiment					
28 Days Old Control Experiment	3690	56	183	95	117
Groups	4000	62	190	101	123
7 Days Old Control Experiment					
14 Days Old Control Experiment	5448	60	190	104	150
21 Days Old Control Experiment	5850	68	196	110	155

As seen from the table, during the 28-day period, the experimental group showed a higher increase in live weight compared to the control group. Considering the results obtained, it is possible to achieve comparative weight gain by using Duckweed (water lettuce) algae, grown under controlled conditions, as an alternative feed for poultry.

RESULT

In the conducted research, the following results were obtained for each bird:

1. **Weight Increase:** Birds fed with the experimental feed showed a higher weight gain compared to the control group. During the 28-day period, the body measurements of the control group were as follows: chest width 5 cm, chest circumference 18 cm, breastbone length 10 cm, wing bone length 17 cm, and live weight 635 grams.

2. **Experimental Group Measurements:** In the experimental group, the body measurements of each bird were as follows: chest width 7 cm, chest circumference 21 cm, breastbone length 12 cm, wing bone length 19 cm, and live weight 680 grams. The live weight of birds fed with the experimental feed was 45 grams higher than that of the control group.

3. **Live Weight Comparison:** By using Duckweed (water lettuce) algae as a feed supplement, a total of 402 grams more live weight was gained from 10 birds in the experimental group compared to the control group.

In the next phase, the application of Duckweed (water lettuce) algae in the feeding of poultry raised for meat production is planned to be studied for its impact on meat quality.

References

1. <https://www.stat.gov.az/source/agriculture/>.
2. Mirzəyev F.M., S.N.Səmədov, A.C.İsgəndərova, Q.H.Hacıyev, Qarışıq istiqamətli toyuqların bəslənmə texnologiyası, Tövsiyə, Gəncə 2019, 117s.
3. Mirzəyev F.M. Təmir cavanlarının yetişdirilmə texnologiyası, məqalə, Azərbaycan Aqrar Elmi, Bakı №4, 2019, s.69-71
4. Mirzəyev. F.M Dünayada və Azərbaycanda quşçuluq sənayesi dünən və bu gün, məqalə, Azərbaycan Aqrar Elmi, Bakı №5,2018, 96-98 s.
5. Бондарев, Э. И. Птицеводство для начинающих / Э.И. Бондарев. - М.: АСТ, 2015. - 450 с.
6. Водолажченко С. А., Окатьев Е. В., Попова С. А. Выращивание и использование ряски: монография. – Великие Луки: Изд-во ВГСХА, 2011. – 119 с.
7. Горбунов, В.В. Все о курах. Лучшие породы. Разведение, содержание, уход. Практическое руководство / В.В. Горбунов. - М.: АСТ, 2014. - 991 с.
8. Рустамова С.Р., Водная растительность и их экологическая роль. глава 4.4.1.

№87, 2024
Slovak international scientific journal

The journal has a certificate of registration at the International Centre in Paris – ISSN 5782-5319.

The frequency of publication – 12 times per year.

Reception of articles in the journal – on the daily basis.

The output of journal is monthly scheduled.

Languages: all articles are published in the language of writing by the author.

The format of the journal is A4, coated paper, matte laminated cover.

Articles published in the journal have the status of international publication.

The Editorial Board of the journal:

Editor in chief – Boleslav Motko (Bratislava) Slovakia

The secretary of the journal – Milica Kovacova (Bratislava) Slovakia

- Lucia Janicka – (Bratislava) Slovakia
- Stanislav Čerňák – (Bratislava) Slovakia
- Miroslav Výtisk – (Nitra) Slovakia
- Dušan Igaz – (Nitra) Slovakia
- Terézia Mészárosóvá – (Banská Bystrica) Slovakia
- Peter Masaryk – (Rzeszów) Poland
- Filip Kocisov – (Wrocław) Poland
- Andrej Bujalski – (Košice) Slovakia
- Jaroslav Kovac – (Trnava) Slovakia
- Paweł Miklo – (Bratislava) Slovakia
- Jozef Molnár – (Bratislava) Slovakia
- Tomajko Milaslavski – (Nitra) Slovakia
- Natália Jurková – (Bratislava) Slovakia
- Jan Adamczyk – (Prague) Czech Republic
- Boris Belier – (Bratislava) Slovakia
- Stefan Fišan – (Bratislava) Slovakia
- Terézia Majercakova – (Wien) Austria
- Ekaterina Semko (Kyiv) Ukraine

1000 copies

Slovak international scientific journal

Partizanska, 1248/2

Bratislava, Slovakia 811 03

email: info@sis-journal.com

site: <http://sis-journal.com>